

АННА ДЖЕЙН

СЕВЕРНАЯ КОРОНА
ПРОТИВ ВЕТРА

Анна Джейн

Северная корона. Против ветра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70119616

SelfPub; 2023

Аннотация

Две сестры – две судьбы. Ника должна выйти замуж за нелюбимого человека, идеального в глазах других. Но тот, кого она любит, возвращается и предлагает сбежать. Согласится ли она бросить все ради любви? Марта согласна стать подставной невестой, не зная, какова будет цена одного счастливого дня. Что выбрать – жизнь любимого человека или дело всей жизни? А способна ли любовь победить все преграды? Может быть, стоит идти против ветра?...

Содержание

Анна Джейн	4
Аннотация	5
Пролог	8
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	207

Анна Джейн
Северная корона.
Против ветра

Анна Джейн
Северная корона. Против ветра

Аннотация

Ника ждала любимого три бесконечно долгих года. Она поверила в судьбу, потому что он верил в неё. Однако даже звезды ошибаются. Может, ей стоит забыть о любви и выйти замуж за другого?

Марта любит жениха своей сестры. Это разрушает ее изнутри, и только музыка не даёт сойти с ума. Может быть, ей стоит предать родного человека и принять свои чувства?

· Анна Джейн

· Пролог. *Angoscioso*

· Часть первая. *Scherzando andante*

о Глава 1

о Глава 2

о Глава 3

о Глава 4

о Глава 5

о Глава 6

о Глава 7

о Часть вторая. *Risoluto un poco stretto.*

о Глава 1

о Глава 2

о Глава 3

о Глава 4

о Глава 5

о Глава 6

о Глава 7

о Глава 8

о Глава 9

о Глава 10

о Глава 11

о Часть третья. *Allegro con vigore.*

о Глава 1

о Глава 2

о Глава 3

о Глава 4

о Глава 5

о Глава 6

о Глава 7

о Глава 8

о Глава 9

о Глава 10

о Часть четвертая. *Andante lugubre.*

о Глава 1

о Глава 2

о Глава 3

о Глава 4

о Глава 5

о Глава 6

о Глава 7

о Глава 8

о Глава 9

о Глава 10

о Глава 11

Часть пятая. Presto agitato.

Coda. Andante con tenerezza

Пролог

Angoscioso ¹

*Мсть – это слабых души наследство,
В груди достойного ему не место.
Карл Теодор Кёрнер*

Что такое мсть?

Об этом думал неприметный молодой мужчина, сидевший в кафе у окна с видом на широкий проспект. Он пил остывший кофе, который горчил во рту, и неотрывно смотрел на выход из свадебного агентства, расположенного на первом этаже фешенебельного здания. Это было лучшее агентство в городе, которое устраивало дорогие свадьбы в любой локации, предоставляя все: начиная с декораторов и заканчивая фотографами. Прибегали к их услугам только самые обеспеченные.

Василиса тоже мечтала обратиться в такое агентство, чтобы их свадьба была идеальной. Увы, вместе им не быть – его жизнь разрушена. И если когда-то раньше у него были перспективы обрести популярность, а вместе с ней и заработать много денег, то сейчас впереди маячила одна пустота. И эту

¹ Тревожно, беспокойно.

пустоту могла заполнить лишь справедливость. Мечь.

Из свадебного агентства вышла пара: брюнет лет двадцати восьми – в деловом костюме он выглядел старше – и светловолосая хрупкая девушка в коротком летнем платье. Они шли рядом: брюнет разговаривал по телефону, девушка с кем-то переписывалась. На вид – обычная пара, но молодой человек, который наблюдал за ними, подобрался как хищник. Вот они. Те, кого он ждал.

Он улыбнулся, представляя, как скоро свершится задуманное. Это даже лучше его первоначального плана. Он убьет не только человека, который разрушил его жизнь до основания, но и невесту. Прямо на свадьбе. Звучит грандиозно, правда?

Сначала он хотел уничтожить только своего врага, но не вышло. Промахнулся, когда стрелял в него из машины, а потом ему пришлось прятаться от его криминальных дружков. Но ничего, ждать он умеет. И завершит начатое.

Проводив взглядом машину, в которую сели его будущие жертвы, молодой человек покинул кафе и направился бесцельно бродить по парку.

Что такое мечь?

Страх, от которой кипит кровь и сносит крышу?

Оружие против несправедливости и боли?

Свобода выбора? Забвение, проклятие, гнев?

Нет. Мечь – это талант. Человек, который задумал убийство, знал это наверняка. Чтобы отомстить, нужно

иметь особый дар, полученный свыше. И благословение
неба.

Часть первая

Scherzando andante ²

Случай – псевдоним Бога, когда он не хочет подписаться своим собственным именем.

Анатолий Франс

Глава 1

Последние дни выдались суматошными. Честно говоря, Марта и не думала, что такое с ней может произойти: подобное бывает только в книгах и в кино, при этом не в романтическом кино, а в комедийном. Однако случилось именно с ней. И даже ее любовь к Саше Дионову отошла на второй план.

Началось все пару месяцев назад, с грандиозной новости о том, что в родном городе Марты в июне пройдет музыкальный фестиваль молодых исполнителей «Штрихи гармонии». Его проводили уже несколько лет при поддержке щедрых меценатов, помогающих продвигать классическую музыку в массы. Приглашали молодых талантливых исполнителей, устраивали встречи с мэтрами, давали мастер-клас-

² Умеренно игриво.

сы и организовывали творческие вечера, и все это широко освещали в СМИ. Разбросанные по всему свету юные таланты, уже успевшие обрести определенную известность как в узких, так и в широких кругах, охотно приезжали и демонстрировали свои умения.

Родная консерватория ликовала, да и сама Марта пребывала в эйфории. Во-первых, для культурной жизни города фестиваль станет воистину грандиозным событием, во-вторых, на нем выступят самые талантливые ученики консерватории, в том числе Марта, а в-третьих, на «Штрихи» приедет Феликс – ее друг из Лондона. Они часто переписывались и много обсуждали искусство, то и дело сходясь во вкусах.

Удачному шансу встретиться пианист был рад не меньше, чем сама Марта. Он с радостью сообщал в голосовых, что очень хочет увидеть ее вновь. И не только увидеть, но и послушать ее игру. А еще лучше – сыграть вместе с ней. Марта думала, что она нравится Феликсу и что он нравится ей. Почему-то в ее сердце жила уверенность, что когда они встретятся вживую, ее романтические чувства разгорятся, и она точно забудет Сашу. Ведь Феликс такой замечательный: симпатичный, улыбчивый, милый. А самое главное, тонко воспринимает музыку и безумно талантлив! Феликс был ненамного старше Марты, но уже сделал себе имя, один за другим выигрывая международные конкурсы и выступая со знаменитыми оркестрами.

Феликс казался Марте идеальным вариантом. И понимали

они друг друга с полуслова, с полустрочки, с полуноты... Так какого же черта у нее из головы не выходит тот, кто музыку совсем не ценит? Служает, но не слышит. Почему она влюбилась в такого приземленного человека, как Дионов? Ведь для него деньги гораздо важнее музыки. И чувствовать он не умеет. Черствый сухарь.

И такой запретный. Жених сестры.

Как это вышло? Почему их миры соприкоснулись?

У Марты не было ответов на эти вопросы. Да и искать их она не хотела – слишком устала от своей болезненной неправильной любви. Марта просто ждала прилета Феликса, искренне надеясь, что при личной встрече в ее сердце разгорится жар. А у Александра есть Ника. И точка.

Накануне фестиваля Марте позвонили из консерватории и пригласили в группу, которая встретит гостей фестиваля. Среди гостей был и Феликс. Разумеется, Марта согласилась! Затем с ней связался глава группы встречающих – ее преподаватель и дирижер студенческого оркестра младшекурсников Иван Савельевич. Пребывая в невероятно хорошем расположении духа, он сообщил, во сколько и где встречающие должны собраться, чтобы приехать в аэропорт. А встретят они не только Феликса, но и еще нескольких человек.

– А почему именно я буду в группе встречающих? – спросила Марта в конце разговора.

– Ты же одна из лучших студенток, на тебя можно рассчитывать, – скупно обронил Иван Савельевич. – Не тромбони-

ста-бездарника Иванова нам посылать встречать самых важных гостей, а, Карлова?

– Наверное, вы правы, – улыбнулась Марта.

– Я всегда прав, – самодовольно заявил преподаватель. – К тому же ты в городе, а многие разъехались. Что ж, тогда встречаемся завтра у стен нашей альма-матер.

И повесил трубку.

Раньше Марта думала, что Иван Савельевич ее не любит и хочет, чтобы она умерла в обнимку со скрипкой прямо на репетиции. А потом поняла: он не любит всех студентов. Вернее, такое впечатление он только производил, потому что характер у него был взрывным, а терпения ему не хватало. С тех, кого Иван Савельевич считал по-настоящему талантливыми, он сдирал по три шкуры, заставлял репетировать до посинения и ругал даже за самые маленькие недочеты. Однако именно эти ребята постепенно завоевывали популярность и выигрывали на международных конкурсах. Правда, в конце семестра многие начали поговаривать, что Марта Карлова стала его любимицей – поэтому и получила место первой скрипки в оркестре младшекурсников. И строили теории, почему так произошло. Некоторые теории были весьма отвратительными, впрочем, Марта научилась абстрагироваться от сплетен и шепотков за спиной. Мир музыки порой был жестоким.

К консерватории Марта приехала рано утром, вместе с остальными встречающими, которых возглавлял преподава-

тель по истории музыки Викентий Порфирьевич. Она забыла телефон, но возвращаться не стала – не хотела опоздать. У консерватории Карлова села в одну из машин и направилась в аэропорт «Купцово». Участников фестиваля решили встречать с размахом благодаря щедрости все тех же меценатов. Полицейские машины их, конечно, не сопровождали, но для каждого гостя, прибывающего сегодня утром, было выделено по машине с сопровождающими. Также встречающим заблаговременно вручили букеты и ключи от номеров в гостинице «Кедр», куда следовало отвезти гостей.

Марта точно знала, что она будет сопровождать Феликса – уговорила Ивана Савельевича, и тот пошел ей навстречу. Самому Феликсу она ничего не сказала, решив сделать сюрприз. Вот он удивится, когда увидит ее в аэропорту! Когда Марта в последний раз связывалась с другом, тот написал ей, что с нетерпением ждет встречи, которая состоится уже совсем скоро! Однако ее личную бочку с медом подпортила ложка дегтя: в одной машине с Мартой ехала Юлия Крестова – второй сопровождающий. Выглядела она так, словно поехала на рок-концерт: толстовка, джинсы с драными коленками, цепь на ремне. На пальцах – куча колец, вокруг запястий вились кожаные браслеты. Независимая, дерзкая и решительная. Марта же выглядела иначе – нарядно и нежно. Надела синее приталенное платье с тонким черным ремешком. Волосы собрала в высокий хвост, а последним штрихом стали босоножки на высоких каблуках.

Марта посматривала на сестру косо, с недовольством, однако та была настроена дружелюбно и даже предложила ей шоколадный батончик с орехами. Марта хоть и не успела позавтракать, отказалась, и Юля сама съела оба батончика, громко шелестя обертками, что раздражало Марту.

– У кого-то что-то сегодня слипнется, – пропела Карлова, которая на самом деле очень хотела есть.

– Ведешь себя как ребенок, – заметила Юля.

– Веду себя так, как хочу. Или у тебя с этим какие-то проблемы? – подняла бровь Марта.

– Тебе не кажется, что в тебе очень много гордости? – спросила сестра, глядя на Марту в упор. Она часто говорила то, что думала.

– Главное, чтобы не глупости, как в некоторых, – с достоинством ответила Марта.

– Нет, главное, чтобы это не сочеталось в одном человеке, – хмыкнула Юля.

– Ты на что намекаешь? На то, что я тупая? – вскипела Марта.

Крестова ужасно ее бесила!

– Это твои домыслы. Кстати. – Юля внимательно посмотрела на Марту. – Отец был бы рад увидеть тебя у нас в гостях на свой день рождения.

Марта повела плечиком. Ага, рад, как же. Он был рад ее бросить ради другой дочери много лет назад. Вот чему он был *действительно* рад. А она ему не нужна. Отец лишь де-

лает вид, что хочет общаться, потому что боится уронить себя в глазах друзей и коллег.

– Думаю, твоя мать не будет в восторге. – Ответ Марты прозвучал резко.

– Моя мать нормально относится к тебе.

– Да уж, нормально.

Марта вспомнила вторую жену отца, ту, ради которой он оставил их с матерью. Она была красивой, холодной и надменной. На Марту производила отталкивающее впечатление эта женщина с холеным стервозным лицом, обрамленным черными волосами. София Николаевна была ровесницей ее матери, но выглядела лет на десять моложе – тонкая, изящная, почти без морщин. Мама Марты проигрывала ей. Она хоть и была привлекательной женщиной, но выглядела на свои сорок и не умела подавать себя так, как мать Юли. Будто королева. Марта не любила Софию Николаевну еще больше, чем Юлю, и знала, что та тоже не питает к ней светлых чувств.

– Думай как хочешь, сестренка, – сказала Юля.

– Не называй меня так. – В голосе Марты прозвенело предостережение.

Юля ничего не ответила, лишь устало провела ладонью по коротким волосам. Совершенно мальчишеский жест. Сняв с себя толстовку, Юля осталась в черной майке, и Марта заметила на предплечье сестры большую цветную татуировку – часы и механизмы в стиле киберпанк. Ее снова уколола за-

висть, ведь ее мама была против татуировок, а вот Юлия могла позволить себе выглядеть так, как хочет.

Всю оставшуюся дорогу девушки ехали молча, словно незнакомки.

В аэропорту они встретились с Иваном Савельевичем, который четко объяснял, кому, кого и откуда встречать, не забывая при этом раздавать таблички с именами прилетающих.

– Крестова, Карлова, и вы, Викентий Порфирьевич, – кивнул он на пожилого преподавателя истории музыки, – будете отвечать за пианиста Феликса Грея из Лондона. Вам – в международный терминал. Табличка при вас?

– При нас, – отозвался Викентий Порфирьевич, поигрывая ярко-желтой табличкой, на которой было написано Felix Grey. – А почему надпись-то на английском? Этот Феликс по-русски шпарит хорошо.

– Потому что так надо, – сурово посмотрел на коллегу Иван Савельевич. Почему – он и сам не знал. Намудрил кто-то из организаторов, подумав, что раз имя и фамилия иностранные, то их нужно написать на английском. Дураков много, всех не перечислить и не упомянуть. – Этот ваш Феликс прилетает через час, так что караульте его в зале ожидания международного терминала.

– Через час? – охнул Викентий Порфирьевич. – А что же мы так рано приперлись, позвольте спросить?

Иван Савельевич строго на него взглянул и невозмути-

мым голосом сообщил номер рейса, на котором должен был прилететь пианист.

– Участники прибывают в разное время. Наша задача – встретить их. У моего гостя посадка будет через десять минут, – помахал он своей желтой табличкой с надписью «Василиса Курочкина». – А у них, – кивнул он в сторону коллег, – гости прилетят через полчаса. Так что вы уедете из «Купцово» последними. В общем, я – в терминал для внутренних рейсов. Вы все – для международных! И только попробуйте напортачить. Сегодня прилетают самые важные гости фестиваля! – Иван Савельевич погрозил кулаком, словно услышал, как в его оркестре кто-то берет на полтона ниже.

Марта хмыкнула, Юля позволила себе улыбнуться, а Викентий Порфирьевич, воинственно уперев руки в бока, заявил:

– Я вам не ваш студент, не забывайтесь!

– Естественно, вы хуже, – сообщил Иван Савельевич.

Между коллегами была давняя неприязнь.

– Что это вы себе позволяете, милейший? Да я, между прочим, заслуженный!

– Знаем-знаем.

– Знает он! И чем это я тогда хуже студентов?! – шумно дышал от негодования Викентий Порфирьевич.

– Они хотя бы меня слушаются, – хмыкнул дирижер.

– Это вам кажется, – парировал преподаватель истории музыки. – Вас, знаете ли, студенты не любят и боятся. Вы

злой и некорректный педагог.

Марта захихикала в кулак, а Юля отвернулась, пряча улыбку.

– А вы зато белый и пушистый! – захохотал распалившийся Иван Савельевич, забыв, зачем он сюда приехал. – Я, к слову сказать, всегда адекватно оцениваю студентов. А вот вы – вся консерватория знает! – студентов-то не очень жалуете, а вот студентки, даже искренние дуры, у вас с первого раза все сдают на отлично и хорошо!

– Ну вы и сплетник! – ахнул его оппонент и с презрением заявил: – Лучше бы вы своими партитурами занимались, а не слухами, дорогой мой Иван Савельевич!

– Это не слухи, а факты, – припечатал дирижер.

– Да я... Да вы... Да и не... – захлебнулся в возмущении преподаватель истории музыки и разразился гневной тирадой. Иван Савельевич ответил ему тирадой не менее обличительной. Началась настоящая словесная баталия. Один покраснел как помидор, второй в пылу дискуссии размахивал руками, задевая прохожих.

– Вы гостя-то встречать думаете? – посмотрев на наручные часы, спросила Юля, и ее слова волшебным образом подействовали на преподавателей.

– Думаем, – опомнившись, мигом закруглился со спором Иван Савельевич, которому пора было бежать и встречать свою Василису Курочкину. – Мы с вами потом договорим, – кинул он многозначительный взгляд на озлобленного колле-

гу и, прихватив с собой одного из студентов, поспешил вперед. Викентий Порфирьевич же прошипел что-то нехорошее и, размахивая желтой табличкой с именем своего гостя, побрел следом за Юлей, небрежно сунувшей руки в карманы, и Мартой, держащей букет.

Глава 2

Почти час они провели в зале ожидания. Марта и Юля не разговаривали друг с другом, зато Викентия Порфирьевича было не заткнуть. Он быстро пришел в хорошее расположение духа и развлекал девушек байками из юности. Марта зевала и делала вид, что слушает. А Юля думала о своем, порой поглядывая на сестру. Сейчас казалось, будто они совершенно чужие люди, а ведь ей искренне хотелось, чтобы у них сложились хорошие отношения – пусть не самые близкие, но хотя бы теплые. Чтобы они были одной семьей. Поддержкой и опорой друг другу.

Хоть Юля и была бунтаркой, выступавшей за свободу и равенство, и производила впечатление сильной и смелой личности, но в вопросах этики и отношений соблюдала правила, чтобы никого не обидеть и не унизить. Она принадлежала к той породе людей, которые не могут пройти мимо несправедливости. И она считала, что отец поступил с Мартой несправедливо. Нет, отца она не осуждала – приняла то,

что у него действительно были причины оставить первую супругу и уйти ко второй, любимой и тоже подарившей ему дочку. Но понимала, что его поступок был неэтичным. Он жил на две семьи, потом и вовсе бросил первую жену с ребенком. Но Марту искренне любил и переживал из-за того, что она ненавидела его и презирала. Юля знала: отец чувствует вину, и почему-то Юля тоже ее чувствовала. А еще она испытывала стыд. Будто это из-за нее пострадала Марта. Ведь кто знает, если бы она не родилась, возможно, отец не ушел бы от матери Марты?

Впервые эту вину Юля почувствовала еще в далеком детстве, когда отец привел ее в гости к Марте. Обычно та с радостью встречала сестренку, и они вместе играли часами. Но в тот раз Марта вдруг наотрез отказалась выходить к гостям и забилась под стол с длинной скатертью. Юля до сих пор помнила, как в испуге сидела на диване, надеясь, что сестра выйдет к ней, и водила пальцем по сине-зеленым цветочным узорам на скатерти. Но Марта так и не вышла. Тогда Юля сама залезла к ней под стол с куклой в руках и увидела заплаканное лицо Марты. Юля попыталась что-то спросить, но сестра метнула на нее взгляд, полный злости и обиды, и стала прогонять ее, а потом укусила за руку. В итоге из-под стола Марту вытащила ее мать и заставила сесть рядом с отцом и Юлей. Но когда отец хотел обнять ее, сестра разрыдалась в голос, убежала в другую комнату и спряталась в шкаф.

Ее родители совершенно не понимали, что происходит, да

и маленькая Юля – тоже. Она побежала следом за Мартой, чтобы успокоить ее. Открыла шкаф и услышала фразу, которая запомнилась ей на всю жизнь.

– Отстань от меня. Ты украла у меня папу, – выпалила Марта, высунув из шкафа кудрявую голову. И обиженно посмотрела на Юлю опухшими разноцветными глазами.

Юля, хлопая ресницами, смотрела на сестренку, не понимая смысла этих слов, хотя именно тогда в ее груди и начало расти что-то тугое и темное. Стыд.

С тех пор Юле казалось, что она виновата перед Мартой. Потому что отобрала у нее отца. Все попытки общения Марта пресекала. Ей не нужны были ее забота и поддержка. Она будто забыла, что у них в жилах течет общая кровь.

В какой-то степени Юля даже завидовала двоюродной сестре Марты – ведь с Никой Марта общалась близко. Да и внешне они были похожи. Настоящие сестренки.

Об этом она никому и никогда не говорила – ни отцу, ни матери, ни друзьям. Все привыкла держать в себе, и лишь музыка позволяла ей выплескивать эмоции. Хотя иногда вина и чувство долга душили Юлю.

Позвонил Крис, и Юля, извинившись, встала и отошла в сторону. Впрочем, пожилой преподаватель истории этого будто и не заметил, продолжая воодушевленно рассказывать истории из своей юности.

– Что хотел? Давай коротко, я занята, – бросила Юля, поглядывая на электронное табло в центре зала ожидания.

– Слушай, Юлька, группа Стаса через пару дней выступить в клубе будет, – выдал Крис заманчивым тоном.

Их общение со Стасом превратилось в крепкую дружбу – они сошлись на почве музыки. К тому же Крис соизволил написать Стасу несколько песен. Время от времени он тащил подругу к Стасу, и они вдвоем начинали уговаривать ее сыграть в группе на синтезаторе. Юля каждый раз жутко бесилась. Ей искренне хотелось играть. Но она не могла. И точка.

– И что? – спросила она сухо.

– У них проблемы с клавишником, – вздохнул Крис. – Прямо мистика какая-то...

В группе Стаса действительно была проблема с клавишниками. Они сменялись один за другим. Кто-то не мог прижиться в группе, кто-то не хотел долго репетировать, а кто-то просто переходил в другие музыкальные коллективы. У последнего неожиданно забеременела девчонка, и тот бросил все – и хобби, и универ, и пошел работать на фирму к отцу, чтобы обеспечивать ребенка. И все это – прямо перед важным выступлением на местном рок-фесте.

– Не ново, – отозвалась Юля. – У вас всегда эти проблемы. И мой ответ – нет.

– Что – нет? – заорал возмущенно Крис. – Ты ничего не знаешь и уже неткаешь! Я от тебя в афиге, подруга!

– Я знаю, что ты хочешь, – перебила эмоционального друга Юля.

Ее снова хотели позвать в группу на клавиши.

– Всего лишь один концертик, Юлька, – заканючил Крис. – Через два дня выступление! Спаси нас!

– Ты играть умеешь, сам и заменяй, – отрезала Юля.

– Ну ты и сволочь, Юлька, – восхитился Крис. – Ты же знаешь, что я с отцом через два дня буду на закрытии «Штрихов».

– Отпросись, – насмешливо посоветовала Юля.

– Угораешь? – мрачно спросил Крис.

Одним из двух человек, которых он искренне боялся, был его собственный отец – Иван Савельевич, преподаватель консерватории, дирижер и друг Юлиного отца. Сына он воспитывал один, с помощью своей матушки, пожилой, но грозной женщины, некогда оперной певицы. И бабушка была вторым человеком, которого Крис не смел послушаться. И если отец сказал Крису, что тот будет с ним до самого закрытия фестиваля, а после пойдет на торжественный банкет, где соберется множество деятелей искусства, то будет так, и никак иначе.

– Это ты угораешь. Забыл? Я тоже там буду, – фыркнула Юля.

Она собиралась выступать на фестивале, как и Марта. Обе сыграют в зале филармонии в последний день. Только Марта – с оркестром, а Юля – сольно.

– Я пробил у бати инфу – ты будешь выступать до часов семи, а потом освободишься. А у нашей группы концерт в девять. Успеешь! Да и репетировать тебе почти не надо, ты же

талантливая, – лстиво заметил Крис, – ноты посмотришь, чуток послушаешь и...

– Нет, Крис. Попроси кого-нибудь другого. – Я – пас. – И Крестова отключилась под внимательным взором любопытной и скучающей Марты.

Юля вернулась и села рядом с сестрой. Викентий Порфирьевич не замолкал – рассказывал душещипательную историю о своей первой поездке в другую страну.

– ...и вот когда наш оркестр отправился за границу, с нами поехали – так, знаете ли, тогда полагалось – два сумрачных типа из КГБ. Эти товарищи зорко бдели за нами. Железный занавес – это вам не шутки! Каждый наш шаг контролировался. А мне нужно было попасть из гостиницы...

– Наш рейс, – перебила его Юля.

Она следила за информационным табло в центре зала.

– Тогда скорее идемте встречать нашего гостя! – вострепенулся преподаватель, резво подпрыгивая на месте. – Вдруг он нас не заметит!

– Заметит, – ответила Юля. – И прямо сейчас мы его не встретим. Сначала он пройдет регистрацию, после получит багаж и только потом появится.

– Какая ты рассудительная, Юлечка, – с умилением посмотрел на нее Викентий Порфирьевич. – А я даже номер рейса не запомнил. Эх, что бы мы с Мартой без тебя делали, как бы этого Феликса... – Тут он глянул на желтую табличку, забыв фамилию. – Грея профукали как нечего делать.

Крестова в этом и не сомневалась. Препод забылся в рассказах о прошлом, а Марта летала в облаках, думая о чем-то своем.

Спустя некоторое время из зоны прилета появились первые пассажиры, летевшие на одном самолете с Феликсом Греем. И трое встречающих внимательно вглядывались в толпу, силясь отыскать там пианиста.

Марта как смогла описала его:

– Высокий, темноволосый, темноглазый, стройный. Очень симпатичный и улыбчивый...

Тут сестра осеклась под заинтересованным взглядом Юли. Ей показалось, что о госте Марта говорит с излишней эмоциональностью.

«Нравится он ей, что ли?» – подумала она про себя. Юля знала Феликса лично – они встречались на одном престижном конкурсе несколько лет назад. Были конкурентами, и лауреатом первой степени стала она, а не он, что дико его расстроило. Он даже заплакал. Лучше талантливый мальчик из интеллигентной семьи, чем бандит, за которого собралась замуж Ника.

– Отлично! Ждем нашего гостя! – воссиял Викентий Порфирьевич. И высоко, как только мог, поднял табличку с его именем.

Поток прибывших его рейсом почти иссяк, а Феликса все не было. Юля видела, что Марта нервничает, да и сама хмурилась: не любила, когда что-то шло не по плану. Юле нра-

вилось контролировать ситуацию, а не зависеть от нее.

— Пропустили мы гостя нашего. Видать, мимо прошмыгнул, — покачал головой Викентий Порфирьевич. — Давай-те-ка поступим так, госпожи студентки. Я останусь тут с плакатом, а вы побродите по залу и поищите гостя, раз знаете, как он выглядит. Нам без него никак нельзя уехать.

Девушкам пришлось повиноваться. Марта отдала букет преподавателю и пошла в одну сторону, а Юля — в другую. Отдаляясь от сестры, Юля вдруг подумала, что они всегда так — идут в разные стороны. Всю жизнь.

Марта четверть часа ходила по шумному залу прибытия международного терминала, даже выбегала на улицу, пытаясь найти Феликса, однако ее поиски не увенчались успехом.

«Возможно, у него возникли накладки с регистрацией или с получением багажа, и он только сейчас вышел в зал прилета», — вернувшись в зал, подумала Марта. И решила подойти к Викентию Порфирьевичу. Не без труда разыскав его, Карлова чуть не подпрыгнула от радости. Он стоял не один, а в компании с высоким стройным молодым человеком в черных зауженных джинсах и в светло-серой кофте с длинными рукавами. Рядом с ним находилась большая дорожная сумка. Парень стоял к Марте спиной, она не видела его лица, но точно решила: это Феликс. Ну кто еще это может быть? Она даже не обратила внимания на то, что друг несколько вырос да размах его плеч стал как-то шире. Ее сердце радостно за-

билось от предвкушения долгожданной встречи.

Марта решила немного поозорничать. Она осторожно пробралась к ним сквозь толпу встречающих. Викентий Порфирьевич, размахивая желтой табличкой и букетом цветов, удивленно взглянул на нее, но Марта прижала палец к губам, и он заулыбался.

Марта подкралась к Феликсу, встала на носочки и закрыла ему глаза ладонями. Вернее, хотела закрыть глаза, а закрыла ладонями линзы огромных очков. Это ее слегка смутило, но Карлова не отступила.

– Угадай, кто? – весело спросила она Феликса, уверенная в том, что тот поймет, кто это.

Но Феликс не понимал. Он застыл.

«Не узнал, что ли?» – подумала Карлова с некоторым недовольством.

– Угадывай! – повторила она громко, касаясь щекой его спины. – Иначе не отпущу! Ну же!

– Марта, дорогая... – хотел что-то сказать Викентий Порфирьевич, но не успел.

Феликс ловко стряхнул с себя ладони скрипачки, неожиданно развернулся, схватил ее за запястья и притянул к себе, разглядывая сквозь темные стекла солнцезащитных очков. Держал он девушку уверенно, цепко, но не причиняя ей боли.

– Боже, – выдохнула Марта.

Несмотря на капюшон и очки она поняла: это не Феликс!

Это кто-то другой! Она просто подошла к незнакомому молодому человеку и закрыла его глаза ладонями.

– Вы... кто? – тихо спросила она, не сводя с него изумленных глаз.

Бледное, довольно узкое продолговатое лицо с точеными чертами, словно вырезанными скальпелем, тонкий нос с хорошо оформленными крыльями, который при этом не выделялся на лице, поскольку отлично гармонировал со слегка выпирающим подбородком и линией тонких губ, отчего-то ярких, с коралловым оттенком. Аура вокруг этого человека была какая-то необычная, полная таинственности.

Даже несмотря на то что Марта не видела его лица полностью, она с уверенностью бы сказала, что этот человек симпатичен. Еще совсем немного изысканности – и его эффектная загадочная внешность стала бы довольно женственной, на любителя. Но удивительным образом она балансировала на грани, оставаясь утонченно-мужественной.

– Кто вы? – повторила Марта, не в силах оторваться от лица молодого человека.

Ей казалось, что где-то она его уже видела. Но где? Не мог же Феликс сделать пластику?! Конечно нет, бред какой-то.

Незнакомец наконец отпустил ее запястья и пожал плечами. Этот жест у него вышел таким артистичным и одновременно недоумевающим, что Марта слабо улыбнулась. Надо же, облапала совершенно постороннего человека. Только почему он молчит?

– Простите, – произнесла она, закусывая губу и глядя то в бело-серый мраморный пол, то на него. – Я перепутала вас с другом. Мне очень жаль...

Молодой человек позволил себе чуть улыбнуться, легонько прижал указательный палец к своим тонким ярким губам, прося девушку замолчать, и произнес на английском:

– Я не говорю по-русски.

Недоумение Марты росло в геометрической прогрессии. Это вообще кто? Кого Порфирьич подцепил, пока их с Крестовой не было?!

– А я понял, почему табличку сделали на английском, – гордо выдал Викентий Порфирьевич, молча внимавший происходящему. – Потому что он не понимает по-русски, ха-ха-ха! Представляешь?

– Кто вы? – не обращая внимания на преподавателя, спросила на английском скрипачка.

Молодой человек кивнул на желтую табличку в руках Викентия Порфирьевича:

– Я Феликс Грей, – медленно и внятно сказал он.

Как будто бы ему задали глупый вопрос. Очень глупый!

– Феликс... Грей? – не поверила своим ушам скрипачка.

Быть не может! Она отлично знает, как выглядит Феликс! Этот парень на него совсем не похож! Нет, он, конечно, напоминает кого-то, но... глупости какие, никакой он не пианист из Лондона, которого ждут на фестивале «Штрихи гармонии»!

– Да, верно, – подтвердил незнакомец.

Голос у него был приятным: негромким, плавным и каким-то магнетически успокаивающим, как у психотерапевта.

– Он – Феликс Грей, – радостно заверил Викентий Порфирьевич. – Что ты к нему привязалась, деточка? Все, ищем Юлию, и в машину! Встретили – и в дорогу, с богом, так сказать.

– Что вы говорите, это не тот Феликс! – не зная, плакать или смеяться, воскликнула Марта.

– Как – не тот? – посмотрел на свою студентку как на сумасшедшую пожилой преподаватель и даже нетерпеливо топнул ногой. – Тот!

– Нет же! Это другой Феликс!

– Марта, милая моя, ты уверена?

– Конечно! Где вы его вообще взяли? – перевела большие глаза на Лжефеликса Марта.

Тот спокойно стоял рядом и с интересом осматривался по сторонам.

– Где взял, где взял... Сам подошел, – отозвался обиженно Викентий Порфирьевич. – Ткнул сначала в табличку, потом себе в грудь.

– Вас прислал встретить меня мой друг? – спросил незнакомец по-английски.

Марта и профессор озадаченно уставились на него.

– Вас прислал мой друг? – повторил молодой человек, потирая ладони с длинными пальцами и выпирающими ко-

стяшками друг о друга на уровне солнечного сплетения. – Вы от Кезона... вернее, как это по-вашему – Кирилла?

– Что он говорит, что говорит? – нервно спросил Викентий Порфирьевич.

– Кажется, хочет узнать что-то про какого Кирилла, – неуверенно откликнулась Марта.

Английский она знала не очень хорошо, к тому же растерялась в этой странной ситуации.

– Моя дорогая, а ведь генеральный продюсер «Штрихов» – это Кирилл Юрьев. Может, он его имеет в виду, а? – озарило профессора.

– Может быть... – осторожно предположила Марта.

– Да, мы от Кирилла, – воодушевившись, заявил Викентий Порфирьевич и, видя, что незнакомец не понимает его, очень медленно проговорил: – Да-а-а, мы-ы-ы. – Тут он для наглядности ткнул большим пальцем себе в грудь и указательным – в сторону Марты. – Мы – от Кирилла. Ки-рил-ла! Понимаешь? Я и Кирилл – дру-зья.

Это было правдой. Знаменитый дирижер Юрьев, которого уважали как на родине, так и за рубежом, был сокурсником Викентия Порфирьевича, когда оба они учились в Московской консерватории много-много лет назад.

– Друзья. Фрэндс, – вспомнил, как будет «друг» по-английски Викентий Порфирьевич, и добавил на русский манер, нарушая кучу правил грамматики: – Ай энд Кирилл – фрэндс. Вери гуд фрэндс. Хи отправил, понимаешь? От-пра-

вил. — Теперь он двумя пальцами изобразил бег. — Ме-ня к те-бе, Феликс. Чтобы довес-ти те-бя. Ю-ю, тебя, да, до отеля. Отель. Хотель, андестенд? Фирштейн? — перешел он почему-то на немецкий.

— Отель? — повторил парень и, чуть подумав, кивнул.

Марта, глядя на этот цирк, потеряла лоб.

— Извините, — сказала она. — Но это все равно *не тот* Феликс!

— Может, ты его не узнала? — со всей своей непосредственностью поинтересовался преподаватель. В голосе его звучала надежда.

— Нет! — упрямо повторила Марта, думая, что делать и кому звонить.

Телефон, как назло, забыла!

Викентий Порфирьевич пожевал нижнюю губу, уставившись на загадочного молодого человека, и резко протянул Марте чуть помятый букет цветов.

— Посмотри внимательнее! Вдруг узнать не можешь?

И преподаватель с необыкновенной для своего возраста ловкостью умудрился одним движением стянуть с молодого человека очки и капюшон, явив миру длинные темные волосы, спрятанные под серую кофту. Передние, более короткие пряди выбились из прически и плавно опустились на бледные скулы, почти касаясь линии губ. В одном ухе сверкнула необыкновенной формы серьга в виде креста бога Осириса, известного как египетский крест, или анх.

Темно-серые глубокие глаза незнакомца, под которыми пролегли едва заметные тени, расширились. Он не ожидал такой прыти от старика. И тут же прикрыл лицо ладонью.

Из рук Марты выпали цветы. Она узнала его. Узнала! И теперь не могла даже выдохнуть от восторга.

Вот почему его лицо показалось ей знакомым! Да потому что она кучу раз видела этого человека! И слушала его игру на гитаре, фортепиано, синтезаторе и, конечно же, на скрипке. Он ведь так обворожительно играет: стремительно, ярко, талантливо! Умело вплетая мелодии, издаваемые смычком, в общий поток музыки своей группы и каждым своим штрихом, каждым взмахом руки подчеркивая неповторимость звучания сильного вокала солиста.

Визард, Принц-регент Визард, Странный Ви. Так звали этого загадочного человека многочисленные фанаты по всему миру и журналисты, которые буквально охотились на него. Это был один из членов бешено популярной группы Red Lords – группы блестящей и, бесспорно, оставившей след в музыкальной истории. Человек-легенда. По крайней мере, в голове Марты. Безумно талантливый и при этом действительно странный. Но это он, в самом деле он! Говорят, Визард никогда не снимает серьгу в виде анха. Это и правда так...

Опешивший от дерзости профессора незнакомец тут же накинул на голову капюшон и попробовал забрать назад солнцезащитные очки. Однако Викентий Порфирьевич лов-

ко, как какой-то баскетболист, отпрыгнул в сторону и зацокал языком:

– Посмотри, Марта, какое у него удивительное лицо. Какая одухотворенность в глазах, какая аристократичность! Артист, наверное! – сам того не ведая, попал в точку преподаватель. – Вы, случайно, в мюзиклах не выступаете? Где-то я вас определенно видел...

Марта в шоке смотрела в глаза кумира миллионов, невесть как попавшего в аэропорт «Купцово» и выдающего себя за Феликса Грея. Темно-серые, чуть глубже и ближе посаженные, чем того требовал идеал, но выразительные, с поволокой... На фото в глазах обычно была легкая отстраненность, сейчас же в них читалось недоумение, граничащее с гневом.

– Сэр, отдайте очки. Сэр! – тихо, но очень настойчиво попросил на английском Визард.

Без них музыкант явно чувствовал себя некомфортно. И Марта поняла почему: боится, что его узнают. Она тарасилась на него с благоговением. Один из музыкантов «Красных Лордов»! Прямо здесь, прямо перед ней, живой и такой... такой невероятный! Из ее сердца, бьющегося в темпе живительного presto, посыпались искры восторга.

– Ну чистой воды Дориан Грей современности, – хмыкнул Викентий Порфирьевич. – Оба англичанина, фамилия одна и та же. Забавно.

– Отдайте ему очки. Сейчас же! – прошипела Марта, не в

силах перестать пялиться на знаменитость, которая когда-то казалась ей недостижимым полубожеством.

Тот все так же прикрывал лицо ладонью.

Марта буквально выдрала из пальцев профессора очки и отдала музыканту. Тот немедленно надел их.

– Простите... Простите, вы – Визард? Вы играете в группе «Красные Лорды»? – взволнованно спросила скрипачка.

– Кто это? – тут же встрял Викентий Порфирьевич, который о популярной современной музыке понятия имел весьма относительные.

Визард кивнул:

– Тише, мисс, прошу, – попросил он Марту, нежно касаясь ее предплечья.

– Это действительно он, – прошептала Карлова в восхищении.

– Вас правда прислал Кирилл? – с сомнением в голосе уточнил музыкант.

Ответить ему Марта не успела.

– Что происходит? Где вы его взяли? – раздался за их спинами негромкий, но уверенный голос Юли.

Судя по всему, она тоже успела увидеть лицо Визарда и узнала его. А теперь смотрела на него не мигая.

– Юлечка, – обрадовался Викентий Порфирьевич, вконец запутавшийся. Все-таки организация чего-либо была его слабой стороной, а бытовые вопросы вообще его утомляли. – Это какой-то нонсенс! К нам пришел какой-то другой Фе-

ликс! А наш куда-то пропал!

– Вижу, – бросила Юля, внимательно рассматривая музыканта.

Марте показалось, что в глазах сестры промелькнуло что-то похожее на восторг, но Юля умела держать себя в руках.

– Добрый день. Вы – Феликс Грей? – спросила она у Визарда. Ее английский был почти безупречен.

– Да, это мое имя, – отозвался тот своим приятным заволаживающим, почти гипнотическим голосом.

У Марты едва не подкосились ноги.

– Прошу простить, если я покажусь вам бестактной. Но вы – один из музыкантов группы «Красные Лорды», не так ли? – продолжала светским тоном Юля, пытаясь вырулить ситуацию.

– Думаю, я буду не прав, если отвечу отрицательно. – Ему явно понравился ее тон, потому что на губах мелькнула полуулыбка.

– Получается, Визард – ваше сценическое имя, а Феликс Грей – настоящее? – уточнила Юля.

– Верно. Но прошу оставить это в тайне.

Марта поняла его ответ и тут же закивала. Члены группы сохраняли инкогнито, и никто не знал их настоящих имен, возраст и прочих данных. Легендарную группу окружал ореол загадочности.

– Я не совсем понимаю, что происходит. Вас отправил Кирилл?

– Нет, – ответила Юля. – Мы встречаем другого Феликса Грея. Я сама не понимаю, что происходит. И буду благодарна, если вы расскажете, как здесь оказались. Чтобы мы могли согласовать план наших дальнейших действий.

Визард чуть прищурился, уставившись на Юлю. Взгляда та не отвела – смотрела прямо и уверенно. Наконец музыкант кивнул. Видимо, понял, что у него нет другого выхода. Или что он может доверять Крестовой.

– Я прилетел в Россию инкогнито. К своему другу по имени Кирилл. – Имя друга Визард выговорил старательно, почти без акцента. – Он должен был прислать людей, чтобы они встретили меня в аэропорту. В зале ожидания я нашел этого пожилого джентльмена. Он держал в руках табличку с моим настоящим именем. – Музыкант медленно перевел взор серых с поволокой глаз на Викентия Порфирьевича, с кряхтением подбиравшего букет с пола. – А после к нам присоединилась эта мисс. Очень хорошенькая мисс.

Визард посмотрел на Марту. Та поймала его взгляд. Ей снова захотелось улыбаться. Это же один из ее любимых современных музыкантов! Суперзвезда! Недостижимый идеал. Да, он не из мира классической музыки, его сцена – стадионы, где собираются десятки тысяч фанатов. Но какая разница, какую музыку ты играешь, если она заставляет сердце биться чаще? Суть музыки одна. Как говорил Бетховен, она должна высекать огонь из души человеческой.

Будто почувствовав состояние этой девушки, Визард

улыбнулся ей и продолжил свой рассказ:

– Мисс подошла ко мне сзади и закрыла глаза руками. Мне показалось, что она перепутала меня с кем-то. А затем она меня раскусила. Впрочем, как и вы. Надеюсь, мое инкогнито останется в тайне?

– Конечно, не беспокойтесь, – отозвалась Крестова и кратко перевела разговор преподавателю.

Выслушав Юлю, тот вынес суровый вердикт:

– Дурдом.

– Я верно понял, что вы ждали какого-то другого Феликса Грея? И вы не от Кирилла? – спросил Визард Юлю.

Удивительно, но несмотря на ситуацию он не нервничал. Был спокойным. Марта, не отрывая от него глаз, подумала вдруг, что у него необычайно прямая осанка – такую вырабатывают с детства. Может, слухи не врут и Визард действительно представитель одного из аристократических родов Великобритании, ведущих начало едва ли не со времен правления Вильгельма Завоевателя? Хотя слухов вокруг него ходило множество. Кто-то говорил, будто Странный Ви – профессиональный психотерапевт, гипнолог, умеющий подчинять себе волю человека. Кто-то утверждал, что он экстрасенс, которому подвластны необъяснимые вещи. А кто-то уверял всех, что Визард настоящий психопат и постоянно лечится в закрытых учреждениях. Но Марта была уверена, что это не так. Этот человек казался ей каким-то светлым.

– Да, мы не от Кирилла. И мы ждали другого человека.

Он тоже музыкант, но пианист. Не понимаю, как так произошло, что одним рейсом из Англии прибыло сразу два Феликса Грея, – покачала головой Юля.

Визард пожал плечами и снова осмотрелся по сторонам, наверное, в поисках людей своего друга Кирилла. Марта же машинально стала искать телефон, чтобы позвонить своему Феликсу, но снова вспомнила, что забыла его. А номер она наизусть не помнила.

У Викентия Порфирьевича зазвонил телефон – это был Иван Савельевич. Скучным голосом тот сообщил, что Феликс Грей не приедет.

– Это еще почему? – возопил Викентий Порфирьевич, напугав мимо проходившую женщину с клетчатым чемоданом на колесиках.

– По дороге в аэропорт Феликс попал в аварию. С ним все хорошо, но он сломал ногу, – сухо перебил его Иван Савельевич. – Возвращайтесь.

– Возвращаться?! А раньше вы сказать не могли?! – аж побагровел его коллега. – Между прочим, мы тут уже встретили одного Фе...

Однако он недоговорил, поскольку сестры, не сговариваясь, знаками попросили пожилого преподавателя замолчать. Тот послушался.

– Что вы «между прочим»? – устало спросил Иван Савельевич.

– Ничего, – отозвался его коллега, подмигивая сестрам.

– Раз ничего, возвращайтесь в город. Правда, возвращаться придется своим ходом. Как только начальство узнало, что Феликс не приедет, служебную машину тут же отозвали – будут еще гости. Организаторы возместят расходы.

– Вконец обнаглели! Оплатят они, как же, жди-дожидайся! Всего хорошего, мистер Не-Могу-Предупредить-Заранее. Я напишу на вас докладную. – И Викентий Порфирьевич, торжествуя, сбросил вызов. – Девчонки, я вас не сдал, – озорно улыбнулся студенткам профессор. – Этот ваш Феликс Грей ногу сломал. Только сейчас сообщили.

– Что-о-о? – ужаснулась Марта. – Как?

– Говорят, в аварию попал по пути в аэропорт, – пожал плечами Викентий Порфирьевич. – Но с ним вроде бы все хорошо, не переживай, моя дорогая.

Марта прикусила губу. Ну вот, друг пострадал, не приедет... А она, идиотка, телефон забыла. Но хорошо, что он сломал ногу, а не руку. Если бы руку – была бы катастрофа. Музыканты должны беречь руки, иначе не смогут играть...

Глава 3

Визард осматривался по сторонам. Аэропорт в обычном российском городе не слишком отличался от других аэропортов, в которых ему часто приходилось бывать. В какой бы стране он ни оказался, аэропорты были похожи друг на дру-

га. Не по форме, а по содержанию. По форме одни аэропорты напоминали города будущего, вторые умудрялись вмещать в себя магазины, развлекательные центры и больницы, а третьи будто переносили в прошлое. По содержанию же все было одно и то же – атмосфера перемен и свободы, ощущения сближения с небом.

Когда Визард не гастролировал с группой, а путешествовал инкогнито, он мог часами сидеть в очередном аэропорте, попивая кофе и наблюдая за потоками людей. Маскировка всегда работала отлично, и никто не узнавал мировую знаменитость. Хотя сегодня она дала сбой – пожилой джентльмен с табличкой и цветами бесцеремонно содрал с него очки и снял капюшон, а милая девушка с пушистыми волосами и трепещущими ресницами тут же его узнала. Впрочем, Визард был благодарен ей за то, что она не кинулась на него и не стала кричать.

– Кажется, людей вашего друга Кирилла тут нет? – спросила вторая узнавшая его девушка – высокая, с короткой стрижкой, татуировкой, пирсингом и с дерзким взглядом.

У нее был мужской стиль в одежде, но Визард оценил длинные тонкие пальцы и плавный изгиб нежной девичьей шеи. А еще ему нравился ее очаровательный, хоть и едва заметный акцент.

Несмотря на то что девушки были так не похожи, Визард сразу понял: у них общая кровь. Сестры.

– Да, я никого не вижу. Простите, вынужден позвонить

своему другу.

Визард достал телефон и позвонил Кезону, то есть Кириллу – одному из членов группы. Этот город был его родным, и Визард хотел повидаться с Кезоном во время отпуска, который группа взяла после мирового турне, завершившегося в Нью-Корвене. Парни договорились о встрече – Кезон приехал в родную страну из-за спора с Октавием на какую-то девушку³. Правда, девушка жила в другом городе, но Кезон обещал приехать, чтобы встретить друга с прямого рейса. В общем, Визард даже не думал, что попадет в такую ситуацию. Впрочем, даже находясь один в незнакомой стране и незнакомом городе, он не чувствовал страха. Скорее, веселье. Не зря его называли Станным.

Кезон ответил не сразу.

– Привет, Ви, – раздался его голос спустя полминуты.

– Добрый день. Я в аэропорту, – сообщил ему Визард.

– В каком аэропорту? – не понял друг.

– Кажется, он называется «Купцев», – не без труда произнес русское название Феликс, делая ударение на звук «у».

– «Купцово», – машинально поправил его Кезон и спохватился: – Стоп-стоп-стоп, ты прилетел?!

– Ну да, мы договаривались, – спокойно подтвердил Визард. – Только что прошел таможню и паспортный контроль. Забрал вещи и стою в зале ожидания. Меня никто не встречает.

³ Речь идет о событиях цикла «Только с тобой».

– Я же тебе написал, что ничего не выйдет! Мне пришлось срочно свалить из страны.

– Ты нарушил закон? – все так же спокойно спросил Визард. – Тебя депортировали?

– Нет! Кое-что случилось, и мы с лапулей свалили в Москву. Ты реально не видел сообщения?

– Не видел.

– Ты шутишь?

– Как видишь, нет.

Его собеседник нехорошо выругался.

– Прости, чувак. Тебе придется свалить. Я не смогу встретить тебя. Короче, я куплю тебе билеты, скину, и ты счастливо улетишь в Лондон. Или куда ты там хочешь.

– Я никуда не хочу, – ответил Визард. – Мне интересно посмотреть на Россию.

– Ты здесь не выживешь один, – захохотал Кезон.

Визард встретился взглядом с красноволосой девушкой и улыбнулся ей. Та вдруг улыбнулась ему в ответ – как-то по-особенному светло.

– Я прощаю тебя за невнимательность к друзьям, – сказал Визард. – Останусь здесь.

– Бесишь! Надо читать сообщения! – выкрикнул Кезон.

– Надо звонить.

– Ты был недоступен, придурок!

– Возможно, нужно было позвонить больше одного раза, – возразил Визард.

– Знаешь, Виз, ты меня так достал за все эти годы, – устало сообщил ему Кезон. – Я прилетел в Москву на частном самолете, у меня море времени для отдыха, рядом находится красивая девушка, но мне постоянно кажется, будто чего-то не хватает. А как ты позвонил, сразу понял, что мне не хватает тебя, псих! Ты реально хочешь остаться?

– Да. Раз судьба привела меня в этот город, я хочу немного пожить здесь, – подтвердил Визард, снова уставившись на красноволосую девушку.

Взгляд его остановился на линии ее подбородка – эта необычная дерзкая девушка чем-то притягивала его.

– Окей, оставайся. Я позвоню своему волшебному другу, и он поможет. Через час-два за тобой приедут и отвезут в гостиницу. Тебя не узнали?

– Конечно нет.

– Оставайся там, где стоишь, понял?

– Не очень.

На этом разговор завершился.

– Простите. – Красноволосая шагнула к нему. – Я случайно слышала ваш разговор с другом.

Музыкант повернулся к девушке и чуть приподнял бровь.

– Он вас не встретит, верно? – продолжала девушка.

Визард кивнул, коснувшись серьги в виде египетского креста. Его начал раздражать аэропорт и его нескончаемый шум. Хотелось выйти на воздух.

– Вы поняли правильно, мисс.

– Тогда я могу предложить вам свою помощь? – спросила она. – Понимаю, что это предложение может прозвучать несколько дерзко, но я все же решила озвучить его.

– Помощь? – прислушался к своим внутренним ощущениям Визард.

На миг он прикрыл глаза – естественно, сквозь черные очки этого не было видно. У него была хорошая интуиция, и он часто полагался на нее в сложные моменты. Кто-то шутил, что он действительно обладает экстрасенсорными способностями.

– Не думайте, что мы сумасшедшие фанатки. – Юля в упор посмотрела на Визарда. – Мы просто хотим помочь. Я могу организовать вам отдых и экскурсии по городу.

«Соглашайся», – прошептал внутренний голос.

– Было бы очень кстати, – сказал Визард. – Если судьба посылает мне такое приключение и таких симпатичных мисс, я не должен отказываться. У меня предчувствие. – Он вновь прислушался к себе, и на его лбу появились горизонтальные морщинки. – То, что случилось, – необходимость.

– Что вы имеете в виду? – не поняла девушка.

– Все, что с нами происходит, – не случайность, – мягко отозвался Визард.

Он почему-то захотел коснуться руки этой девушки. Ладонь к ладони. Чья горячее – ее или его? Почему бы не довериться ей?

Ему перезвонил Кезон, но Визард не дал ему сказать. На-

чал первым:

– Можешь не беспокоиться, – заверил Феликс. – Я нашел людей, которые мне помогут освоиться.

Его собеседник не удивился. Все знали, что Странный Ви притягивал нужных людей, когда имел в этом потребность. Визард говорил, что его ведут высшие силы. И при этом никто – ни друзья, ни журналисты, ни даже въедливый и всезнающий менеджер – не мог понять, шутит ли он, или говорит серьезно.

– Чертов экстремал, – хмыкнул Кезон. – Ты уверен? Эти люди ничего не сделают с тобой? Не то чтобы мне тебя жалко, но «Лорды» развалятся без тебя и все такое...

– Уверен, – отозвался Визард. – Ты же знаешь, я чувствую людей.

– Чертов экстрасенс, – проворчал Кезон.

Он помнил, как английский аристократ с наследственным титулом с первых часов знакомства с остальными членами Red Lords говорил, что их ждет мировой успех. Остальные только ржали как кони.

– Ты один, без охраны, с кучей бабла. Тебя могут узнать, затоптать, ограбить или шлепнуть, в конце концов. Я к тебе привык, поэтому не хочу лицеизреть в гробу.

– Ты же говорил, что эпоха криминала в России закончилась, – припомнил Визард.

– Я много чего говорил.

– Ты утверждал, что в России безопасно, – хмыкнул Ви-

зард.

– Опасно везде, где есть придурки, умник. Так ты уверен, что моя помощь не понадобится? Мне не присылать друзей?

– Да. Я нашел тех, кто мне поможет. Приятные леди.

– Леди? А ты не теряешься, – засмеялся Кезон. – Ладно, смотри осторожнее. Звони мне каждый день и говори, что жив, а то я буду беспокоиться. – В его голосе послышалась издевка. – И не сильно приставай к леди. А то у меня такое чувство, что скоро у твоего уважаемого отца, – вспомнил музыкант важного Чарльза Грея, заседающего в палате лордов, – будет внук.

– Мой первый ребенок родится, когда мне будет тридцать пять, – беспечно отозвался Феликс.

– Откуда же ты знаешь? – изобразил недоумение его друг.

– Интуиция.

И они попрощались.

Известный музыкант говорил об интуиции, но Юля лишь вежливо улыбнулась. В интуицию она на верила, зато была на короткой ноге с азартом. Ей не хотелось расставаться с этим человеком. И дело было не в том, что музыканту требовалась помощь. Она желала пообщаться с Визардом. Это же просто невероятная возможность! И упускать ее глупо. Хотя внешне Юля оставалась спокойной, сердце колотилось сильнее обычного. Так оно не стучало даже во время первого поцелуя и первой близости, когда Юля провела ночь с парнем

просто из любопытства. Люди мало ее интересовали и редко кто привлекал внимание девушки, хотя сама она пользовалась у парней определенной популярностью. Тот же Стас странно на нее посматривал – только Юле было все равно. Ей порой казалось, что она робот, не способный чувствовать нежность и романтическую привязанность. Но Визард... Визард был другим. Он реально завораживал. Его согласие принять помощь подарило ей восторг, который разлился по телу теплой волной.

– Что он говорит? Что она говорит? – допытывался Викентий Порфирьевич у Марты. Английский он не понимал, но природное любопытство брало верх.

– Феликс едет вместе с нами, – повернулась к нему Юля.

– В смысле? – остолбенела Марта и посмотрела на сестру большими удивленными глазами. Самыми необычными глазами в мире – таких Юля больше ни у кого не встречала.

– Визард поедет с нами в город, – повторила Юля. – Друг не сможет его забрать, и я предложила помощь. Хочу найти отель и показать город.

– Он согласился? – потрясенно спросила Марта.

– Да. Сейчас я вызову такси, и мы вместе уедем.

Юля продублировала это на английском Феликсу, и тот кивнул. Ей нравилось, что он сохраняет удивительное спокойствие. И ведет себя не как суперзвезда, а скорее как аристократ – с внутренним достоинством. Визард внимательно слушал Юлю, и той казалось, что от его взгляда загораются

щеки.

– Пока ждем, я в мужскую комнату сгоняю, – заявил Викентий Порфирьевич и улизнул, оставив их втроем.

Юля посмотрела в телефон: такси должно подъехать через десять минут. Она спросила, не хочет ли музыкант кофе, и Визард согласился. Юля отправилась в ближайшую кофейню, с удивлением прислушиваясь к учатившемуся пульсу.

Глава 4

Марта осталась с Визардом наедине. Она ужасно нервничала, краснела и почти не дышала: вдруг это получается слишком шумно?! Скрипачка украдкой поглядывала на мировую знаменитость, не совсем понимая, что задумала Крестова. И мучительно размышляла: будет ли нормальным, если она попросит автограф?! А если селфи на память? Когда еще такой шанс появится?!

– Все в порядке, – неожиданно произнес Визард, рассматривая что-то поверх макушки Марты – словно на ней была корона, мешавшая его обзору.

Карлова удивленно уставилась на него:

– А?

– Не бойтесь, мисс. Поверьте, я такой же человек, как и вы. Не пугайтесь меня. – Феликс будто считывал с Марты информацию, потирая указательный и большой пальцы. Его бархатный голос и английское произношение буквально завораживали девушку.

– Д-да, конечно, – выдавила она.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Меня зовут Марта, – ответила Карлова тихонько-тихонько.

Из-за шума в аэропорту музыкант ее не расслышал. И он наклонился к ней ближе:

– Простите, как?

– Марта. Меня зовут Марта, – чуть осмелела она.

– Мар-та, – попробовал на вкус ее имя Визард. Звук «р» у него получался чересчур мягким. – Мне нравится, как звучит ваше имя. Нежное, женственное, но с твердой сердцевинкой. Р-р-р, – проговорил он отдельно третий звук в имени девушки. Его артикуляция все равно смягчала его.

– Спасибо, – Марта наконец поняла, что ей сделали комплимент, и широко улыбнулась. – Ваше настоящее имя тоже красивое.

Господи, ну зачем она это ляпнула?!

– Надеюсь, вы оставите это в тайне? – Визард снова склонился к ней.

– Конечно-конечно! – закивала она. – Вы можете мне доверять! Я обожаю вас! То есть вашу группу! Вы невероятные!

Ей хотелось сказать ему много чего, но Марта от паники совсем позабыла английский язык. А еще ей не хотелось выглядеть восторженной дурочкой в глазах мировой знаменитости. Вот Крестова разговаривает с ним спокойно, словно

он обычный парень! А у нее от волнения пальцы заledenели!

Неподалеку раздались смех и возгласы – к месту, где стояли Марта и Визард, приближалась компания молодых людей и девушек с рюкзаками. Смеясь, они громко делились впечатлениями об Амстердаме. Один из парней в красной футболке вдруг уставился на Визарда, и тот произнес:

– Простите, Марта. Но иначе меня могут узнать.

А потом привлек девушку к себе, обняв одной рукой за талию, обхваченную тонким черным ремешком, а другой – за вновь вздрогнувшие плечи. Его губы легонько коснулись щеки обалдевшей Марты, в опасной близости от ее рта. Со стороны казалось, что они целовались, и лица Феликса совсем не было видно.

– Обнимите меня, чтобы мы смотрелись естественно, – прошептал Визард на английском, но оторопевшая Марта ничего не поняла.

– А? – прошептала она растерянно.

– Руки, – просто сказал он. – Ваши руки. Положите ваши руки на меня.

До Марты дошло, и ее ладонь тотчас коснулась плеча музыканта. А его пальцы очутились у нее на шее, чтобы секунд десять спустя нежно погладить Марту по густым волнистым волосам.

«Или я сплю, или сошла с ума. Это неправда! Я не могу обниматься с одним из «Лордов» в дурацком аэропорту!» – кричала скрипачка про себя, закрыв глаза и ощущая мягкое

дыхание Визарда на своей коже. Сама она дышала урывками, крохотными глотками, и вскоре стала задыхаться.

Она ведь хотела только автограф, а получила в распоряжение целое тело! Такое только в фанфиках бывает!

Та минута, которую они стояли обнявшись, показалась Марте прекрасной вечностью и пыткой одновременно.

Когда она поймала себя на мысли, что не будет сопротивляться, даже если Визард начнет целовать ее в губы, тот осторожно выпустил ее из объятий.

– Простите, вынужденная мера, – вновь извинился он, покосившись на компанию, которая направлялась к выходу. Парень, что так странно смотрел на Визарда, не узнал его.

– Ничего страшного, – вымученно улыбнулась Марта, посмотрев в его лицо.

Феликс поймал ее взгляд и склонил голову набок:

– У меня когда-то был котенок с разноцветными глазами, как у вас.

Марта смутилась. Надо же, ведь мало кто замечает разный цвет ее глаз... Однако ничего сказать не успела – к ним подошла Юлия с кофе для всех на бумажном подносе. А следом явился довольный Викентий Порфирьевич, который первым выхватил стакан и направился к выходу. Остальные двинулись следом, и Марта, то и дело поглядывая на невозмутимого Визарда, чувствовала себя так, словно попала в другую реальность. Реальность сюрреализма.

– Викентий Порфирьевич, вам ведь сейчас в консервато-

рию? – спросила Юля, когда они вышли на улицу.

Воздух медленно нагревался – день обещал быть жарким.

– Ну да, милая, да, – ответил тот.

– А нам в противоположную сторону, – улыбнулась Юля, – поэтому вы сядете в одно такси, а мы – в другое. Я заранее два вызвала.

Пожилому преподавателю явно не хотелось покидать своих студенток, но он, вспомнив, что его действительно ждут в консерватории, нехотя кивнул, поблагодарил Юлю и сел в такси, которое мигом умчалось.

Марта, Юля и Визард сели в другой автомобиль. Юля – вперед, Марта и Визард – назад. Музыкант с живым интересом оглядывался по сторонам – все ему было в новинку. Марта же тихо млела от такой близости со знаменитостью. Он интересовал Карлову в той же степени, как того интересовала незнакомая страна. А вот Юля постукивала пальцами по острому колену и, кажется, анализировала ситуацию.

– Мы так и не познакомились, – нарушил тишину Визард. – Я знаю, что вашу сестру зовут Мар-та. А вас?

– Мою сестру? – Юля оглянулась на Марту, словно спрашивая, она ли об этом ему сказала.

Марта тотчас замотала головой. Она никому и никогда не говорила, что Крестова – ее сестра. Еще чего!

– А разве вы не сестры? – поднял бровь англичанин.

– Сестры, верно.

Марта фыркнула, но промолчала.

– Значит, одну очаровательную сестру зовут Марта, а вторую?..

– Джулия, – ответила Юля.

– Джулия, – кивнул Визард. – Отлично! Джулия, куда мы едем?

– Я знаю хороший отель, его любят иностранные гости. Едем туда, – пояснила Крестова.

– Отель? – задумался Визард. – Когда я инкогнито жил в Париже, то снимал небольшую квартиру с видом на Сену. Возможно ли снять на некоторое время квартиру у вас в городе?

– Снять квартиру? – удивилась Юля. Марта, впрочем, тоже.

– Да. Я не люблю отели. Слишком часто приходится жить в них во время туров. Хочу узнать город изнутри. Жить так, как живете вы, – объяснил музыкант, глядя на проплывающие за окном сочные поля, упирающиеся в далекие холмы. Они напоминали холмы, где жили феири.

– Вы уверены, мистер Грей? – спросила Юля, снова обернувшись к музыканту. – Или мне лучше называть вас Визард?

– Феликс. Зовите меня Феликс. Так будет проще. И да, я уверен, – подтвердил он.

– Хорошо. Думаю, я найду вам квартиру. У вас есть какие-то особенные требования к ней?

Музыкант пожал плечами и наконец снял очки и капо-

шон.

– Нет. Требований нет. Конечно, я не хочу жить в жуткой комнате с клопами и пятнами крови на полу. Или в мрачной комнате, где жил Раскольников из «Преступления и наказания». Но и особых излишеств не нужно. И да, я не против соседей по квартире. Мне интересно общаться с людьми. Так лучше понимаешь культуру.

– Хорошо. Я все устрою, – пообещала Юля.

Марта частично поняла разговор и вскипела: опять эта выскочка все берет в свои руки!

– И где ты его поселишь? – спросила она.

– Найду квартиру, не беспокойся.

– Не думай, что избавишься от меня.

– В смысле? – удивилась Крестова.

– Я тоже хочу с ним общаться. – Марта мило улыбнулась не понимающему их разговор Визарду. – Я первая увидела его и первая с ним познакомилась. Ты пришла позже. И ты не отберешь его у меня.

– Что за глупости?

– Это не глупости. Прецеденты у нас вроде были.

Детская обида все еще не покидала Марту, а Юля, поняв, что это намек на отца, сжала губы.

– Я никогда и никого у тебя не отбирала. Общайся с Феликсом сколько хочешь, – сухо сказала она. – Просто помни, что он должен остаться незамеченным.

– Сама об этом помни.

Марта снова широко улыбнулась Визарду – осмелела.

– Как вам вид из окна? – спросила она, осознавая, что допускает ошибки в речи, но музыкант ее понял.

– Красиво. Я думал, будет холодно, – ответил он.

– Сейчас же лето, – рассмеялась она. – Холодно зимой.

– Минус пять по Фаренгейту? – любопытствовал Визард.

Марта замешкалась – привыкла температуру изменять по Цельсию.

Зато ответила Крестова:

– И даже минус двадцать по Фаренгейту.

И откуда только знает?

Всю дорогу Юля отвечала на вопросы Визарда, для которого все было в новинку – начиная от воздуха, заканчивая урожаем на полях. Особенно его позабавили поля с картофелем. Марта же молчала – потеряла инициативу. Сначала злилась, а потом снова ощутила восторг. Это ведь просто волшебство! Рядом с ними настоящая звезда! Звезда, которая оказалась простым человеком. Таким же, как и сама Марта.

После поездки в банк для обмена денег и небольшой прогулки по городу Визарда повезли в квартиру. О ней договорилась по телефону Юля, пока Марта показывала Визарду очередную достопримечательность. Город музыканту понравился – возможно, потому что сестры привезли его в чистый уютный центр. Визард с интересом рассматривал улицы и

людей и иногда делился впечатлениями. Он задержался на набережной, всматриваясь в речную гладь, по которой скользили солнечные лучи. А еще – рядом с уличным музыкантом, который играл на саксофоне. Он делал это небрежно, порой не попадал в ноты, что чуткие уши Юли тут же улавливали, но при этом в его игре было столько эмоций, что на душе становилось радостно. Под звуки его мелодии наконец ощущалось лето – впервые за долгое время. Визард оставил саксофонисту крупную долларовую купюру, и тот, расчувствовавшись, обнял его.

– Удивительно жарко для вашей страны, – отметил Визард в такси. На улице и вправду припекало, и пахло нагретым асфальтом – по крайней мере, так казалось Юле. – Я был в столице во время турне, там красиво. И думал, что в провинции дела обстоят хуже. Однако здесь уютно. Нет ощущения вечной зимы. – Его взгляд зацепился за памятник на залитой солнцем площади, вдоль которой тянулись ухоженные цветочные клумбы.

Юля и Марта переглянулись. Они часто общались с иностранцами и обе знали, что для многих Россия по-прежнему ассоциируется с коммунистическим режимом СССР и кажется холодной, мрачной и недружелюбной.

– Мой друг Кирилл рассказывал, что его родной город полон преступников и медведей, – продолжал Визард. – Но думаю, он смеялся надо мной. Я так и не увидел ни одного человека в ушанке с ружьем. А вот красивых леди очень много.

– Кирилл, наверное, очень веселый человек, – хмыкнула Юля.

– Да, я бы даже сказал – чересчур. Но мне нравится атмосфера города, где он родился.

– У нас действительно неплохой город. Более продолжительную прогулку мы можем устроить позднее. После того как вы осмотрите квартиру.

Ее выбор пал на квартиру Стаса.

Во-первых, его квартира, доставшаяся от деда, находилась в самом центре, на девятом этаже, откуда открывался неплохой вид на набережную, реку, пешеходный мост и главный городской парк, за которым высился новый элитный район. Во-вторых, у него был приличный ремонт. В-третьих, Стасу Юля доверяла – он производил впечатление адекватного человека. Любит «Лордов», но не станет кудахтать над Визардом, как Крис. И не выдаст. А в-третьих, снять хорошую квартиру за такой короткий срок просто не получалось. Кто-то не брал трубку, у кого-то уже было занято. Конечно, можно было отправить Визарда к Леше, но его жена беременна, и ей, вероятно, не до гостей. А у себя дома Юля не могла поселить звездного гостя из-за матери.

Стас согласился без колебаний и сказал по телефону, что будет ждать их.

Пока Визард разговаривал по телефону, Марта постучала Юлю по спине, и та повернулась к ней.

– Эй, к кому ты его везешь?

– К другу. Зовут Стас. Живет в центре, на Советской, около собора.

– Это дома, которые стоят на холме? Там вид обалденный! – восхитилась Марта.

– Пойдешь с нами? – спросила Юля.

– Пойду, – тут же согласилась сестра, но, опомнившись, прошипела: – Я же сказала, от меня не избавишься!

Юля лишь улыбнулась. Она не хотела, чтобы Марта уходила, хоть и вела она себя как ребенок.

– А твой друг точно пустит к себе Визарда?

– Да. Я уже договорилась.

– Когда?! – почему-то разозлилась Марта.

– Когда ты показывала ему фонтаны.

– За моей спиной все делаешь? – недобро сощурилась подозрительная Марта.

Юля вздохнула:

– Снова говоришь глупости. Так получилось. Стас будет рад принять у себя гостя из Лондона.

– То есть он не знает, что Феликс – это один из «Лордов»? – осведомилась сестра.

– Пока нет. Но узнает.

– И никому не расскажет?

– А ты? – в упор посмотрела на Марту Юля.

– Эй! – обиделась та и обожгла сестру недобрым взглядом, обозвав про себя дурой. – За кого ты меня принимаешь?

– За тебя и принимаю. Я доверяю ему так же, как и тебе, –

ответила Крестова.

Она говорила чистую правду.

На это у Марты не нашлось что сказать.

– Ладно. Твой Стас живет один? – спросила она сердито.

– Один, – кивнула Юля.

– А комнат у него сколько?

– Три.

– А он нормальный? – не отставала Марта.

– Совершенно, – подтвердила Юля.

– И он точно не откажет?

Сестра вдруг напомнила Юле отца, умеющего задать сто вопросов за одну минуту. Марта вообще была на него очень похожа – и внешне, и характером. Была такой же легкой и воздушной. Только признавать не желала.

– Точно. Не беспокойся.

Такси остановилось у красно-белого дома, окруженного деревьями. С таксистом расплатился Визард, поменявший деньги на рубли. Сунул ему пятитысячную купюру и вышел. Таксист явно решил, что сдача – это его чаевые, но Юля была начеку. Через несколько минут они оказались в большой светлой квартире Стаса, предпочитающего минимализм в обстановке.

Визард протянул ему руку для рукопожатия, и Стас почему-то засмеялся. Руку пожал, а потом повернулся к Юле:

– Он что, двойник Визарда?

– Нет, это и есть Визард. Но он просит называть себя Фе-

ликсом, – любезно ответила Юля, первой разуваясь и проходя в квартиру. – А это моя сестра Марта.

– Привет, Марта, – ошарашенно кивнул хихикающей девушке Стас. – Ты прикалываешься, – широко улыбнулся Стас, не сводя глаз с гостя.

Увидев, что его спутницы разуваются, Визард тоже снял обувь. Для него это было в диковинку.

– Нет, – ответила Юля. – Это реальный Визард. Поживет у тебя несколько дней. Ему захотелось экзотики.

Стас потрясенно разглядывал гостя.

Юля пояснила Визарду:

– Он удивлен. Не верит, что это вы.

– Понимаю. Надеюсь, своим визитом я не причинил неудобств? – спросил Визард.

Стас, который тоже знал английский, взял себя в руки и обратился к нему:

– Не причините. Рад видеть вас у себя, но... Это какой-то розыгрыш?

Визард улыбнулся:

– Нет. Приятно познакомиться.

– Взаимно, – пробормотал хозяин квартиры.

Юле стало смешно. Она бы и сама оторопела, если бы в ее квартиру привели кого-то вроде Визарда из «Лордов».

Они прошли в гостиную и расположились на угловом диване, который занимал половину комнаты. Все, кроме гостя – тот встал у трехстворчатого окна и, щурясь от солнечного

света, рассматривал город с высоты. На лице его читалось умиротворение, и Юля поймала себя на мысли, что ей нравится смотреть на Визарда. Пообщавшись с гостем и придя в себя, Стас показал гостю комнату: просторную, со светло-серыми стенами и лоджией.

Пока Визард осматривал ее, Стас шепнул Юле:

– Мне до сих пор кажется, что меня разыгрывают! У меня в доме сидит парень, которого я вижу по телику и у которого один концерт стоит дороже, чем все мое имущество и я, проданный в рабство.

В ответ Юля лишь усмехнулась, а Марта захихикала.

В квартире Визарду понравилось – в ней не было излишеств вроде ковров, картин и хрусталя, но присутствовал незримый дух творчества. Одна из трех комнат была оборудована под домашнюю звукозаписывающую студию, небольшую, конечно, но неплохую – Стас в свое время потратил на нее немало денег. Он действительно любил музыку.

Вскоре к ним примчался Крис, которого позвала Юля – пропустить визит мировой звезды он никак не мог! Но при этом не растерялся, как Стас поначалу, а взял все в свои руки. Весело и непринужденно общался на прекрасном английском, шутил, смеялся и вообще вел себя так, словно Визард – не суперстар, а обычный парень из Лондона и его хороший приятель. Впрочем, тот реально вел себя как простой человек. Разве что сидел всегда с прямой осанкой.

Впятером они расположились на второй лоджии – разме-

ром еще с одну комнату, с напитками, пищей и кальяном. Было весело и как-то спокойно. Даже Марта растаяла, много улыбалась и флиртовала с парнями – это у нее получалось как-то мило и очень естественно. Именно так Юля хотела проводить время с сестрой. Когда вечером Крис и Визард стали играть на синтезаторе и гитаре, Стас – подпевать, а Марта закружилась в танце с бокалом сока в руке, Юля вдруг почувствовала себя счастливой. Они такие разные, но их сближает музыка. Это общий для всех язык, который не нужно переводить. И в музыке столько силы, что кажется, будто душа захлебывается.

– Все хорошо? – тихо спросил Визард, подойдя к Юле, пока Марта, Стас и Крис спорили о чем-то в комнате.

– Да.

– Ты кажешься задумчивой.

– Думаю, какой силой обладает музыка.

– Большой, – просто сказал Визард и сел рядом с ней на одну из подушек, которые лежали на балконе.

Юля кожей ощутила тепло его тела. От этого человека исходила дружеская, мягкая энергия, которая обволакивала и снимала напряжение. Крестова вдруг подумала, что хочет положить голову на плечо Визарда, но тотчас мысленно обозвала себя душой. Нельзя думать об этом. Она не сумасшедшая фанатка, у которой от кумира сносит крышу.

«Это не влечение, это просто любопытство», – убеждала себя Юля. А Визард, словно прочитав ее мысли, поднял свой

бокал, предлагая чокнуться. Юле ничего не оставалось, как поднять свой.

– За тебя, – произнес он.

– За тебя, – ответила Юля.

Бокалы соприкоснулись с хрустальным звоном. Кажется, Визард хотел добавить что-то еще, но тут к ним пришел Крис и включил музыку, желая показать ее гостю. Юля резко встала и ушла на кухню. В полутьме она пила холодную воду – словно та могла потушить разгоревшийся внутри нее пожар.

– Юль, ты тут? – раздался голос Стаса. – Слушай, я до сих пор в шоке. И не понимаю, как вы нашли его.

– Сама не понимаю, – усмехнулась Крестова.

– Вопрос. Куда бы его отвезти? Нужно познакомить его с городом. Не в квартире же ему сидеть.

– Уже стемнело. Предлагаю показать ему ночной город. Свезить на смотровую площадку. Прокатиться по центральному проспекту.

– Отличный план. Только у меня тачки нет.

– Ее можно достать.

– Предлагаешь угнать? – спросил парень.

В полутьме Юле показалось, что он смотрит на нее с нежностью. Весьма раздражающей нежностью. Стас нравился ей как друг, но она не рассматривала его как парня. Он что-то к ней испытывал, и у Юли это не вызывало восторга. Стас был хорошим человеком, на которого можно положиться, а самое главное – талантливым, и ей хотелось сохранить с ним

дружеские отношения.

– Достать, – поправила его Юля. – Тачка есть у Леша. Большая, на шесть мест. Я ему позвоню. Он сейчас отдыхает, у него сборы через месяц.

Стас кивнул и вдруг позвал ее по имени.

– У тебя к лицу что-то прилипло. – Он приблизился к ней и осторожно коснулся ее щеки, делая вид, что смахивает ресничку.

Кажется, он намеревался поцеловать ее, но Юля потрепала Стаса по волосам и пошла прочь из кухни, слыша, как освоившаяся Марта учит Визарда словам «спасибо», «привет» и «пока». А Крис мешает и, хохоча, пытается научить его хлесткому матерному выражению.

Леша приехал через час, и все вместе они отправились любоваться ночным городом. Как человек далекий от музыки, Леша был не так эмоционален с гостем, как Крис и Марта. Да и английского он не знал, поэтому Юля выступала в роли переводчика. А еще он предложил поехать на следующий день за город. С ночевкой. Ведь это и есть настоящая экзотика, которую так хотел звездный гость! Все единогласно согласились, даже Марта. Когда поездка по ночному городу подошла к концу, ее первой повезли домой, и Марта уснула, положив голову на плечо Юле.

Глава 5

Мама и бабушка были недовольны – Марта вернулась до-

мой ночью. Она, конечно, их предупреждала, но соврала, что в гостях у Нади. А потом соврала еще раз – сообщила, что завтра с ночевкой отправится на дачу к одной из подружек. Мама подозрительно посмотрела на нее, но промолчала, а Марта пошла спать. Вставать пришлось рано – нужно было собрать вещи и ехать на репетицию оркестра, и Карлова едва не опоздала. Однако это ее не расстроило. Ведь сегодня предстояла поездка за город, на природу, с самим Визардом! Ради этого Марта готова была вытерпеть даже Крестову. Впрочем, вчера она не особо ее напрягала. На удивление.

Перед выходом бабушка вручила Марте целый пакетище с домашними пирожками.

– Угости подружек, – сказала она.

– И обязательно позвони мне, когда доберетесь! – выкрикнула из спальни мама, которая собиралась на работу.

– Обязательно! – С этими словами Марта умчалась.

Репетиция длилась почти до семи вечера. Иван Савельевич долго не отпускал студенческий оркестр, ругаясь и крича громче обычного – боялся, что на выступлении ребята плохо себя покажут. Если в концертмейстере он почти не сомневался, то тромбоны вызывали в нем все тот же праведный гнев, смешанный с отчаянием.

Из здания консерватории Марта буквально выбегала, зная, что ее уже ждут в машине, с палатками и спальниками. С замирающим от радости сердцем она очутилась в салоне – и снова рядом с Юлей.

– Ну чего ты так долго? – заныл Крис. – Мы тебя уже час ждем! Душно ужасно!

– Скажи спасибо своему папочке, – проворчала Марта. – Он не хотел отпускать нас с репетиции.

– Потому что вы играете безобразно, – хмыкнул парень, вспомнив, как отец ругался на студентов дома. – Хотя тебя он хвалит. Говорит, ты молодец. Пошла в отца.

Крис ляпнул это не подумав и тут же получил тычок от Стаса, который знал про напряженные отношения между сестрами.

Марта нахмурилась, но ничего не сказала. А стала болтать с Визардом, который по-прежнему восхищал ее, и с Леной – женой Леши. Та хоть и была в положении, но решила поехать с ними. Благо в машине все помещались.

Они ехали на запад – следом за заходящим солнцем, которое казалось оранжевым огоньком посреди чистого синего неба. Все еще было жарко, но в машине работал кондиционер. Тихо играла музыка, велись оживленные разговоры. За окном с одной стороны мелькали поля, а с другой – смешанный лес. Визард удивился, что они отъехали так далеко от города, а населенных пунктов проехали мало.

Спустя часа полтора с основной дороги машина повернула на проселочную, которая вела в бор. Верхушки сосен озаряли последние лучи солнца. Трястись пришлось недолго – машина вскоре остановилась на берегу лесного озера. Все с радостью выбрались на воздух, наполненный горьковаты-

ми травами и хвоей. В озере отражался оранжевый закат, и Марте почудилось, что небо тонет в воде. Или вода в небе... Пели птицы, стрекотали кузнечики, и везде царило умиротворение.

Девушки растянулись на берегу озера, наслаждаясь мгновением, в то время как парни начали вытаскивать вещи и ставить палатки. Вода в озере оказалась неожиданно теплой, и Марта подумала: жаль, что они не взяли купальники. Хотя... Смогла бы она раздеться перед парнями и, главное, Визардом? Наверное, постеснялась бы.

– Нужно помочить ноги, – заявила Лена, осторожно встала с одеяла, сняла обувь и первой направилась к кромке воды. Марта тут же последовала ее примеру.

Озеро было совсем мелкое. Марта прошла метров пять, а вода доставала лишь до колен. И была такой теплой, что хотелось нырнуть – самое то после изнурительного жаркого дня. Мимо Марты вдруг пронеслось что-то большое, и она не сразу поняла, что это Леша решил с разбегу окунуться в воду. Прямо в одежде! Следом за ним побежал Стас. Крис же не стал поступать столь опрометчиво – подогнув джинсовые бриджи, он вошел в воду по колено и делал фотографии. Зато удивила Юлия – она тоже решила поплавать. Невозможно стянула с себя футболку, оставшись в спортивном топе и шортах. И очутилась в воде. Они с парнями поплыли на другую сторону – наперегонки.

Марта подумала, что Крестова – идиотка, утонуть ведь

может! Кто знает, что это за озеро? Вдруг тут воронки есть или подводное течение? Она закричала, чтобы сестра вернулась, но та ее не слышала. Азартно плыла, обгоняя Стаса. Правда, спортивного Лешу обогнать не получилось.

– Вот идиоты, – в сердцах бросила Марта.

– Согласен на все сто, – подтвердил Крис.

С другого берега доносился веселый хохот.

Вскоре парни и Юля вернулись – мокрые, но довольные. Марта неожиданно обнаружила, что Визард смотрит на Крестову с интересом. Не пялится, а именно разглядывает с загадочной, едва заметной полуулыбкой. Нравится она ему, что ли? Эта мысль позабавила Марту.

Визард что-то сказал Юле, и она, кивнув, снова вошла в воду. А он – за ней. Разговаривая, вместе они поплыли вдоль берега. А когда вернулись, Визард невозмутимо стянул с себя мокрую футболку, обнажая торс. Он был довольно строен, но поджар – под бледной кожей выделялись рельефные мышцы. Марта подкралась к Юле, которая разглядывала музыканта, и прошептала:

– Рот закрой, а то муха залетит.

– Ты о чем? – не поняла Крестова.

– Ты так откровенно пялишься на нашего милого Феликса...

Марта думала, что сестра начнет отнекиваться, но та вдруг сказала:

– Он красивый.

– Соблазни его ночью, – хмыкнула Марта. – Ворвись в его палатку и сдери с него всю одежду.

Юля посмотрела на нее со смехом и потрепала по волнистым волосам.

– Маленькая ты еще, говорить об этом.

– Эй, я старше тебя на несколько месяцев! – возмутилась Марта.

Крестова ничего не ответила. Ушла к парням – помогать с палатками.

После того как палатки были поставлены, парни принялись готовить шашлыки. Вернее, готовили Стас и Леша – у Криса руки росли не из того места, а Визарду помогать не разрешили. Зато стала помогать Юля. Остальные пошли гулять по сосновому лесу и дышать чистым воздухом. Небо над ними темнело, и сквозь ветви деревьев проглядывали первые звезды. В душе Марты царило умиротворение, и у нее возникло странное чувство, что она все делает правильно, хотя еще неделю назад даже и предположить не могла, что отправится в поездку с сестрой.

– Возвращаемся? – спросила Лена, немного устав.

– Давайте, – согласился голодный Крис. – Феликс, пойдем обратно, – обратился он к музыканту. – Сейчас ты попробуешь классное... А где Феликс? – пробормотал он недоуменно и поправил новые очки в пластиковой оправе – на этот раз в ярко-оранжевой, подходящей к его модной футболке с Микки-Маусом.

– Может, его леший забрал? – нервно хихикнула Лена, осматриваясь по сторонам.

– Фанаты выследили, – в тон ей ответила Марта.

За короткое время они успели сдружиться. Лена мечтала, чтобы ее будущий ребенок занимался музыкой.

– Он и правда такой знаменитый? – удивилась она.

В музыке она, как и муж, не особо разбиралась.

– А то! – заверила ее скрипачка. – Его группу по всему миру обожают!

– Эй, девчонки, – топнул ногой Крис. – Серьезно, где Феликс? А если он заблудится? Что мы делать будем?! Спасателей вызывать?!

– Да вон он! – с облегчением выдохнула Марта, заметив неподалеку Визарда.

Тот стоял у высоченной старой сосны и осторожно гладил ее по гладкому, без единого сучка, стволу кончиками пальцев. Словно разговаривал.

– Что ты делаешь? – тут же поинтересовался непосредственный Крис, оказавшись рядом и следя за пальцами музыканта.

– У леса хороший хозяин, – отметил тот, опускаясь на корточки и теперь касаясь пальцами трав.

– Чего? – не понял Крис. Он зачем-то тоже присел на корточки и погладил траву, глупо моргая.

Визард улыбнулся ему:

– У нас будет отличная ночь. – И встал в полный рост.

– Почему? – тут же поднялся и Крис.

– Пообещали, – пожал плечами Визард.

– Кто?!

На этот вопрос он ответа не получил.

– Он реально странный, – прошептал Крис Марте и даже покрутил у виска.

Та улыбнулась:

– Оправдывает прозвище.

– Странный, но крутой! Феликс, Феликс! Стой! – заорал Крис и вприпрыжку бросился за гостем, боясь снова потерять его из виду.

Марта и Лена медленно шли следом и болтали. Звезд в небе становилось все больше.

Когда компания вернулась к озеру и палаткам, уже почти стемнело и в вечерней глади озера отражался заостренный полумесяц. Ароматно пахло шашлыками, а парни и Юля накрывали собранный стол.

– Помоги мне, – обратилась Крестова к Марте.

Та хотела огрызнуться, но, подумав, что это будет некрасиво, молча подошла к столу.

– Что мне делать? – спросила она.

– Пусть огурцы для салата нарежет, – предложил Леша и протянул нож Марте.

Она осторожно взяла его, но Юля сказала:

– Пусть это сделает кто-нибудь другой.

– Почему? – искренне удивился Леша.

– Она играет на скрипке. Если порежет палец, будут проблемы.

– Почему ты думаешь, что я обязательно порежусь? – возмутилась Марта для приличия. Но вообще Юля была права: Карлова не очень хорошо умела обращаться с острыми предметами.

– Дай сюда нож, – попросила Крестова.

Марта послушно протянула его – на лезвии блеснуло преломленное отображение полумесяца. Глядя на руки сестры, Марта вдруг подумала: у них одинаковая форма ладоней и форма ногтей. И Визард сразу понял, что они сестры. Неужели так похожи?

– Поможешь расставить посуду, – продолжила Юля спокойно.

Спустя четверть часа вся компания расселась на раскладных стульях за столом на берегу озера. Потом все переместились к костру, от которого в воздух взметались искры. Разговоры и смех растворялись в лесной темноте. Было весело и по-особенному уютно.

– Феликс, все в порядке, тебе тут нравится? – спросила Юля, сидя рядом с ним.

Марта в который раз отметила, что они будто случайно оказываются вместе.

– Да. Здесь прекрасно. Такая красивая природа, – ответил тот, глядя в небо. – Звезд так много. Большая Медведица, Волопас... К востоку от него – Северная Корона. Она прямо

над нами, видите?

Марта прищурилась – даже в линзах она не видела так хорошо, как многие. Зато Юля поняла, где находится эта Северная Корона, и даже разглядела ее.

– Более чем нравится. – Визард любовался блеском луны в орехово-зеленых глазах Юли.

Она отвела взгляд, не понимая, почему делает это. Она что, раньше с парнями не общалась? Никогда в жизни она не стеснялась их присутствия, а тут словно волшебство какое-то с ней происходит. Феликс и привлекает, и отталкивает, и раздражает, и интересуется. Причем, чем больше Крестова общалась с музыкантом, тем явственнее становилось это чувство. Оно медленно распускалось, как бутон цветка.

«Перебори себя, тряпкой не будь, – велела себе Юля, – не выдумывай, он такой же, как все парни».

– Что-то не так? – спросил Феликс, вновь глядя ей в глаза, словно видел в них ее тайные мысли.

Юле на пару мгновений почудилось, что он умеет их читать.

– Нет, все так. – И Крестова подключилась к общему разговору, веселому и дружелюбному, который велся на двух языках: русском и английском. Феликс невероятно сильно интересовал молодых людей, и те наперебой задавали ему вопросы.

А Марта вновь больше молчала. Скрипачка впервые оказалась на природе с ночевкой – для нее куда привычнее было

ночевать в консерватории, в обнимку со скрипкой, нежели под открытым звездным небом, с шампуром и тарелкой жареной картошки в руках, неподалеку от разведенного костра с пляшущими язычками и... и рядом с тем, кого раньше можно было увидеть только на видео в интернете.

Феликс сидел между сестрами, вытянув ноги, и, кажется, наслаждался происходящим. Вокруг него кругами летало самое настоящее умиротворение. Оно передалось всей маленькой компании, решившей насладиться природой. После позднего вкусного ужина Стас достал гитару и принялся наигрывать на ней что-то спокойное, похожее на балладу о печальной, но вечной любви. Юля машинально постукивала гибкими тонкими пальцами по коленке, словно бы подбирала эту же мелодию на фортепиано. Стас заметил это и нежно улыбнулся.

– Озеро такое красивое, – сказала задумчиво Марта, то и дело фотографируя восхитившие ее картины. К сожалению, всей прелести лунной ночи над озером и лесом камера ее мобильного запечатлеть не смогла.

– Волшебное, – согласилась Лена, сидя на коленях у мужа и любясь природой, такой же загадочной, как и Феликс.

– Хорошая иллюстрация для сказки о русалках, – признал и дитя города Крис, который природу и поездки на нее не ценил.

Он сказал то же самое Феликсу, и тот долго всматривался в озеро, чуть прищулив серые глаза – между его прямыми,

слегка асимметричными длинными бровями залегли морщинки. Сам он выглядел не менее мистично, чем зеркальная гладь водоема с лунной дорожкой посредине: резкие тени от костра падали ему на лицо так, словно специально подчеркивая его скулы, они же образовывали под глазами темные круги и заостряли прямой нос.

– Может, русалки бывают не только в сказках? – спросил Феликс неожиданно, не отрывая взора от озера.

Где-то закричала ночная птица.

– А где им еще быть-то? – весело поинтересовался Крис, с огромным аппетитом жуя мясо. Одно время он хотел быть вегетарианцем, но продержался ровно неделю.

Музыкант пожал плечами, а Крис пошел к машине за новой порцией пива.

– Ты веришь, что русалки существуют? – услышав их разговор, спросила Юля, отвлекшись от беседы с Лешей. Тот шевелил угли в костре.

– Почему бы и нет? – улыбнулся ей Визард как неразумному дитяти.

Юля высоко подняла бровь:

– Не думаю, что русалки существуют, – сразу же обозначила Юлия свое скептическое ко всему сверхъестественному мнение. – Так же как не существуют оборотни, вампиры и прочая нечисть, о которой так любят писать и снимать фильмы. Это всего лишь сказки.

– Почему бы не поверить в сказки? – лукаво спросил ее

Феликс. – Готов биться об заклад, в детстве ты верила в них.

– Это было в детстве. В глубоком. Я поняла, что Санта-Клауса не существует, в четыре года, когда нашла подарок в столе матери, и после этого моя вера в сказочных персонажей как-то сама собой испарилась.

– Почему бы не поверить в сказки вновь? – предложил музыкант, пододвигаясь к ней и приглушая голос. – Так же как и в детстве?

– Зачем? – не поняла Юля и нервно потерела пирсинг на козелке.

– Вера – лучшее, что подарила нам Вселенная, – прошептал ей на ухо Феликс. – По вере вашей да будет вам. Это написано в Библии. Ты читала Библию?

– Нет, – отозвалась Юля, не слишком преуспевшая в религии.

Она не ходила в церковь, не читала молитвы, однако верила, что существует Высший Разум, что-то глобальное, объединяющее всех людей и безмерно любящее их, но что-то неподвластное их восприятию.

– Почитай. Тебе будет интересно, – посоветовал музыкант, еще ближе наклоняясь к Юле.

Та ощутила его дыхание на щеке, и это вызвало в душе Юли новую волну неизведанных ранее чувств. Крестова резко повернула голову. Она немного не рассчитала и едва не коснулась ярких, кораллового оттенка губ Визарда, оказавшихся в опасной близости от ее рта. На лице Юли не дрогнул

ни один мускул, хотя сердце, конечно, этим похвастаться не могло.

– Если будет время – почитаю, – сказала она и отодвинулась. – Но не думаю, что в Библии написано о том, что существуют русалки или бессмертные вампиры.

– Все о русалках болтаем? – появился перед ними довольный и сытый Крис. – Не-а, ребята, я в них не верю.

– А если в этом озере и правда живут прекрасные девы с длинными зелеными волосами? – спросил его Визард, поигрывая левой рукой серьгой-анхом, а правой жестикулируя. – Ты подойдешь ночью, после полуночи, ближе к воде, и одна из них покажется тебе, запоеет ангельским голосом, заколдует, а после утащит тебя на дно, к своим подружкам. – Музыкант резко сжал свободную руку в кулак и притянул его к сердцу.

Крис громко расхохотался:

– Ага, тогда я буду счастлив, – заявил он высокомерно. – Столько девочек и я один. Да мы зажжем эту ночь! Пойду, что ли, погуляю около озера?

– Некоторые наши желания имеют свойство сбываться, – серьезно заметил Феликс. – Но я не советую тебе там ходить одному.

Юля фыркнула и перевела разговор Марте и Лене. Впечатлительная скрипачка, на лице которой играло пламя костра, почему-то поежилась – ей вдруг показалось, что в озере и правда кто-то есть. А Лена вспомнила историю, которая

случилась с ней в детстве.

— Я и мои старшие сестры поехали в деревню к бабушке, — говорила она приглушенным голосом, а Юля, как заправский переводчик, тихо повторяла ее рассказ Феликсу на его родном языке. — А около деревни, как водится, была речка, где мы с местными ребяташками проводили целые дни напролет. Однажды подружка сказала мне и моим сестрам, что, мол, купаться можно не только в речке, есть еще неподалеку от деревни озеро в лесу с очень теплой водой и чистое. Она нам даже объяснила, как до него добраться, ну мы с сестрами и пошли туда, дурочки маленькие. Мы долго его искали, но нашли. Разделись, побежали купаться и заигрались там почти до самых сумерек — а темнело в деревне очень быстро. Вышли мы на берег, чтобы обсохнуть и собраться, сидим, костянику жуем и тут. — Голос Лены понизился: — И тут мы видим, как на противоположной стороне озера откуда-то выплывает женщина — голая, со спутанными темными волосами. А ведь лес кругом, никто на озеро больше не приходил. Я и сестры на нее тарасимся, соображая, откуда она могла выплыть и где ее одежда, как она нас видит, начинает махать и звать к себе. А мы почему-то испугались и стоим столбами. И тут она засмеялась и поплыла к нам. Блин, я не знаю, что это было, но мне показалось, что я увидела плавник...

Крис громко ухмыльнулся, Стас и Леша разулыбались, у Юли на лице появилось скептическое выражение. А Лена,

поглаживая рукой живот, продолжала:

– Старшая сестра вдруг шепчет: «Лена, Соня, это русалка! Побежали отсюда!», хватает меня и Соню за руки, и мы убегаем, а эта тетка жуткая нам вслед ржет. В общем, мы как три пули долетели до деревни, побежали к бабушке и все ей рассказали. А она нас чуть ремнем не отходила за то, что мы на то озеро ушли. Во-первых, они с дедом нам только на речку ходить разрешали, во-вторых, об этом озере по всей округе ходила дурная слава и озеро это. – Тут Лена неожиданно повысила голос, напугав Марту и Криса: – Называлось Русалочьим! Местные не раз видели в нем женщин с хвостами. И там часто по неизвестным причинам тонули люди. Подружка наша, дура, пошутить над нами хотела, вот и отправила на Русалочье озеро.

– Любимая, а ты нашему сыну неплохие сказки будешь рассказывать, – поцеловал ее в висок Леша. – У тебя хорошо получается.

– Это не сказки! – сверкнули ее глаза. – Я с сестрами правда видела эту тетку с длинными волосами и плавником!

– Может, там женщина с ластами плавала, а вы не заметили, как она пришла, – предположила Юля, но Лена только губы поджала.

– Ха-ха-ха, может, и сейчас в этом озере какая-нибудь голая телка появится? – спросил Крис, глотая пиво. – Мужики, если что, я к ней первый на очереди!

Юлька дала другу подзатыльник, чтобы тот заткнулся.

– Хватит пить, – велела она ему. – А то не только русалок начнешь видеть, но и рогатых монстров.

Крис надулся.

Разговор о русалках и прочих мистических существах продолжался, и Стас ради прикола даже устроил голосование.

– Кто у нас в русалок верит, поднимите руки! – весело крикнул он.

Естественно, руку подняла Лена и, изловчившись, подняла и руку мужа, а еще – Феликс. Марта от голосования воздержалась. Остальные считали это сказками и глупостями, особенно Крис.

После Стас вновь взял гитару и стал наигрывать известную песню, которую сначала запели парни, а затем подхватили и девушки. Феликс молча слушал, изредка попивая красное вино, и глядел в костер, как будто разговаривал с ним. После Стас решил сыграть несколько известных песен англо-американских исполнителей, и теперь уже и Визард присоединился к выразительному негромкому хору. Поскольку большинство поющих были музыкально одаренными людьми, то и пели они красиво, не фальшивя, и с душой. Песни, некогда покоровившие мир, как свободные птицы, пролетали над поляной с костром и палатками, над сосновым бором, над спокойным умиротворенным озером и растворялись в звездной выси.

Следом за гитарой запела скрипка – Крис прознал о том,

что сестра его подруги сегодня взяла с собой инструмент, и упросил ее что-нибудь сыграть. Марта с трудом поддавалась на уговоры, но все же исполнила пару вещей Эжена Изаи. После скрипку попросил Феликс, который не раз говорил, что именно скрипка – его любимый инструмент. Марта, естественно, не возражала, и несколько минут компания, затаив дыхание, слушала одну из пронзительных сонат Баха, пока Крис не заорал на всю округу, перепугав всех медведей, если, конечно, они там водились:

– А-а-а! Паук! Паук!

– Ну ты debil, – покачал головой Стас, убирая из-за шиворота оранжевой футболки паучка и отпуская его на траву.

– Я – debil?! А тебе под футболку эта тварь заползала? – разорался Крис.

– Он сначала сидел у тебя на голове, – флегматично заметил Леша. – Это ты виноват, что он у тебя за шиворотом оказался. Стал брыкаться и уронил его.

– Хорошо хоть не в трусы, – добавил Стас. – Сам бы тогда доставал.

– Кучка скучных идиотов, – надулся Крис и пересел поближе к Юле и Феликсу.

– Ты классно играешь, невероятно технично и, черт возьми, с душой! – заявил он музыканту. – У нас так же круто Юлька играет. Только на фортепиано и синтезаторе. Она у нас гордость консерватории.

Визард стараниями того же Криса уже знал, что ребята

учатся в высшем музыкальном заведении.

– Я тоже думаю, что ты талантлива, – сказал он Юле. – Я ни разу не слышал твоей игры, но я уверен в этом.

– Почему же?

– Это невозможно объяснить. Я просто знаю, что это так. Я умею видеть талантливых людей. У тебя мощный внутренний стержень, и, если сравнивать талант с камнями, в тебе лежит целая драгоценная глыба. Большой потенциал, огромные возможности и... – Он одарил Юлю изучающим и даже недоуменным и упрекающим взглядом. – И полная закрытость от признания.

– Что? – не поняла Крестова – ее короткие красные волосы в отблесках огня казались ярче обычного.

– Думаю, ты сама знаешь что. Ты понимаешь, как сможешь реализовать себя так, чтобы твой талант засверкал всеми своими многочисленными гранями. Но ты сама себе ставишь рамки. Не разрешаешь проявиться этому таланту. Действуешь так, как этого хочет кто-то другой, но тебе это не по душе. Ты ведь жаждешь иного.

– Вот именно! – поддакнул радостно Крис. – Феликс, ты офигенный! Как ты это узнал?! Юлька – талантливая девчонка. Я тебе сейчас покажу запись с одной из ее репетиций в консерватории. Ты не видела, когда я тебя на айфончик снимал, – смущенно улыбнулся он рассердившейся Крестовой. Продолжая искать в телефоне ту самую запись, он тараторил: – Юлька не хочет быть пианисткой, как хотят ее

предки. Она хочет выступать в какой-нибудь группе и играть собственную музыку. Но она...

– Заткнись, – разозлилась окончательно Юля. – Что ты несешь?

– А ведь правда, – подошел к ним и Стас и опустил на корточки около подруги. – Юля играет невероятно. Я впервые услышал ее исполнение на синтезаторе в магазине, где работаю. Это было круто. И это правда, Юля, – серьезно обратился он к пианистке. – Мне безумно понравился тот микс из мелодий. И не только мне. Помнишь, покупатели останавливались рядом с тобой? Ты должна играть для людей. И ты сама мне как-то говорила, что карьера пианиста тебя не прельщает. Тогда что тебе нужно? – прямо спросил он.

Юля смерила Стаса недобрым взглядом. Марта не знала об этих аспектах жизни сестры – честно говоря, она никогда ею не интересовалась – и удивленно воззрилась на Крестову. Не хочет быть пианисткой? Как это?! Она же одна из лучших! А зачем тогда учиться в консерватории, участвует во всех этих конкурсах? Для Карловой это было дико. Сама она не мыслила себя без скрипки. С самого детства они были одним целым.

– Попробуй просто немного поиграть в нашей группе, Юль, – говорил тем временем Стас. – Просто посмотри, понравится ли тебе выступать или нет.

– Не начинай, пожалуйста, этот разговор, – ледяным тоном попросила его Крестова.

Крис в это время нашел видео довольно-таки неплохого качества, где на рояле Юля исполняла Моцарта, и делала это так, что невольно все заслушались – даже Лена, целующаяся с Лешей, оторвались от этого приятного занятия. Профессор консерватории, в классе которого училась Юля, после такого импровизированного исполнения даже похлопал ей.

– Я был прав, – сказал впечатленный Феликс. – Когда мы вернемся в город, сыграешь мне?

– Может быть, – буркнула Юля.

– Не прячь свой талант, и тебе станет проще жить.

– Согласен! – горячо поддержал его Стас.

– Вы там о таланте говорите? – вдруг спросил Леша, осторожно кормя жену вишенками из большой чашки.

Лена хихикала и выглядела счастливой. Марта, глядя на них, подумала, что, наверное, скоро такой же счастливой будет и ее Ника. С Сашей.

– О нем, родимом, – подтвердил Крис, околачивающийся рядом.

– У моего тренера есть целая теория о таланте, – проговорил задумчиво биатлонист.

– Это как? – заинтересовались все.

– Если в тебе есть нереализованный талант, то ты сходишь с ума, – жизнерадостно сообщил Леша. – Талант тебя ломает изнутри. Рвется наружу.

– Прямо не талант, а инопланетная личинка, – закатил глаза Крис.

– Нет, правда. Помните, я рассказывал про парня, который был со мной в одной команде? – спросил Алексей. – Ну, про того, который мог бы стать вторым Бьерндаленом, Фишером или Тихоновым. Он был очень талантливым спортсменом – одним из лучших, серьезно. Выносливый. Быстрый.

– Ты у меня тоже талантливый спортсмен, – погладила его по волосам супруга. И тот улыбнулся ей.

– И что с ним? – допытывалась Марта.

– Олег – его звали... зовут... Олег Алмазов, – как-то нехотя выговорил его имя Леша, прокашлялся и продолжил: – В общем, Олег показывал блестящие результаты и должен был лететь в Швецию на чемпионат мира среди юниоров. Он был одним из фаворитов, а все потому, что ему отвалили нехилую долю таланта в спорте, и плюс, конечно, его родители вовремя отправили Олега заниматься, да и сам он тренировался до седьмого пота. У него и прозвище было ему под стать – Алмаз.

– Так что случилось с его талантом-то? – не понял Стас, изредка поглядывая на Юлю, задумчиво изучающую костер. Он знал, что девушка внимательно слушает Лешу, хоть и не показывает вида.

– Перед чемпионатом Олег попался на допинге.

– И зачем же такой замечательный талантливый спортсмен юзал запрещенные вещества? – опять встрял Крис, и на него все зашикали.

– Не знаю, правда это или нет, но потом стали поговари-

вать в команде, что на самом деле никакого допинга не было и Олега подставил тренер, Павел Романыч. Он был нашим тренером и одновременно тренером сборной страны по биатлону среди юниоров, в прошлом сам классный спортсмен, – объяснял Леша. – Были слухи, что Павел Романыч Олегу подделал справку, потому как тот стал встречаться с его дочерью. Не знаю уж, что там да как было, но Романыч наш был сильно против того, чтобы они встречались. А Олег хотел жениться на той девчонке. Кто-то слышал даже, что тренер говорил Алмазу: «Или ты мою дочь в покое оставляешь, или можешь прощаться со спортом». В общем, Олега из-за допинга отстранили от соревнований на полтора года. И за это время он как с ума сошел. Да он и так нервный был всегда, эмоциональный, психованный. Короче, он перестал заниматься биатлоном, пропал из поля зрения, ни с кем из нас практически не общался. Мы слышали, что Олег связался с какой-то компанией и стал участвовать в драках. И где-то через год его во время очередной драки порезали. Ну, я это вам уже рассказывал. Нога пострадала, сухожилия. Ножевое – это не шутки. В общем, если он и хотел вернуться, то уже не мог из-за травмы. – Леша отпил воды из стакана Лены. – Короче, после этого Олежка совсем свихнулся. Через пару месяцев – это я вам тоже рассказывал – появился к тренеру и его чуть не убил, и любовь свою бывшую, которая другого нашла. Ножом размахивал. Его посадили. Что сейчас с ним – не знаю, но у Алмазова из-за того, что он не

реализовал свой талант, сорвало крышу. По крайней мере, так говорит мой тренер. Так что, Юль, ты смотри, – кинул на давнюю подругу взгляд Леша.

– Идиот, – ткнула его кулачком в плечо жена, – что ты несешь?

– А что? – возразил спортсмен. – Юлька талантливая, а свой талант фактически зарывает в землю. Занимается тем, что ей не нравится. Я не удивлюсь, если она сорвется когда-нибудь!

– Глупости это все, – лениво отозвалась Крестова.

А вот Марта подумала, что зерно истины в этом жутковатом рассказе есть.

– «Талант – искра божия, которой человек обыкновенно сжигает себя, освещая этим собственным пожаром путь другим», – с чувством процитировал кого-то Крис. Все-таки чтение умных книг иногда давало свои плоды.

– Точно, – согласился Леша. – А если нет возможности зажигать себя снаружи, чтобы освещать этот путь, то тогда начинаешь гореть изнутри, как Олег.

– Да хватит уже о нем, – дернула его за руку жена.

Лена историю этого злосчастного Олега Алмазова тоже знала. И этот человек был ей неприятен.

– Почему никто не спросил меня, кому принадлежат эти слова? – обиделся Крис, выпятив нижнюю пухлую, как у купидона, губу.

– Раз ты сказал, так тебе и принадлежат, – спокойно про-

говорила Юля. Она умела с самым серьезным видом подкалывать друзей. – Ты же у нас очень умный. И не такое можешь придумать.

– Кому принадлежат? – поинтересовалась Марта.

– Ключевскому Василию Осиповичу, – громко оповестил всех Крис, выставив ногу, обутую в ярко-зеленый тапок. Эту обувь купил будущий композитор в модном магазине для скейтеров за весьма немаленькую сумму.

Все закивали.

– Почему никто не спросил, кто такой Василий Осипович Ключевский? – передразнил Криса Леша. – Можно подумать, все такие умные!

– Наверное, историк? – спросил Стас хитро.

Хипстер пробормотал что-то нелестное, изрядно повеселив всю компанию, даже Феликса.

– Так что, Юлька, давай попробуй играть ту музыку, которая тебе нравится. – Стас очень надеялся на то, что Юля когда-нибудь присоединится к его группе. – Ты подумай, может быть, все-таки захочешь к нам в группу?

– Хорошо. Подумаю. – Юля замолчала, демонстративно изобразив, что усиленно что-то решает, а через секунд пятнадцать сказала: – Я подумала. Мой ответ – нет.

– Талант, талант... вам знакома притча о талантах? – спросил Феликс.

Его, в отличие от Криса, захотели послушать.

– В Новом Завете есть притча. Один богатый человек на-

нял трех рабов. Отправляясь в другую страну, он каждому из них дал по его силе и способностям серебряные монеты под названием «талант». – Тихий размеренный голос Феликса действовал на окружающих почти гипнотически. – Один раб получил пять талантов, второй – два, третий – один. Когда хозяин приехал, он позвал своих рабов и велел каждому из них рассказать, что тот сделал со своими талантами. Первый раб пустил монеты в дело и получил к своим пяти талантам еще пять. Второй поступил так же, и к своим двум талантам получил еще два. А третий же испугался потерять талант, а потому зарыл его в землю. Узнав это, хозяин похвалил двух первых рабов и дал им серебро. А третьего наказал и подарил его серебро первому рабу. – Музыкант на пару секунд замолчал, вслушиваясь в треск огня и продолжил: – «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что он имеет».

Его серые глаза взглянули на Юлю, стремясь поймать ее взгляд, но Крестова – словно специально – не поднимала головы со скрещенных рук.

– Несправедливо как-то, – сразу возмутился Крис. – Одному мужик дал пять монет, другому – две, а третьему вообще одну! И где справедливость, я спрашиваю?

– Хозяин давал таланты по силе и возможностям, – тихо заметила Марта, которой как раз Крис и переводил притчу. Карлова даже сожалеть начала, что в должной мере не знает английского. – Наверное, он знал, кому и сколько дать.

Феликс, не знавший русского, посмотрел на длинноволосую Марту и медленно кивнул. И ей опять показалось, будто он видит ее насквозь.

– А откуда он знал, что у рабов именно столько сил? – опять возмутился Крис и даже вскочил на ноги. – Вот дал бы он третьему рабу тоже пять монет, тот, может, взял и сделал бы из них еще пять! Или бы даже десять! А так он подумал: «У меня одна, чего я мараться буду? Пусть в земле валяется, раз хозяин такой умный!»

– Если третий раб боялся потерять один талант, то над пятью он бы вообще трясся, – парировал Стас.

– Я все равно не понимаю, как хозяин взял и вычислил, сколько кому дать.

– Считай хозяина ясновидящим, – хмыкнула Лена.

– Нет, серьезно! Это ведь несправедливо! Третий же в заведомо проигрышной ситуации очутился уже с самого начала!

– Несправедливо, когда есть талант, а его в землю закапывают, – отозвался Стас. – И не пользуются. Третий раб мог сделать из одного таланта еще один талант, потом из двух талантов еще два, из четырех – восемь. Из восьми – шестнадцать. Из шестнадцати – тридцать два. Если бы он приложил усилия, не трусил, то оказался бы в отличном положении! Трусость – это грех. Который явно забыли внести в семь смертных грехов, – добавил Стас с горечью в голосе. – Таланты даются не для того, чтобы человек держал их всегда в

себе и не использовал их. Он дает их каждому человеку – по его силе, поэтому разные, – чтобы человек смог измениться и изменить мир к лучшему. У третьего просто не хватило мужества.

– Раскудахтался, – проворчал Крис.

Юля невозмутимо переводила разговор Феликсу, и тот одобрительно кивал, глядя, правда, не на рассказчика, а куда-то в сторону темного леса.

– Наверное, и Олег отсыпанные ему десять спортивных талантов все же зарыл, – сказал Алексей, шевеля дрова в костре. – Не справился с трудностями, получается. Пал духом или струсил.

– Да хватит уже о нем, – вновь шикнула на него Лена.

Она не любила вспоминать эту дурацкую и некрасивую, даже страшноватую историю.

– Юль, – обратился к ней Стас, – все же подумай.

Крис усиленно закивал.

– Стас, – взглянула на него Крестова. – Я взрослая девочка и знаю, что делать. Мне хватает консерватории. Поверь, свои таланты я не зарываю.

– Таланты талантами, а вы заметили, – вдруг подал голос Крис, – что гребаных кровососов нет?

– Кого нет? – не поняли остальные.

– Комаров! – Хипстер больше всех радел за то, чтобы в импровизированный поход на одну ночь друзья не забыли взять средства против комаров. А их, как назло – или на сча-

стве? – тут не оказалось.

Феликс тонко улыбнулся, разглядывая собственные ногти, едва только Крис перевел это на его родной язык.

– Радуйся, что их нет, – отозвалась Юля, взглядом показывая Стасу, что не хочет более говорить на подобные темы.

Стас вздохнул и отошел к Леше, а Феликс пригласил Юлю погулять по берегу лунного озера. Крис в это время завладел гитарой Стаса и что-то весело забренькал на ней, подмигивая Марте. Скрипачка неожиданно поняла, что ей безумно нравится в этом спокойном месте в компании этих людей.

– По парочкам начали делиться, – весело прокомментировала Лена, провожая взглядом Юлю и Феликса. Те медленно уходили в сторону лунного озера. – Мы с Лешкой тоже познакомились в походе, в трехдневном. И тоже так убегали ото всех. – Беременная Лена хихикнула. – Ну, ты понимаешь зачем.

Марта-то понимала, да только она еще и прекрасно знала, что Крестова кого угодно отошьет, даже великолепного Визарда, если тот начнет к ней приставать, и пошлет в такое дивное далекое место, где даже воздух – большая редкость.

– А тебе кто-нибудь из парней нравится? – вновь спросила Лена, решившая чуть-чуть побыть свахой. – Как тебе Крис?

Марта взглянула на громко ржущего парня, у которого Стас пытался забрать гитару, и недоуменно пожала плечами. Она ни разу не думала о друге Юли как о потенциальном парне, хотя талантливый в музыке хипстер привлекал мно-

жество девушек в консерватории.

– Крис и Стас – хорошие мальчики. Криса я знаю несколько лет, он хоть и дурной иногда, но когда надо, собирается и держится молодцом. Да и Стас неплохой мальчик, симпатичный очень.

– Да нет, не нравится, – отозвалась Марта.

Она вспомнила своего любимого, не похожего ни на Стаса, ни на тем более Криса. Или Саша просто стал для нее особенным? Хотя, с другой стороны, Феликс-то куда круче Александра. Но ничего подобного, что чувствовала скрипачка к Дионову, к Визарду она не испытывала. Дикий восторг – не в счет. Каждый бы радовался так запросто пообщаться со своим любимым музыкантом или актером.

Пытаясь забыть о Саше, она даже чуть-чуть пофлиртowała с Крисом. И тот тоже пригласил ее погулять по берегу. Не то чтобы он ей нравился, но с Крисом было весело. Он едва не упал в озеро, желая сделать крутое селфи, и Марта долго хохотала над ним.

Юля и Феликс неспешно двинулись вдоль линии воды на север, вслушиваясь в пение лесных птиц и изредка касаясь друг друга предплечьями. Еще недавно Юля молча злилась из-за лекции о талантах, а сейчас успокоилась. С каждым случайным прикосновением руки музыканта нервозность ее уходила. Эта ночь была на удивление теплой и ясной, очень нежной.

– Мне кажется, я вижу Млечный Путь.

Юля задрала голову: как давно она не смотрела на звездное небо. А для Феликса казалось совершенно естественным смотреть туда, в темно-синюю высь, на которой были искусно вышиты узоры неизвестных созвездий.

– Возможно, это и есть он. А мне кажется, что я вижу Бесконечность.

– Бесконечность? – не поняла Юля.

– Да. Бесконечность. Ты бы хотела быть бессмертной? – спросил неожиданно Феликс.

– А ты вампир и можешь укусить меня, сделав вечно живущей? – позволила себе улыбнуться пианистка, наблюдая издали, как Стас в шутку скручивает Криса за «нелегальное» пользование его драгоценной гитарой.

– Конечно нет, – отозвался «Лорд», опять глядя в небо, на котором все ярче и ярче проступали звезды. – И бессмертие меня не прельщает.

– Меня тоже. – Юлю под покровом июньской теплой ночи потянуло на философию. И кто бы мог подумать, что она станет разговаривать на такие темы с музыкантом из «Красных Лордов»? – Когда я думаю об этом, мне кажется, что бессмертие – это что-то бессмысленное. Представляешь, наступит конец света, когда перестанет существовать все живое, и тебя, бессмертного, расщепит на молекулы, а ты все равно не умрешь и будешь существовать в таком виде, плавая по всей Вселенной. Может, Бог тоже был таким существом, об-

ладающим бессмертием, который превратился в миллиарды миллиардов атомов? И его мельчайшие частицы теперь всюду – в деревьях, в камнях, в земле, в нас самих.

– Я думаю, Бог действительно всюду, – согласился Феликс. – Если Бог – это талант, то в тебе много Бога. Не дай своему Богу зачахнуть.

– И ты туда же, – проворчала Юля. – Почему это все так странно?

– Что странно?

– Я знаю тебя двенадцать часов, но мне нравится с тобой общаться, – честно призналась Крестова. – Тебе говорили, что ты необычный?

– Бывало. – Визард чуть наклонился к ней. – И ты необычная, Джулия.

Он осторожно убрал с ее коротких волос жучка, будто боялся повредить ему чем-нибудь. В отличие от многих барышень, жучок на волосах Юлю не напугал.

– Ты разозлилась из-за этого разговора? – спросил темно-волосый парень.

– А ты умеешь читать мысли?

– Возможно. – Ни капли иронии не прозвучало в спокойном баритоне. – Они не хотят использовать тебя. Они беспокоятся.

– Я знаю. Они же мои друзья, – ответила Юля просто.

– Бог дал тебе талант находить отличных друзей, – заметил Визард.

– Тогда тебе он отсыпал штук десять талантов находить отличных коллег, – пошутила Юля, вспомнив звездный состав группы «Красные Лорды».

– Точно. – Визард глядел в глаза Юли как заправский гипнотизер.

Юля криво улыбнулась, отстранилась от него и зашагала по траве дальше. Ей вдруг очень захотелось рассказать музыканту об истинных причинах того, почему она учится в консерватории, а не воплощает в жизнь свою тайную мечту. Но все-таки Крестова сдержала себя – она не привыкла ни с кем делиться переживаниями.

В этом с Мартой они были очень похожи.

Они еще долго бродили по округе, разговаривая на разные темы, и вернулись тогда, когда остальные уже собирались ложиться спать. Стас с недоумением посмотрел на подругу, но ничего не сказал, и полез в большую палатку цвета хаки, где должны были ночевать парни. Вторая палатка, меньшая по размеру, предназначалась для девушек. Правда, Лена и Леша ушли спать в машину, потому что его супруга закапризничала – ей показалось, что земля очень холодная.

Юля и Марта остались в трехместной палатке одни. Карлова никогда в жизни не ночевала вместе с сестрой и чувствовала себя неловко, отчего немного злилась. Крестова, впечатленная Феликсом и разговорами с ним, молчала, и это Марту почему-то напрягало. Ей хотелось, чтобы сестра сказала что-нибудь, потому что первой начать разговор скри-

пачка заставить себя не смогла. Перед тем как застегнуть замок спальника, Марта несколько раз украдкой посмотрела на сестру.

– Спокойной ночи, – только и произнесла Юля, закрывая глаза.

– Угу, – буркнула Марта, уткнувшись в мобильник и читая извиняющееся – уже которое по счету! – сообщение от того Феликса, которого она ждала. – Спокойной.

Обе сестры долго не могли уснуть, слушая беспокойных далеких птиц, и только через час почти одновременно провалились в объятия Морфея. Правда, минут через сорок проснулись от вопля. Кто-то блаженно орал так, словно увидел отряд привидений из личной гвардии Повелителя Подземелий.

– Что такое? – испуганно прошептала Марта, таращась на сонно щурившуюся Юлю, которая зажгла фонарь.

– Сейчас узнаем, – быстро вылезла та из спальника.

Марта тотчас последовала ее примеру.

– Подожди, не ходи одна, я с тобой, – сказала она Юле, сжав в руке мобильный телефон, с которым уснула.

Около палатки уже стоял Стас, плечи его напряглись – в руке он сжимал увесистую палку, готовый, если что, защитить тех, с кем он приехал в это тихое красивое место.

Крис, который уснул буквально за пару секунд, проснулся от нестерпимого желания посетить туалет, вернее, кустик.

Парень, нашарив очки, натянул их на переносицу, осторожно встал и, запнувшись о Стаса, который во сне пробормотал что-то недоброе, потащился наружу. Справив нужду, молодой человек, зевая как бегемот, поплелся, освещая себе путь айфоном, назад, к палаткам. Пахло соснами, вокруг царило ночное умиротворение, и вообще было дико круто. Природа – и на десятки километров вокруг ни одной живой души! И звезды такие яркие, и луна. И звуки ночного леса завораживают. И атмосфера вокруг совершенно творческая!

На Криса вдруг нахлынула волна вдохновения, и в голове сама собой заиграла музыка, пока еще смутная, и он даже остановился, пытаясь лучше расслышать ее, понять. Однако кое-что привлекло его внимание, и мелодия мигом выветрилась из головы хипстера.

В озере кто-то плавал – Крис отчетливо слышал тихий плеск. Он увидел, как в ореоле лунной дорожки кто-то плывет. Ровно на середине озера.

Крис недоверчиво прищурился, держась пальцами за дужку очков.

Неведомый пловец нырнул и пропал, оставив круги на воде. А после внезапно вынырнул и, словно увидев Криса, поплыл точно на него.

Парню показалось, что мелькнул хвост.

Где-то заухала сова. Весьма зловеще, надо сказать.

– Руса-а-а-алка! Спасайтесь! – заорал юный композитор и ломанулся вперед, в палатку парней, махом перебудив всех.

Ребята выскочили на улицу и большими глазами уставились на Криса. Видя, что с ним все более или менее в порядке, они почти успокоились.

– Ты что? – как на безумного посмотрел на него проснувшийся Стас. – Ты с ума сошел?!

– Т-там русалка, – застучали у хипстера зубы. – В озере. П-плавает.

Все дружно оглянулись на водоем. Никаких русалок ребята не увидели. Даже намеков на русалок.

Юля тяжело вздохнула и коснулась тыльной стороны ладони лба друга, Марта озадаченно почесала нос, а Лена, крайне недовольная, сказала:

– Это не русалка. Это мой муж ночью решил поплавать. – После чего вновь Лена удалилась в машину, а остальные, расслабившись, заухмылялись.

Крис рассердился, уселся на складной стул и нахохлился: – Идиот! Плавает ночью в озере как дебил, – проворчал он.

– Я тебе дам дебил, – вылез из воды Алексей, ежась на ночной прохладе. – Пугаешься всего, как девица. Я чуть не утонул, когда твой вопль услышал.

– Сам ты девица! Надо же было додуматься ночью идти и плавать! – возмутился хипстер. – Ты бы еще на дереве в белку играл, чтобы на голову мне сверху свалиться!

– Чтобы ты вообще фальцетом запел? – рассмеялся добродушно биатлонист, вытирая лицо полотенцем. Ночное пла-

вание его явно взбодрило.

– Правда, тебя чего понесло ночью в озеро? – поинтересовался Стас.

– Это все Ленка виновата, решил охладиться, – ответил Леша. – Ну, ты понимаешь, парень.

Стас иронично положил другу руку на плечо, мол, крепись, чувак, а Юля насмешливо покачала головой.

– Ну ты и горазд орать. – Стас вспомнил вечерний разговор за костром. – Ты же сам к русалкам хотел, говорил еще, что первый к ним на очереди?

За эти слова обидчивый Крис смерил друга таким гротескно-уничтожающим взглядом, что Марта не удержалась и засмеялась.

– Кстати, – спросил Стас, оглядев всю компанию и даже осветив лицо каждого фонарем. – А где Феликс?

Феликса не было: ни в одной палатке, ни во второй, ни в машине.

– Может, он тоже плавать пошел, – нервно хмыкнула Марта, – а его русалки на чай в омут пригласили?

– Боже! Мы проморгали мировую звезду, – жуя травинку, весело сказал Крис, забыв о своем конфузе. – Прикиньте, какой каверзный трабл? Представляю заголовки газет: «Один из музыкантов знаменитой группы Red Lords инкогнито приехал в Россию и потерялся на природе. Те, кто не смогли его уберечь, были растерзаны толпой разъяренных фанатов. Их тела были най...»

– Вон он идет, – перебила его Юля.

Высокая худощавая фигура Визарда появилась в зоне их видимости. Музыкант возвращался из соснового бора, похожего в темноте на зловещее жилище дроу. При закате лес выглядел куда более милым. Точно так же днем в фильме ужасов кукла кажется неопикуемой скромной красавицей, превращаясь ночью в зубастого монстра.

Марта, как натура самая впечатлительная и тонко чувствующая, глядя на застывшие во мраке темные деревья, поехала.

– Вот псих, – радостно прошептал Крис. – Он один гулял ночью в лесу! Он реально Странный Ви!

– Вы не спите? – Визард спокойно окинул взором парней и девушек. Для него, похоже, поход в ночной лес в одиночку был делом нормальным.

– Ты в порядке? – быстро спросила его Юля. – Ты где был?

– Общался с хозяином леса, – загадочно ответил темно-волосый парень.

Его тон был совершенно обычным, как будто он сообщил, что разговаривал по телефону с отцом или другом. Визард, вновь пожелав всем приятных снов, направился в палатку, по дороге незаметно вложив в руку Юли тоненький стебелек недавно зацветшего цветка. То ее порядком удивило, но орать на всю округу, зачем Визард сделал это, Крестова, естественно, не стала.

– Все, ребята, давайте расходиться, – велел Стас. – Девуш-

ки, давайте-давайте.

Крис удалился в палатку последним, бросив настороженный взгляд на темное озеро, украшенное неизменной лунной дорожкой. Ему показалось, что в воде вновь раздался странный плеск, но Крис даже оборачиваться не стал, а решительно зашел в палатку. Всю ночь ему мерещился женский звонкий, как колокольчик, смех, и он то просыпался, то засыпал.

А Марта опять мучилась – не могла заснуть. Лежала в спальном мешке и то расстегивала его, то застегивала, потому что ей было то жарко, то холодно. Да и спать на земле скрипачке было не совсем комфортно. Сначала она просто лежала, силой воли отгоняя от себя дурные мысли, которые обожают подкрадываться к человеку вместе со своей подружкой-бессонницей; после ее разум посетил образ Александра. Его вытеснили события сегодняшнего дня: невероятный Феликс, Юля, ее друзья. Странно. Нормальные, прикольные люди, интересные и приятные – даже Крис, который раньше Марту особо не впечатлял издали, ей очень понравился. Как человек. И почему они общаются с ее сестрой? Тут Марта широко зевнула.

А может, она не такая уж и скверная? Или она умело притворяется? Или... что?

Марта вздохнула, взяла мобильник, чтобы посмотреть время, и, случайно осветив им кусок палатки, заметила, что над спящей сестрой летает невесть откуда взявшийся темнокрылый мотылек, отбрасывающий сказочно-зловещую тень.

После он нагло уселся на стенку, и как показалось Карловой – хотя, конечно, это была чушь! – принялся изучать ее.

– Улетай отсюда, – прошептала она мотыльку.

Осторожно расстегнув молнию, Марта вылезла из спального и стала прогонять насекомое прочь собственной кофтой. Почему-то скрипачке не хотелось, чтобы мотылек находился с ними в палатке. Мотылек послушался, спорхнул со стенки и вылетел прямо на улицу.

Правда, оказалось, что Марта по ошибке схватила не свою кофту, а Юлькину, и ей пришлось аккуратно ее складывать.

А комары действительно куда-то пропали.

Уехали из этого места ребята только ближе к середине следующего дня – отдохнувшие и посвежевшие, – и сосновый бор, освещаемый утренним мягким солнцем, с улыбкой провожал их, махая невидимой рукой.

Глава 6

Александр, ведущий свой плавный стремительный «БМВ», был недоволен. Нет, зол – поэтому с силой вцепился в баранку. Во-первых, хлопоты с предстоящей свадьбой, которые он добровольно взвалил на свои крепкие плечи, порядком его достали. Во-вторых, раздражал Макс, который нервничал из-за пары дел, в том числе из-за проклятого младшего брата ныне покойного Марта. Макс резко усилил охрану собственной персоны, чем насторожил Дионова. А в-третьих, самого Сашу появление в городе этого конченного

придурка тоже не вдохновляло.

Нет, Никки ему-то мстить точно не будет – на то нет причины. Да и кто перед кем еще должен ответ держать, если они встретятся, – непонятно. Дионов был бы рад, если бы план Макса сработал и его быки взяли Никки, явившегося на мнимую встречу своих двух главных врагов – самого Максима и господина Смерчинского.

Наверное, прощение – одна из сильнейших добродетелей, придуманных Богом для человека, однако Дионов никого прощать не собирался. И желать добра человеку, из-за которого его веселая, отличная, четко распланированная жизнь полетела к чертям собачьим, он тоже не будет. Может лишь пожелать ему быстрее отправиться куда-нибудь далеко. Например, в ад.

Александр только что выехал от Макса, получив ценные распоряжения. У него было два часа свободного времени, и Дионов хотел потратить их на решение нескольких своих предсвадебных проблем. Он затормозил на красный цвет светофора. Вынужденная остановка усугубила и без того скверное настроение: хотелось гнать тачку вперед.

Толпа младшеклассников, разбившись на пары, медленно и шумно пересекала дорогу под предводительством учительницы, больше похожей на курицу-наседку в пестрой юбке. Саша проводил их долгим задумчивым взглядом. Нет, детей он не любил, но ему вспомнился младший братишка. Еще недавно тот был таким же мелким пацаном, который смотрел

мультики, лазил по турникам и решал примеры по математике сначала на черновике, а затем переписывал их в чистовик. А потом резко изменился: вытянулся, повзрослел, стал прогуливать школу, выводя из себя мать, и кататься на своей доске. Из Васьки превратился в Джимми.

«А можно ли во всем винить его?» – неожиданно спросил Александра внутренний голос и тут же ответил, что нет.

Брат-то тут при чем? Тогда уж логичнее было бы возложить вину на отца, который до сих пор не простил Сашу и почти не разговаривал с ним в редкие встречи. А если и разговаривал, то так, будто перед ним стоял не старший сын, а понимающая человеческую речь свинья. Хорошо еще, при Нике он вел себя нормально – нужно сказать спасибо матери, которая уговорила его встретиться с Сашей и его невестой перед свадьбой.

Дети наконец убрались с проезжей части, и Дионов вновь погнал машину, чтобы буквально через минуту остановиться перед очередным светофором. А через минут пять Саша попал в непонятно откуда взявшуюся пробку и осознал, что не прочь взять из багажника биту (вместе с бейсбольным мячиком, если что!) и для разрядки послать ею пару мячей в стоящие рядом, медленно ползущие тачки. А тем козлам, которые организовали пробку, столкнувшись где-то неподалеку, выбить этой битой окна. И потом неплохо бы поехать к своей девочке Нике – с ней можно устроить второй этап эмоциональной разрядки, после которой он почувствовал бы

себя просто отлично.

Пробка медленно двигалась, своей черепашьей скоростью только сильнее раздражая Александра. Впрочем, вскоре его настроение немного улучшилось. На остановке он увидел знакомую светловолосую девушку, которая с недовольным видом вглядывалась в дорогу в ожидании нужного автобуса.

Сестренка Марта. Одета совсем просто: джинсы, футболка и удобные туфельки без каблуков – как их там называют? Балетки? Длинные волнистые волосы, как и всегда, распущены и защищают спину от дневных солнечных лучей. На лице – здоровые темно-коричневые очки, на плече – черная большая сумка, за спиной – чехол-рюкзак со скрипкой. Она напоминала ему котенка, не знавшего суровых реалий жизни.

Зато этого котенка хотелось погладить. Сестренка Ники была ему симпатична.

Машина Александра стояла в крайнем ряду, потому как Дионову нужно было вскоре поворачивать налево. Сам себе кривовато улыбнувшись, Саша открыл окно и громко позвал Марту по имени несколько раз.

Та услышала его не сразу, а когда поняла, что кричат именно ей (и кто именно кричит), как-то даже испугалась. Если честно, в свете происходящих событий, а также начавшихся зачетов и экзаменов Марта даже позабыла о своем Саше, а теперь он совершенно неожиданно появился и настойчиво звал ее к себе в машину.

Марта замотала головой, жестами демонстрируя Александру отказ, но тот ему не внял, еще и посигналил строптиво-му котенку, кивнув на сиденье рядом с собой.

– Садись!

– Нет, спасибо, – не своим голосом ответила Марта.

Да, ей, как и всякой влюбленной, безумно хотелось оказаться рядом с тем, по кому страдала ее душа, но одновременно Карлова очень страшилась этого. Ведь потом ей опять будет плохо, мерзко от самой себя, и опять по щекам побегут холодные соленые слезы. Мало кто знает, каково это – смотреть на любимого мужчину и понимать, что скоро он станет супругом твоего близкого человека, которого ты своими чувствами просто-напросто предаешь.

– Быстрее, я не могу долго стоять! – раздраженно крикнул Саша.

Он и правда не мог – пробка вновь двинулась вперед, а его автомобиль так и остался стоять, поджидая Марту. Несколько возмущенных и куда-то спешащих водителей стали ему сигналить. Впрочем, непробиваемому Дионову до них не было никакого дела. А вот впечатлительная Марта, которая отлично улавливала чужие душевные вибрации, еще больше смутилась: получается, это из-за нее теперь возмущаются люди и даже что-то кричат из салонов машин. Вон из бордового авто с надписью «Охрана» на стекле, которое стояло сразу за автомобилем Александра, орал какой-то здоровый мужик. Дионов, услышав его вопли, слегка высунул темно-

волосую голову из окна и, что-то пренебрежительно ответив, царственно пару раз махнул рукой, словно говоря: «Давай, проезжай». А после Саша, который сегодня тоже был в солнцезащитных очках, вновь требовательно поманил Марту к себе.

«Чтоб ты провалился, Дионов», – мрачно подумала скрипачка и, набрав побольше воздуха в грудь, быстрым шагом направилась к сияющему под солнцем автомобилю Александра. Марта села рядом с ним на переднее сиденье, и авто тут же тронулось.

– Привет, – поздоровалась Марта, чувствуя себя не в своей тарелке. Со скрипкой пришлось расстаться и положить на заднее сиденье.

– Привет, сестренка. Ты тормоз или меня злила? Видишь же, что стоять долго не могу, и выделяешься, – делано сердито сказал Саша. – А я, вообще-то, хотел тебя подвезти.

– Я не хотела причинять тебе неудобства, – не глядя на него, произнесла Карлова.

Надо же, минувшей осенью она впервые села в этот просторный дорогой автомобиль. Казалось, ее жизнь до этого события – спокойная, заполненная классической величественной музыкой, мечтами о будущем и Феликсе из далекой туманной Англии – осталась в прошлом. А теперь ее умом завладел этот полукриминальный самодовольный тип с зелеными глазами и прямой спиной. Встреча с Сашей буквально поделила размеренную жизнь Марты надвое: до знакомства

с ним и после.

Эти неравные части ее жизни объединяла музыка. Вот только раньше она была для скрипачки вдохновением, а теперь стала освобождением.

– Сестренка, если я сам позвал тебя, значит, я знал, на что иду, – сообщил Александр.

Марта ничего не ответила.

– Говори, куда везти, – велел он, краем глаза заметив, что девочка надулась.

Это его обрадовало. Когда он был подростком, то любил прикалываться над объектами своих симпатий и злить их.

– Я к Нике еду, – сказала Марта.

– Зачем? – тотчас поинтересовался Саша.

– Лекарства забрать для нашей бабушки, – пояснила Марта, так и не поднимая глаз на непонятно почему развеселившегося молодого человека.

Тот объезжал столкнувшиеся машины и повернул направо. Там дорога оказалась не в пример свободнее, и было где развернуться.

– Болеет чем-то?

– Нет, просто у нее давление, – ответила Марта. – А тетя ей с какой-то скидкой таблетки хорошие купила и... – Договорить она не успела – Александр резко затормозил.

Марту, забывшую пристегнуться, с силой кинуло вперед, а потом вдавило в сиденье. Черный «БМВ» едва не столкнулся с неожиданно появившейся справа лихой бордовой ино-

маркой-японкой с большой бравой надписью «Охрана» на заднем стекле. Эта была та самая машина, водителю которой Саша нелестно ответил.

Александр понял, что его нагло подрезают, и выругался:
– Твою мать! Вконец осатанели, уроды? Гребаные чопники! – прокричал он, высунувшись в окно.

Под ЧОПом он подразумевал частное охранное предприятие. А поскольку «БМВ» Дионова был с правым рулем, а бордовый авто с левым, то водители отлично друг друга видели и слышали.

Марта тут же вспомнила ужасный эпизод с перестрелкой и сжала руки в нервный замок, а Александр вновь вырвался вперед. Бордовое авто, в котором сидели трое молодых крепких мужчин, не отставало.

Представители частного охранного предприятия попытались во второй раз подрезать «БМВ». Саше опять пришлось экстренно тормозить.

Разозлившийся Дионов окрестил мужчин нецензурным словом, которым частенько некультурные люди пренебрежительно называют представителей сексуального меньшинства, а также еще несколькими столь же экспрессивными фразами. Они не могли не оскорбиться.

– Тормози тачку! Разберемся! – заорал водитель.

Взгляд у него был свирепый, да и вид какой-то бандитский, в отличие от Саши, который всегда одевался элегантно – и не скажешь по нему, что он когда-то сидел.

Марта смотрела на мужчин в «японке» квадратными глазами. Она боялась и одновременно злилась: ну что они за люди такие?! А вот Саше, похоже, страшно не было, хотя его драгоценный «БМВ» подрезали уже в третий раз – и на этот раз авто едва не столкнулись.

– Пошел ты! – отвечал ему Саша.

Он мельком глянул на свою пассажирку, понял, что та испугалась, и рассердился еще сильнее. Пока Марта была в его машине, он нес ответственность за ее жизнь и здоровье.

– Тормози! Я тебе щас морду разобью! – горячился водитель бордового транспортного средства, высунувшись в окно.

– Я сказал: пошел ты! – увеличил скорость Дионов.

Но чоповцы не отставали. Видать, сильно обиделись. А тот, как назло, сегодня был без охраны. Всех людей идиот Макс бросил на поиски Никки.

– Останови! А то и тебе, и твоей девке плохо будет, скотина!

Марта опешила от такого заявления и пару раз мысленно обругала наглеца. Вслух же ничего не говорила, понимая, что ее пiski или крики Саше не помогут. Несмотря на обманчивую хрупкость, эмоциональность и легкость характера скрипачка умела сдерживать эмоции, даже очень сильные.

Александра же упоминание о девушке взбесило не на шутку.

– Уговорил, сука! Давай остановимся! – весело прокричал

Дионов, одной рукой открывая бардачок и доставая пистолет – большой, черный, тяжелый, – приковавший к себе немигающий взгляд Марты. – Ну что? Тормозим, лохи? – улыбнулся он.

«Лохи» тормозить передумали. После демонстрации огнестрельного оружия мужчины, переглянувшись, решили, что связываться с молодым придурком себе дороже и, прокричав что-то обидное, отстали. Не то чтобы они испугались Саши – втроем бы они легко завалили Дионова, но вот наличие большого блестящего пистолета их обескуражило.

Александр закрыл окно и с довольным видом положил пистолет обратно – держал он его так, как влюбленный держит руку своей дамы сердца. У Марты из груди вырвался вздох облегчения. «Господи, спасибо, что пронесло», – мысленно поблагодарила она.

Вслух же Карлова на волне адреналина произнесла другое:

– Придурки! Чтоб вам колеса все прокололи! Чтоб вы сами полопались!

Несмотря на воинственные возгласы, ее испуганные глаза насторожили водителя.

– Испугалась? – грубовато спросил Саша.

Только бы скрипачка не разрыдалась при нем. Женские слезы он очень не любил. Боялся ощущать себя бессильным рядом с плачущим человеком.

– Нет, – ответила Марта.

На самом деле она натерпелась страху – не такого сильно-го, яркого, чтобы останавливалось дыхание, как в тот день, когда она стала свидетельницей перестрелки, но и не слабо-го. И опять тут промелькнул пистолет...

А у Александра талант – умеет пугать.

– Молодец, боец, – похвалил Саша. – Руки-то расцепи, – посоветовал он, кинув взгляд на ее колени.

Нет, ему не было стыдно или неловко за эту безобразную сцену, хотя именно он стал ее косвенным виновником, когда решил подобрать сестренку на остановке. Но что-то все же смущало его закованное в три железных обруча сердце⁴. Может, легкий налет страха в разноцветных глазах котенка, то есть Марты?

– Они ведь не вернуться? – спросила скрипачка.

– Не думаю. Точно не боишься? А меня? – Саша снова задал этот вопрос.

– И тебя – нет, – уверенно отозвалась Карлова. Постепенно она приходила в себя.

Саша улыбнулся краешком губ. В глубине души ему было важно, чтобы эта девушка, которая знала правду о нем, его не боялась. И чтобы воспринимала его как нормального человека. Как полноценного члена общества, а не урку, обвешанного оружием.

– Точно? – с подозрением посмотрел он на Марту.

– А ты что, такой страшный? – нашла в себе силы пошу-

⁴ Фраза отсылает к сказке братьев Гримм «Король-лягушонок».

тить Марта.

Если честно, пистолет в его руках, мягко говоря, ее впечатлил.

Саша ничего на это не сказал, продолжая вести машину. Скрипачка взглянула на него мельком, и вдруг ее сердце обожгла жалость к нему.

Почему она начала жалеть этого взрослого уверенного в себе молодого мужчину, Марта не понимала, да и не хотела понимать. Она просто ощутила мимолетный приступ сочувствия, смешанный с нежностью и желанием защитить. Но как она, простая слабая девчонка, защитит Дионова?

– Кстати, ты что, хочешь, чтобы меня оштрафовали? – осведомился Саша.

– А?

– Пристегнись, сестренка, – велел он. Марта тотчас послушно схватилась за ремень безопасности. – Мы сейчас заедем в одно местечко. По делам. А после к Нике домчу.

– Но может, ты меня лучше высадишь? – с опаской попросила Марта.

– Нет, – весело ответил Дионов. – Это по пути. И я все быстро сделаю. Рассказывай, как у тебя дела?

– Хорошо, – вымученно улыбнулась Марта. – Сессия в самом разгаре.

– Хорошо учишься? – любопытствовал Саша, несколько не сомневаясь, что эта девочка не из тех, кто плетется позади всех.

– Хорошо.

Марта всегда училась отлично. Не то чтобы ей это легко давалось, но она прикладывала большие старания. Хотя из-за того, что прилетел Визард, времени на учебу у нее стало меньше, но Карлова в своих знаниях и умениях была уверена и знала, что с сессией расправится более-менее легко. Вот выступление – это куда страшнее.

Завязался легкий, непринужденный разговор о студенческих буднях. И Марта вдруг поняла, что счастье – оно странное. Думала ли она год назад, что настоящим счастьем для нее будет простой разговор с молодым человеком? Конечно нет! Тогда для счастья ей требовались полные залы в Карнеги-холле, рукоплескания восторженных слушателей, всемирный гастрольный тур. От этого счастья Марта и сейчас бы не отказалась, но вот на душе тепло и радостно было от простого разговора с тем, кого она любила. Счастье, правда, получалось каким-то скованным. Марта ненароком боялась показать Саше свои чувства.

Через минут пятнадцать черный «БМВ» остановился на свободной парковке около высокого светло-серого здания с узким проемами окон на украшенном искусной лепниной фасаде. Стилизовано здание было под замок. На четырех углах его красовались остроконечные башни, ворота были выполнены в виде полукруглой арки. Перед воротами высилась скульптурная композиция из камня: мужчина с одухотворенным лицом и в старинных одеждах, подле которого

стояли гордый лев, сладострастная рысь и алчная волчица как символы человеческих пороков.

Марта никогда не бывала в этом месте, но часто слышала о нем и видела на фото в журналах и на страничках подруг в соцсетях, а потому тотчас узнала. Известный в городе ночной клуб «Алигьери».

Ночью сюда выстраивались громадные очереди из желающих попасть внутрь. Днем же около этого популярного заведения с оригинальной концепцией народа почти не наблюдалось, «Алигьери» словно превращался в музей с его благоговейной тишиной.

– Сиди здесь. Буду через десять минут, – велел ей Александр.

Он подхватил с заднего сиденья черный кожаный кейс и вылез из машины, чтобы вскоре скрыться в одном из служебных входов ночного клуба.

Марта вздохнула и огляделась по сторонам. Как так вышло, что она полюбила этого человека, жениха любимой сестры? Оставалось надеяться лишь на то, что эти глупые чувства пройдут, а Ника будет счастлива с Сашей, несмотря ни на что.

Скрипачка с задумчивым видом осторожно коснулась кончиками пальцев руля, на котором недавно лежали ладони Саши. Тот до сих пор еще хранил тепло его рук, и Марта грустно улыбнулась. Александр не казался нежным, но всегда ласково прикасался к невесте и сердечно смотрел на нее.

А когда после перестрелки он обнимал Марту, то тоже был деликатен, но будто боялся, что ненароком сделает ей больно.

Взор Марты остановился на бардачке, где лежал пистолет, и Карлова с трудом поборола себя, чтобы не открыть его и не взять в руки оружие. Вместо этого она вытащила початую бутылку воды из специальной подставки и попила, подумав с издевкой, что это, можно сказать, не прямой поцелуй с Сашей – он ведь тоже пил из этой бутылки.

Мысли Марты прервал телефонный звонок. Бабушка интересовалась, села ли ее младшая внучка в транспорт или еще нет.

– Села, – торопливо сказала Марта. – Скоро приеду, быстренько все возьму и домой. Ты как себя чувствуешь?

– Терпимо, – отозвалась бабушка. – Ты уж извини, что мы оторвали тебя от дел. Эля сама хотела съездить, да у нее что-то серьезное на работе. Люда и Володя тоже со службы вырваться не могут, а Ника, как Люда сказала, нехорошо себя чувствует, поэтому ее я беспокоить не стала.

– Да все в порядке, – отмахнулась Марта. – У меня и не особые-то дела были. Так, с друзьями в кафе сидела, – соврала внучка.

Во-первых, вовсе не с друзьями, а во-вторых, не в кафе, а в гостях у Стаса – у друга ненавистной сестрицы, общество которой приходилось терпеть. Зато там был Феликс, что до невероятности окрыляло.

В это чудо она до сих пор не верила. В чудеса вообще часто не верят, даже если они и происходят.

– Хорошо, жду тебя, милая, – сказала бабушка, еще немного поговорила с внучкой и отключилась.

От нечего делать Марта вылезла из машины, чтобы лучше рассмотреть машину Саши и пощелкать на телефон статистику Данте, да и сам клуб. В один из кадров случайно попал среднего роста молодой человек в элегантных очках, в тонкой – под цвет рубашки фисташкового цвета – оправе и в деловом костюме. Он разговаривал по телефону, стоя около своей машины.

Марта, пытаясь удалить фотографию, нечаянно уронила мобильник, и тот упал прямо к ногам этого симпатичного брюнета. Тот легко наклонился, прижав свой телефон плечом к уху, поднял мобильник Марты, стряхнул с него невидимую пыль и, не отвлекаясь от разговора, с улыбкой отдал владелице. Глаза у него были удивительные – синие-синие. Такие глаза совсем не сочетались с обликом молодого человека. Все в нем говорило о серьезности, педантичности и внутренней суровости: начищенные до блеска ботинки с круглыми носами, аккуратно причесанные, даже как будто уложенные гелем волосы, дорогие швейцарские часы на левом запястье, не менее дорогое кольцо из благородной платины на безымянном пальце правой руки, плотно сжатые губы, строгий взгляд.

Марте незнакомец чем-то напомнил Сашу – наверное, та-

кой же внутренней суровостью.

– Спасибо. – Она вежливо улыбнулась.

Надо же. Какой хороший и любезный, не то что этот Дионов – грубиян и дурак.

Молодой человек кивнул ей, словно говоря: «Не за что», и перед тем, как Марта подумала, что он – лапочка, недобрым голосом сказал в трубку:

– Или вы делаете то, что я говорю, или в срочном порядке пишете заявления на увольнение.

Это звучало как: «Или вы подчиняетесь мне, или я вас всех убью».

– Вы меня поняли? Или мне повторить? – уничтожающим тоном отчетливо произнес брюнет в очках. – Если я повторю – я, знаете ли, не привык говорить дважды, если только мой собеседник не дурак и не глухой, – так вот, если я повторю, мы будем считать, что вы выбрали второй вариант.

Марта поняла, как лопухнулась – милым молодой человек в костюме явно не был.

«Может, на работе он зверь, а дома милашка?» – предположила она.

Полностью сломив собеседника и добившись своего, синеглазый брюнет позвонил на другой номер. Тон его изменился, и теперь суровость и жесткость сменились ласковой заботой искренне любящего человека.

– Как ты себя чувствуешь, девочка? Не люблю этого говорить, но я скучаю, – тихо произнес молодой человек, при-

слонившись к своей дорогой машине, но Марта с ее прекрасным слухом все равно услышала и вдруг улыбнулась. Наверное, девушка или супруга этого парня – в общем, его вторая половинка – счастлива с ним. Она не понимала, почему ей так кажется, но была уверена в своей правоте.

– Я жду, когда ты прилетишь на свадьбу к моему брату и к своей подружке. Не беспокойся о подарке – я сделал все что нужно. Хорошо, Лида, хорошо. Кстати, – совсем тихо сказал брүнет, снимая очки и глядя в небо. – Сегодня ровно три года со дня нашей первой встречи. – Он улыбнулся, слушая слова собеседницы, а после добавил: – И такая же погода, как в тот день.

– Эй, сестренка, на кого засмотрелась? – раздался у нее над ухом вкрадчивый голос Саши.

От неожиданности Карлова подпрыгнула.

– О-о-о, – протянул Дионов, поняв, что сестренка смотрит на Петра Смерчинского, который говорил по мобильнику, глядя в небо. – Да ты, рыбка моя, на кого попало не заглядываешься. Внук хозяина «Алигьери». Вы с кузиной похожи: тебе внучок понравился, ей – дедушка.

– Не говори глупости, – первой уселась в машину Марта. – Он просто очень мило разговаривал со своей любимой.

– Кто? Смерчинский? – развеселился Александр, усаживаясь рядом и вставляя ключ в зажигание. – Да ну брось. Он еще хуже своего деда. Умный, все рассчитывает наперед. А по-хорошему должен гнить в тюрьме. – Он сказал это без

злости, как бы констатируя факт, и даже с долей уважения.
– Почему это? – удивилась Марта.
– Да человек он нехороший, – блеснули глаза Саши. – Немножко.

– А что он сделал противозаконного? – Марта почему-то представила, что этот представительный Петр Смерчинский не платил налоги. Как итальянский известный мафиози.

– Детей ловил и ел, – добродушно отозвался Дионов.
«Как маленький», – недовольно подумала скрипачка.

Саша тоже понимал, что ведет себя как подросток, но ему это нравилось.

Он тронулся с места, но вскоре неожиданно остановился около яркого сине-белого киоска с мороженым. Ничего не объясняя, он вышел, а вернулся с холодным лакомством в руках – для Марты.

– Это тебе компенсация за поездку, – усмехнулся Дионов, протягивая ей мороженое в серебряной обертке. – Я не знал, какое ты любишь, поэтому купил самое дорогое.

– Да не надо было, – растерялась Марта.

Она не ожидала такого милого поступка от Саши, и ей было очень приятно. А кому будет неприятно, когда объект симпатий дарит знаки внимания? Марта с трудом сдерживала улыбку, разворачивая шуршащую обертку.

– Только не спорь, сестренка. Я вернуть уже не смогу. Теперь погнали к Нике. Домчу за пятнадцать минут, – улыбнулся Александр, не глядя на пассажирку.

Хорошее настроение Марты мигом осыпалось как карточный домик – она в который раз забыла, что влюблена в жениха сестры и позволила себе порадоваться его маленькому холодному подарку. И вообще, зачем он ее подобрал на остановке? Дурак, он ведь и не понимает, что издевается над ней, демонстрируя свое хорошее расположение. Не догадывается о ее чувствах.

Но он и не виноват ни в чем. Виновата только она.

– Кстати, а почему ты одна? – спросил водитель у Марты, которая молча и сосредоточенно поедала мороженое.

– А с кем мне еще быть? – не поняла она.

– Если бы я приехал издалека, то не отпускал бы свою девчонку от себя до тех пор, пока вновь бы не свалил, – как-то туманно для Карловой отозвался веселым голосом Александр.

Марта с недоумением глянула на него, и ей тут же захотелось погладить его по темным волосам. А потому она вновь отвела взгляд.

Дионов расценил это как смущение, связанное с музыкантиком, с которым сестренка обжималась в аэропорту. И это его позабавило. Ему очень хотелось подколоть сестричку Ники. По непонятным причинам это доставляло ему удовольствие.

– Или он уже свалил? – допытывался Саша.

– Ты о чем?

– О твоём пареньке.

– О ком? – удивилась она.

– Девочка, не прикидывайся глупее, чем ты есть, – усмехнулся Дионов. – Я и Ника видели тебя в аэропорту с одним фраерком, пардон, парнем. Вы очень мило обнимались.

– Обнимались? – недоверчиво спросила Марта.

И тут же вспомнила Феликса. Саша с Никой это видели?! Как так?

– Вы мило смотрелись, – усмехнулся Саша. – Он твой парень?

– Нет! – аж замахала руками Марта, которая и представить не могла, что Феликс-Визард будет ее парнем. – Он просто знакомый!

– Ты позволяешь себя целовать всем своим «просто знакомым»? – поинтересовался как бы между прочим Саша.

– Нет! Нет, ты что! – бурно отреагировала Марта.

– Или он – исключение? – с лукавым огоньком в глазах спросил Дионов.

– Да нет же! Он просто меня обнял, и мы... мы не целовались.

Марта вспомнила объятия Феликса, и по ее ладоням прошла жаркая горячая волна. А после в ее воображении промелькнул такой же эпизод, только уже с Сашей. Новая волна – уже ледяная – обрушилась на голову, словно мощный водопад.

– Не парься, – без труда разгадал ее состояние Александр, радуясь новой порции ее бурного смущения, как подросток,

который подсматривает за девчонками в раздевалке. – Ты взрослая девочка, тебе тоже нужны отношения.

– У нас с ним ничего нет, – мрачно буркнула Марта.

Не нужны ей никакие отношения и ни с кем. У нее есть музыка, и ей хватит.

– Не ведись сразу на его комплименты и подарки, сестренка. – Александр притворился, что учит Марту жизни. – Я типа почти твой старший брат, и поэтому обязан предупредить. – Он едва сдержал смех. – Что мужики не такие хорошие, какими кажутся на первый взгляд. Романтика и прочая чушь – просто большая приманка для хорошеньких крошек. Таких, как ты.

– В смысле – как я? – даже рассердилась Марта.

– В прямом. Ты доверчивая, малышка. Ты не должна обращать внимания на внешнюю мишуру. Учись видеть истину.

– Глупости какие-то, – возразила скрипачка, машинально наматывая на палец длинную прядь.

– Это не глупости, это жизнь, – равнодушно заметил Александр.

Ему совсем не нравилась мысль, что сестренку может быстро прибрать к рукам проворный музыкантик, явно знающий, как сломить сопротивление хрупкого женского сердца, тем более такого юного. Положа руку на сердце, сам Саша в этом деле был большим молодцом, особенно в прошлом. Нет, мастером пикапа он себя не считал, но если нужно бы-

ло, мог соблазнить девчонку буквально за один вечер. Даже на спор такое делал, еще до того, как повстречал Нику.

– У вас с ним что-нибудь было? – очень корректно задал вопрос Саша, по его собственному мнению. Обычно, если его интересовал этот аспект жизни, он спрашивал куда более невежливо, иногда с применением грубых слов.

– Слушай, отстань, а? – разозлилась Марта.

Подобные вопросы она могла обсуждать с подругами или с Никой, но никак не с Дионовым! Что он опять издевается?!

– Глупая ты, – сам не понял Александр, зачем спросил об этом у девушки, и списал на счет того, что ему приятно ее подкалывать.

– Сам дурак, – пробормотала Карлова.

Автомобиль остановился на светофоре. Улучив момент, Александр достал бутылку, из которой сделала несколько глотков Марта.

Она следила за тем, как Саша, чуть запрокинув голову, пьет воду. И ей вновь захотелось коснуться его. Откуда-то появилась незваная нежность и окутала сердце скрипачки, как тонкая паутина.

– Что ты там сказала? – уточнил Саша.

– Да так, мыслю вслух, – ответила Марта и сдуру откусила большой кусок, подавилась и закашлялась.

– От жадности? – добродушно осведомился водитель машины и любезно предложил: – Хочешь, похлопаю?

Марта терпеть не могла, когда ее хлопают по спине, но

почему-то кивнула. Александр проявил себя большим шутиком. Он, отпустив руль, несколько раз похлопал в ладони и засмеялся, чем окончательно разозлил скрипачку. Сам он рассмеялся – непринужденно, весело, давным-давно забытым смехом.

– На, попей лучше, – сунул ей бутылку Дионов. – Будет больше толку.

– Спасибо, – буркнула Марта. – Ты свое юмористическое шоу открыть не пробовал? – И вновь закашлялась.

До конца дороги Александр только и делал, что доводил бедную девушку до белого каления, и к дому сестры Марта приехала порядком вымотанная, даже злая. А Саша улыбался, забыв на время о проблемах. Ему вспомнились первые курсы универа, когда он жил беззаботной и вполне счастливой жизнью, а самой большой его неприятностью была сессия.

Глава 7

Ника проснулась поздно, когда полуденное высокое солнце всю хозяйничало в доме, кроме ее комнаты с закрытыми вертикальными жалюзи из плотной нежно-персиковой ткани. Не без труда откинув одеяло, в котором умудрилась запутаться, Ника решила сесть. Но тут же гудящую голову пронзила стрела боли. Она вошла в левый висок и вышла из правого, отчего Карлова шепотом выругалась. Слова вышли невнятными – язык спросонья еле ворочался, а во рту было

сухо, как в пустыне Сахара в худшие ее дни.

Ника облизала губы, не понимая, что с ней такое, и попыталась вновь сесть: осторожно перевернулась со спины на бок и поднялась, упершись слабыми ладонями в кровать.

«Я сейчас умру, – подумала Ника с тоской, когда висок пронзила новая стрела боли. – Бли-и-ин, как фигово-то. Напилась я, что ли?»

Она прислонилась к стене, раздумывая, как бы ей подняться на ноги и дойти до туалета. Так худо Ника не чувствовала себя очень давно – с тех самых пор, как случайно выпила в клубе «Алигьери» странный наркотический напиток, приняв его за обычный коктейль. Тогда отходняк у нее тоже был нехилый, да и сильный испуг сыграл свою роль. Правда, тогда рядом находился Никита, который помог ей прийти в себя, умудрившись при этом оскорбить, нахамить и обозлить. Однако тогда Нику поразило, что Кларский проявил себя джентльменом. Она ведь откровенно приставала к нему, а он мало того что не бросил ее в клубе, потащил к себе домой, где привел в чувство, так еще и не отвечал на все ее поползновения.

Карлова глухо простонала, прижав ладони к вискам. Пить хотелось неимоверно, и ее подташнивало. Память Ники постепенно, урывками, восстанавливалась. Перед внутренним взором мелькали то тусклые, то яркие картинки.

Она созванивается с Дашкой и зовет ее в клуб.

Они приезжают в пафосный модный «Алигьери»...

Сидят за стойкой бара, где со смехом пьют какой-то вкусный, чисто женский коктейль, кажется, «Секс на пляже»...

Весело зажигают на танцполе, веселятся за стойкой бара, и Ника подбивает Дашу заказать абсент...

Ника выпивает один бокал горького напитка, второй, ничего не чувствует, словно выпила грейпфрутовый сок без сахара...

А потом, разочаровавшись, заказывает еще какой-то коктейль...

После него становится куда веселее, и Ника вновь бежит на танцпол, теперь яркий, переполненный классными людьми, и отрывается на нем так, как только может ее взбодрившееся тело. Один умопомрачительно зажигательный трек энергичного диджея, второй, третий... и...

И все.

Ничего больше Ника не помнила. Память замолчала, и картинки пропали. Зато затошнило куда сильнее.

Морщась, Карлова встала на ноги и, ощущая себя так, словно только что вышла из-под общего наркоза, поплелась по полутемной комнате к двери, слегка пошатываясь и изредка цепляясь за стены. Ника чувствовала себя настолько отвратительно, что даже ругать себя не могла за вчерашнее безобразие.

Родителей дома не было, зато на кухне обнаружилась пьющая кофе Дашка – свежая, как огурчик. На лице ее сияла улыбка, в глазах застыла романтика, а рука крепко сжимала

мобильник, как будто подруга ждала важный звонок или сообщение.

– О-о-о, пьяница проснулась, – шутливо поприветствовала она Нику. – А я вот жду, когда ты проснешься.

Ника так болезненно щурилась на Дашу, что та сразу поняла: еще не проснулась.

– Что-то ты белая сильно. Плохо? – участливо спросила подруга.

– Плохо, – скривилась Ника. К горлу подкатывал противный ком.

– Ну, так немудрено. Ты вообще вчера после своих алкогольных экспериментов в неадекват ушла, подруга. Отлично повеселилась перед свадьбой!

Ника устало взглянула на подругу, молча прошла мимо нее и достала из холодильника бутылку газированной питьевой воды, которая показалась ей напитком богов.

«Ага, повеселилась... Так повеселилась, что сейчас хочется забыться лет на десять», – думала она, жадно глотая воду с пузырьками.

А во всем Кларский виноват, скотина!

В тот раз, три года назад, она чувствовала себя так хреново из-за него – он ведь тогда потащил ее в клуб «Алигьери», чтобы показать всем, будто они с ней пара. А вчера она решила напиться только для того, чтобы навсегда забыть противного Укропа. Устроила себе прощальную вечеринку, знаменующую конец ее дум о том, кто живет себе припеваючи

в соседнем городе и давным-давно забил на влюбленную в него девушку.

Она хотела заставить себя веселиться на поминках бывлой любви, потому и решила немножко выпить. И это «немножко» перешло в тихий ужас и самое настоящее беспамятство.

– Полегчало? – все так же участливо поинтересовалась Даша, то наблюдая за подругой, то с надеждой глядя в мобильник. – Кофе тебе сварить крепкий? Твои родители с утра на работу ушли, милостиво решили тебя не будить. Вернее, они не смогли тебя добудиться, Мисс Абсент. И перепоручили мне за тобой присмотреть. Чтобы ты, к примеру, опохмеляться не побежала с утречка. Ух и злая же твоя мама была. Кстати! – радостно воскликнула Даша. – Ты же не знаешь, что ночью было! Ника! Ника, ты куда? – окликнула она удирающую с кухни молодую хозяйку этого уютного, залитого солнцем дома.

А та, еще больше побледнев, молча скрылась в туалете. Впрочем, Даша сразу поняла состояние подруги. И тактично осталась в кухне. Напевая себе под нос нечто романтическое, она принялась варить кофе.

Спустя почти час Ника вышла из ванны. И вскоре безвольно сидела за столом в кухне и маленькими глотками пила горячий и очень крепкий кофе – его терпкий аромат бодро витал по кухне, время от времени выползая за приоткрытое окно и дразня носы многочисленных прохожих.

– М-м-м, кофеек просто прелесть, – нараспев произнесла

Дашка.

В отличие от Ники чувствовала она себя отменно и намазывала на белый хлеб вареную сгущенку. Ника же воротила нос от еды и старалась не смотреть в сторону подружки, уткнувшись в свою большую кружку. Сейчас ей стало немного лучше и почти не тошнило, но голова все равно раскалывалась, а руки до сих пор подрагивали.

– Этот кофе папе привез друг, – сипло отозвалась Ника, откашлялась и добавила: – Орлов привез.

– Тот самый, про которого он всегда рассказывает? – захихикала брюнетка.

– Ага. Он месяц гостил у друзей в Бразилии и привез какой-то крутой кофе оттуда. Отец теперь тоже в Бразилию хочет. – Карлова вновь отпила горячий напиток, волшебным образом возвращавший силы.

– Из-за кофе?

– Нет. Из-за рыбалки. Там, по словам Орлова, рыбалка какая-то отменная, экзотическая. – Стрела боли, уже не такая острая, вновь кольнула Никин висок.

Зачем, зачем она вчера пила?!

– Лучше себя чувствуешь? – весело спросила ее Даша, жуя бутерброд. – Отошла хоть немного?

– Если только совсем немного, – буркнула Карлова.

– Тебе надо прийти в норму! Тебе еще завтра на девичнике пить, – напомнила подружка.

– Не хочу ни на какой девичник, – скривилась Ника.

Похмелье принесло с собой апатию, и Карловой стало безразлично почти все.

– Хочешь не хочешь, а пойдешь, – безжалостно объявила Дашка. – Ой, я шоколадку нашла, можно съесть?

– Ешь что хочешь, обжора, – махнула рукой Ника.

– Просто я не пила так, как ты, вот ты и злишься, что не можешь присоединиться ко мне, – развернула хрустящую фольгу сладкоежка Даша. – И на девичник все равно пойдешь, или мы туда тебя понесем. Мы ведь с девчонками тебе сюрприз приготовили. – Подруга прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться в голос. Под ее чутким руководством подружки Ники решили сделать невесте прикольный предсвадебный подарок.

Карлова шумно вздохнула. Постепенно ее самочувствие улучшалось.

– Как ты вообще допустила, чтобы я напилась? – ворчливо спросила она у Даши. – Знала же, что послезавтра, то есть уже завтра, будет этот чертов девичник.

– Как бы я запретила тебе пить? – пожалала плечами та. – Ты орала на полклуба: «Хочу попробовать абсент, давай закажем абсент, вдруг увидим зеленую фею?!» Увидела, кстати? Нет? Так я и думала.

– Я ничего не помню после того, как выпила после абсента что-то еще – кажется, мартини. Что вчера было? – с некоторым смущением спросила Ника.

– Что было? О-о-о, вчера много чего было, детка моя, –

оживилась Даша. – После мартини тебе снесло голову... То ли реально абсент виноват, то ли ты градусы понизила. Ты отрывалась как сумасшедшая, пыталась знакомиться с народом, искала какого-то Укропа, орала что-то... Короче, от греха подальше я повезла тебя домой. Вызвала такси, посадила тебя туда – с трудом, кстати, хорошо, что охрана помогла. В такси ты вроде как уснула. Я попросила водителя дотащить тебя до квартиры, но он тебя вытащить не мог – ты брыкалась. А пото-о-ом, – многозначительно протянула Даша и торжественно замолчала.

– Что потом? – хмуро взглянула на нее Ника.

Ей страшно было слушать о том, что она вчера вытворяла.

– А потом тебя до самой квартиры нес симпатичный молодой человек, – сообщила с заговорщицким видом Дашка и наклонилась ближе к ней. – И он так на тебя при этом смотрел... Как будто хотел украсть. Прикинь, да?!

– Что прикидывать? И в смысле – нес? – оторопела Карлова.

– В прямом! – восторжествовала ее подруга. – Вытащил тебя из тачки, взял на руки и доставил до самой квартиры. Блин, такой мальчик милый, – закатила глаза Даша, которая до сих пор находилась под впечатлением от статного незнакомца. – Нес и смотрел на твое лицо. Я подумала даже: может, он влюбился?

– Где ты его взяла? – круглыми глазами посмотрела на нее Ника, забыв сделать новый глоток кофе. – В клубе, что ли,

познакомилась?

– Ага, в клубе. Это ты в клубе с какими-то гопниками отвязными чуть не познакомилась. Пристала к ним: «Где укроп, вы не знаете, где укроп, у меня к нему дело!» Они аж обалдели. А я, между прочим, испугалась. С виду-то они теми еще бандитосами выглядели! А ты вокруг них прыгаешь и укроп свой ищешь! – вспомнила эту забавную сценку в «Алигьери» Даша.

– Я такого не помню, – отозвалась Ника, мысленно себе раздавая подзатыльники и пощечины.

Она, опьянев, искала этого надменного придурка Кларского!

– А тот парень, что донес тебя до дома, он просто мимо проходил, когда мы с таксистом тебя из тачки выковыривали. И предложил помощь. Прикинь, да, какой вежливый?! Донес тебя до квартиры. Прямо до кровати, – поправилась подруга, запихивая в рот новую дольку шоколадки. – Правда, потом такая история случилась... Твои родители...

И тут Даша, как могла, чуть приукрашивая, поведала Нике о событиях минувшей ночи. В ее пересказе все произошедшее выглядело веселым, но хозяйка дома, слушая подругу, все сильнее и сильнее сжимала зубы.

– ...и тогда я открыла дверь и выпустила его. Твои родители так и не узнали, что этот парень был у тебя в комнате, – со смехом закончила Даша.

Она подумывала рассказать эту забавную историю завтра

на девичнике. Главное, чтобы Карлова полностью отошла, а то сидит бука букой.

– Ну, вот и конец истории. Эх, не попросила я у того милашки номерок телефона. Ну и ладно. В моем сердце он навсегда останется белым рыцарем, – широко улыбнулась брюнетка.

На кухне повисла звенящая тишина – слышалось лишь Дашкино аппетитное шебуршание фольгой.

– Ты что, – злобно сощурившись, наконец спросила Ника, переварив полученную информацию и поражаясь безрассудству подружки, – пустила ко мне в дом какого-то левого мужика?

– Парня, – поправила ее Даша. – Ему лет двадцать пять было. Такой миле...

– Какая разница! – заорав, перебила ее Ника, но тут же притихла – в ее голове что-то бухнуло, и на несколько секунд боль стала невыносимой. – Какая разница? – сдавленным голосом повторила она. – Ты привела ночью в мою квартиру какого-то непонятного типа и спрятала в моем шкафу, а потом и вовсе оставила со мной в одной комнате?!

– Ты что, – полезли на лоб Дашкины темные, полные праведного негодования и возмущения глаза, – думаешь, он к тебе приставал?

– Ты с ума сошла? Все мысли об одном, – хмыкнула Ника. – А если он стащил что-нибудь из дома?! Ты об этом не подумала?

– Ой, брось, он приличный, – махнула рукой беспечная Дашка. – Подошел, помог, донес...

– Главное, чтобы из дома что-нибудь не унес, – фыркнула подозрительная Ника и встала со своего места, несмотря на то что каждое движение неприятно отдавало глухими ударами колокола в голове, да и слабость в теле мешала.

– Эй, ты куда? – всполошилась Дарья.

– В свою комнату, – ворчливо отозвалась Ника, чуть покачиваясь при ходьбе. – Проверю, все ли на месте.

– Да что у тебя в комнате может быть ценного? Комп? Да он на месте стоит, – завозмущалась ей вслед Даша.

«Моя Северная Корона», – хмуро подумала Ника. Колье из белого золота и с бриллиантами стоило достаточно, чтобы забраться в их квартиру. Вдруг этот подозрительный тип специально втерся в доверие к наивной дурочке Дашке, которой легко можно запудрить голову, чтобы унести что-нибудь из дома?! Если он профессиональный жулик, то вполне мог осмотреться и, пока Даши не было к комнате, стащить что-нибудь. То же украшение, спрятанное в туалетном столике.

Нике стало так страшно, что заныли десны. Грудь накрыла тонкая полупрозрачная бледно-желтая простыня, сотканная из испуга, сомнений и предчувствия чего-то необычного, такого, что не укладывалось в рамки разумного. Ведь пропади Северная Корона, Ника потеряет последнюю связь с Никитой. То, что вчера она праздновала поминки по своей похо-

роненной любви к Никите Кларскому, Карлова благополучно забыла.

Открыв дверь в свою комнату, Ника направилась к туалетному столику. Пока Даша причитала на кухне, Ника быстро проверила, на месте ли ее самая большая драгоценность. Оказалось, что на месте. И, как всегда, прекрасно-холодная, манящая, ласковым шепотом она просила повесить ее на шею, и одновременно отталкивала, напоминала о печальном, щемящем сердце, как грустная песнь скрипки.

Карлова облегченно выдохнула, но напряжение из солнечного сплетения никуда не делось – бледно-желтая простыня еще сильнее сдавила грудь, превращаясь в упругий корсет. Будто то, что скрывалось под этой простыней-корсетом, знало о том, что произошло ночью. Знало, но никому не говорило.

– Ну что? – насмешливо спросила Даша, заходя в комнату, – нашла пропажу?

Ника поспешно закрыла ящик, где среди безделушек и бижутерии гордо, даже по-королевски, лежало кольцо, подаренное Ником – Тесеем, ей, без пяти минут Ариадне, которая выходила по велению богов замуж за Диониса – Дионова. Ника не заметила, что задвинула ящик не совсем плотно.

– Не нашла, – заявила Карлова, деловито оглядываясь, и приблизилась к шкафу, где, по уверениям Даши, сидел незнакомый то ли паладин, то ли воришка.

– Думаешь, он похозяйничал в твоём шкафу? – хмыкнула

Дарья, скрешивая руки на груди. – В белье копался, да?
– Дура, – огрызнулась Ника.

Она для порядка осмотрела висящую в шкафу одежду. Все на месте. А невидимый корсет на груди темнел и давил все сильнее. Проснувшаяся фарфоровая кукла, с плеча которой только что упорхнула крохотная, но озорная зеленая фея – жительница страны Абсент – задыхалась, не в силах негнушимися пальцами содрать уже не бледно-желтый, а темно-коричневый корсет со своей груди.

– А что? – продолжала издеваться Дашка, оскорбившись за приятного незнакомца. – Стащил у тебя из шкафа тру...

Ника не дала договорить подруге, что там мог стащить у нее неизвестный коварный фетишист, потому как взгляд ее натолкнулся на собственный стол.

– Ага! – торжествующе воскликнула Карлова – правда, сделала это вполсилы, так как громко орать колокол в голове до сих пор не позволял. – Я знаю, что пропало!

– И что же?

– Розы и ваза, – сообщила Ника.

И даже обрадовалась своему открытию. А вдруг в груди так стремно из-за того, что умник спер цветы?

Даша выразительно покрутила пальцем у виска:

– Ой, Ника, ты что несешь? Ваза разбилась, и твоя мама унесла розы. Прости, я про это забыла рассказать.

На самом деле она намеренно не упомянула этот факт. Не хотела, чтобы подружка сердилась из-за того, что ее родите-

лей разбудила она, Даша, задев тяжелую вазу.

Ника со стоном мученицы опустилась на кровать, а Даша, весело щебеча, направилась к окну, чтобы раздвинуть наконец жалюзи.

Это случилось одновременно. Так же стремительно, как солнце озарило комнату золотистым бархатным светом, в голове Ники появились новые картинки. Неясные, порванные по краям, изуродованные алкоголем, обмотанные крест-накрест лоскутами зыбкого тумана, но вполне отчетливые.

Веселая Ника, проглотившая таблетку искреннего драйва, кажется, что-то кричит на танцполе, двигаясь как сумасшедшая...

Хочет познакомиться с парнями – они необыкновенно похожи на тех, с кем общался ее Никита. Наверняка они знают, где он!..

Дашка оттаскивает ее от них и попутно извиняется...

Они садятся в такси и куда-то несутся, как на американских горках...

Она лениво отбрыкивается от чьих-то рук...

Открывает глаза и видит перед собой расплывчатое лицо парня – видит близко-близко... Он спрашивает, ждала ли Ника его, а она шепчет, что ждала. И говорит, что любит. И плачет, засыпая. Она не хочет, чтобы он опять ее покидал.

Засыпая во сне? Это ведь был ее хороший сон. Как она может заснуть во сне? Или все же может?.. А может...

Может, это был не сон?

А что тогда это было?

Яркой июньской молнией блеснула догадка, и нити корсета, которые все сдавливали и сдавливали ей грудь, с треском порвались. Так вот что ее мучило!

Ника, уже не обращая внимания на боль в голове и усталость в суставах, резко сорвалась с дивана. Нет, этого быть не может!

– Даша!

– Что? – испугалась та.

Даша подумала, что завтра на девичнике подружку точно стоит оградить от алкогольного воздействия. А то совсем с ней плохо! Скачет, орет. И глаза-то какие перепуганные и огромные. Как будто вчерашний добровольный помощник реально украл у нее комп вместе со всеми деньгами.

– Даша! Кто вчера мне помогал?!

– Что? – не поняла подруга.

– Кто вчера тащил меня наверх? Как он выглядит? Как? Опиши его!

– Ты рехнулась, мать?

– Даша! – закричала Ника, игнорируя усилившуюся боль в висках.

– Ладно-ладно, – подняла подруга руки. – Ты только успокойся. Он был высоким, вот такой вот примерно, – показала черноволосая девушка в воздухе невидимую короткую черту, обозначив рост парня. – Достаточно спортивный. Прямые плечи, серьезный вид. М-м-м, что еще? Волосы светлые,

короткие, глаза тоже светлые... хотя... слушай, я не помню, какие у него глаза были. Может, и темные. В темноте-то особо и не разглядишь. Сам симпатичный, ухоженный, вежливый. – Тут она мечтательно улыбнулась.

А Ника прижала руку ко рту: Никита. Это Никита. Это он. Он так выглядит!

Но быть этого не может, чтобы он появился в ее жизни.

А Дашка продолжала:

– Одет был как с иголочки. Стильненько. И дорого, похоже. Туфли из замши – ну такие, с круглыми носами, джинсы, футболка-поло, синяя. Как твое платье вчерашнее, – вспомнилось ей. – Прямо тон в тон. Я даже подумала, что это так прикольно – он несет тебя на руках, и его футболка и твое платье сливаются.

В этом же платье глубокого синего цвета Ника была и на первой встрече с Сашей в том году – он был в чем-то красном или бордовом, а она в синем. Ей тогда еще подумалось, что цвета их одежды совершенно не подходят друг к другу.

Это Никита, это точно был он! Он, он и никто другой!

Ника не знала, плакать ей или улыбаться, ловить эйфорию за невидимые пальцы или бежать и искать проклятого Укропа. По ее позвоночнику стрелой пронеслась вверх надежда, горящая огнем.

– И Игорь так на тебя смотрел, – вновь вспомнилось впечатлительной Даше, – как будто реально он влюблен.

– Что? – очнулась Ника. Теперь по позвоночнику проле-

тела новая стрела – только ледяная, отрезвляющая, и вниз. – Какой Игорь?

– Ну ты балбеска, – укоризненно сказала Даша. – Парня этого Игорем зовут.

– Его зовут Игорем? – не поверила своим ушам Ника.

– Игорем, – раздраженно подтвердила подруга. – Что с тобой? Ты как полубезумная. Новый приступ похмелья наступил? Пойдем, еще кофе налью.

Ника в изнеможении вновь упала на кровать. Ей было наплевать на ноющую боль в голове, на дрожащие пальцы, на вновь подступающую к горлу тошноту.

Показалось... Всего лишь показалось. Как всегда – показалось.

Нет, не может быть. Нет – но это правда. Ей всего лишь привиделось, что это был Никита. Похоже, Кларский ей только приснился, а она уже напридумывала себе всякого. Вот что делает королева-надежда – она действительно умирает последней, но, оттягивая свою смерть, отправляет на поле боя с жестокой действительностью простых своих солдат из отрядов Мечты, Предположений и Безнадежных Чаяний.

Ника хотела плакать, но вдруг засмеялась: невесело и истерично.

– Ника, что с тобой? – испугалась Даша и села рядом. – Что случилось? Ну, прости, я не подумав позвала этого парня к тебе... Правда хотела как лучше. Прости, а?

– Я... я не из-за этого, – растянула посеревшие губы в широкой неестественной улыбке Ника. Ее сейчас смешило все на свете. Даже вот, как в глупой поговорке, пальчик ей покажи, будет ржать. – Просто все так забавно выходит. Так смешно. – И она зашлась в новом приступе невеселого смеха, а на глазах ее блеснули слезы.

Даша совсем перепугалась. Она обняла подругу, понимая, что у той приключилась самая настоящая истерика.

– Тебе бы успокоительного, – проговорила она, поглаживая Нику по светлым волосам. – Ну, хватит, перестань. Что с тобой такое? Может, ты из-за свадьбы так волнуешься?

– М-может быть, – отозвалась, отстраняясь, Ника.

Она понимала, что немедленно должна прекратить все это, но никак не могла остановиться и со всего размаху ударила себя по щеке.

– Ты что?! – заорала на нее Даша. – Перестань, Карлова!

– Лучше бы сама меня ударила, – тихо и зловеще хохотнула Ника.

– Тебе садомазо теперь подавай?!

Эта фраза опять вызвала у Ники смех, который тут же перешел в слезы – наружу вырвались все потаенные мысли и чувства. Эмоции, словно перепуганные встревоженные горожане, толпились у узких ворот города, чтобы побыстрее покинуть его, потому что их родной город вскоре будут осаждатьдвигающиеся с севера монстры. Испуганные люди едва успели собрать самые необходимые вещи и, давя и напи-

рая друг на друга, проталкивались по несколько человек через ворота, которые весьма неохотно открыли власти города – разум девушки с красивым именем Ника.

– И что мне с тобой делать? – покачала головой Даша, спив поведение беспокойной подруги на алкоголь и на страх перед свадьбой.

Спустя полчаса Ника более-менее успокоилась. Она сидела на кровати, по-турецки сложив ноги, и вновь пила кофе. На удивление, после истерики она почувствовала себя куда лучше. Настырная головная боль постепенно проходила, дрожь уступила место усталости, да и тошнота исчезла.

Эмоциональная разрядка дала свое.

– Эх, Ника, Ника, – вздыхала Даша, глядя на подругу.

Почему-то ей было очень жаль Карлову, хотя повода для этого вроде не находилось. А что жалеть молодую, полную сил, симпатичную здоровую девушку, у которой скоро исполнится мечта миллионов – шикарная свадьба, а жених, почти как в сказке, красив, уверен в себе, обеспечен, к тому же любит свою будущую жену. Мало того, он лично настоял на свадьбе.

– Смотрю на тебя и думаю, почему ты выглядишь такой несчастной.

– Почему это я несчастная? – удивилась Ника.

– Это ты у себя спроси. – Думая, как бы отвлечь подругу от грустных мыслей, Даша радостно предложила: – Слушай, а покажись-ка в свадебном платье?

– Не хочу его надевать, – поморщилась Ника. – Это долго и муторно.

– Ну, пожалуйста! Я тебя пощелкаю на телефон, – загорелась Дарья. – Предсвадебный фотосет тебе устроим! Я хочу посмотреть на твое платьишко! Карлова!

– Ты издеваешься? – мрачно взглянула на нее Ника. – Я лохматая, с бодуна, ты представляешь, какие снимки получатся?

Даша так достала Нику, что та все же решила: спорить с ней себе дороже, а потому согласилась на уговоры, правда, заявив, что в таком случае Дашка будет помогать ей надевать платье. Хоть оно было и не слишком пышным, но будущая невеста умудрялась в нем путаться. Да и страшновато ей было – вроде позавчера еще ребенком была, вчера – подростком, а сегодня р-р-раз – и уже невеста!

Смотрелась Ника в белоснежном платье из дорогой тафты, элегантно задрапированном чуть ниже талии, очень нежно. Эту нежность и даже хрупкость подчеркивали тонкие кружева, которыми был отделан верхний ярус двубортной юбки, и кружевной лиф. Открытые шея и плечи, чуть тронутые загаром, придавали Нике соблазнительный шарм.

По крайней мере, так утверждала Дашка, умудрившись не только расчесать подругу как следует, но и нанести ей легкий макияж – при этом она рассказывала про своего Олега.

Ника же была о себе и своем подвенечном наряде другого мнения.

– Как на корове седло, – заявила она, глядя в большое, во весь рост, зеркало.

– Ой, не надо, – отозвалась Дашка, застыв около невесты с пудреницей в руках.

Она верно рассчитала, что таким образом заставит дурную подружку позабыть все плохие мысли. Ради Ники даже сегодняшним свиданием с Олегом пожертвовала!

– Кстати, а фата где? – полюбопытствовала Даша.

– Не будет никакой фаты, – отозвалась Ника.

Мысли и разговоры о свадьбе ее раздражали.

– Но как же без фаты... Это же символ невинности!

– А я такая прям невинная, как овечка, – усмехнулась Ника. – Мне и белоснежного платья хватит.

– А что на голове будет? Диадема? – уточнила Дарья.

– Да. Мы с Сашей решили, что у меня будет высокая прическа и диадема. Вернее, – призналась Карлова недовольно, – он решил. Купил и подарил мне.

– Покажи? – мигом заинтересовалась Даша.

Она обожала всяческие торжества и в подобных мероприятиях чувствовала себя как рыба в воде. Завтра вечером она заедет на машине за невестой и повезет ее в клуб «Атмосфера», где они с девчонками арендовали не просто столик, а VIP-кабинет, расположенный над танцполом. Там они все вместе оторвутся и заодно убедят Нику, что свадьба – это круто, и нечего ее так бояться – до истерики.

Карлова нехотя достала злосчастную диадему, и ее подру-

га сразу же поняла, что та неприлично дорогая. Изысканная, выполненная в виде веточки с цветками и украшенная переливающимися на солнце прозрачными камнями, она мигом покорила Дашу.

– Какая прелесть! – произнесла она зачарованно, проводя пальцем по камням.

Неужели стразы Сваровски, бриллианты?..

– Прелесть, – согласилась Ника, которая хотела фату. Длинную, цвета чистого альпийского снега, невесомую.

– Красота, – завздохала Даша. Замуж она тоже хотела. – А кольца покажешь?

– А кольца у Саши, – буркнула будущая невеста.

– Значит, на свадьбе посмотрим. Стой так и не шевелись, – велела ей Дашка.

Она отошла к ее туалетному столику за невидимками, чтобы собрать волосы Ники хоть в какое-то подобие высокой прически. Даша ловко сцапала заколки со столика, и при этом взгляд ее упал на приоткрытый ящик – оттуда в неугомонных лучах солнца что-то ярко блестело. Даша не смогла сдержать любопытства.

Шикарное кольцо из белого золота оказалось в ее руках и, как кошка, удобно устроилось в них. Даша взирала на поистине царское украшение с благоговением.

– Ника! Твой Сашка – просто чудо! – завопила она, думая, что это еще один подарок щедрого Дионова.

– В смысле? – не поняла невеста.

Подруга уже утомила. И платье бесило. И вообще, она не хотела свадьбу.

– И ты от меня эту красотушку скрывала? – повернулась Даша к Нике с колье в руках. – Это безумно красиво! Надевай сейчас же, иначе я сама померяю. Подруга, да Саша твой на тебя кругленькую сумму потратил.

– Что ты там...

Ника не договорила, увидела свою персональную Северную Корону в руках у восторженной подружки. И как только Дашка нашла ее? Нику кольнула ревность – за прошедшие годы только Ника брала колье в руки (Марту, сестренку, можно не считать), а теперь его держала в руках Даша. Это все равно что увидеть, как Кларского за руку держит другая девушка.

– Положи, – велела Ника не своим голосом.

Только забыла о Нике и опять по новой... Опять непрошенные мысли о нем лезут в ее голову.

– Почему? – не понимала Даша, восхищенная такой красотой.

– Положи, это...

Хозяйка квартиры не договорила – ее перебил настойчивый звонок в дверь.

– Кто-то пришел, – по-детски обрадовалась Дашка, которая полностью погрузилась в свадебную волшебную атмосферу. Куда глубже, чем сама невеста. – Пошли открывать!

– Наверное, это мама, – посмотрела на часы Ника, поза-

быв, что она в платье. — Даша, убери его, пожалуйста. А я пойду дверь открою. Ключи она, что ли, не взяла?

— Сама я открою, — велела ей Даша. — Стой в своем драгоценном платье на месте. И не двигайся.

И Дашка весело помчалась к двери, бережно положив колье на письменный стол. Для подружки это была игра. А для Ники — мучение.

За дверью оказалась вовсе не мама Ники, а довольный жизнью Александр в черном деловом костюме. Рядом с ним стояла светленькая девушка с правильными и мягкими чертами лица, чьи пышные и длинные волосы красивой волной спадали на спину. Молоденькая и довольно хорошенькая, она чем-то неуловимо напоминала Нику. Правда, держалась несколько скованно и смотрела куда угодно, но не на Сашу. Тот этого явно не замечал. Весело поздоровавшись с Дашей, он пошутил на тему того, что Ника совсем обленилась и не открывает дверь сама, и по-хозяйски направился в комнату невесты. Юная блондинка — как выяснилось, кузина Карловой — осторожной, но плавной походкой двинулась следом за ним.

Увидеть невесту в свадебном белом, как молоко, наряде стало для Саши приятным сюрпризом. Молодой человек, остановившись напротив замершей девушки, задумчиво потер подбородок, словно оценивал — как ценитель картин оценивает очередной шедевр, прежде чем купить его и поместить в свою надежную, охраняемую коллекцию.

– Ты прекрасна, – сказал он тихо.

– Спасибо, – слабо улыбнулась Ника, которая не ожидала увидеть сейчас будущего супруга. – Ой, Марта, и ты тут?

– Ага, – кивнула та, разглядывая сестру. – Бабушка попросила приехать, забрать лекарства, которые тетя Люда купила. А Саша, – никто не заметил, как дрогнул голос Марты, – увидел меня на остановке и подвез.

Ей не хотелось, чтобы Александр подвозил ее, но тот был непреклонен. Откуда Саше было знать, как больно находиться рядом с ним Марте, какие печальные мелодии играют при этом в ее душе и как один за другим в ее сознании разрываются проколотые тончайшей острейшей иглой по имени Реальность воздушные шары с надписью «Взаимная любовь».

– Я не смог удержаться, чтобы вместе с ней не зайти к тебе, – признался Дионов.

– Платье невероятное! – искренне произнесла Марта, любясь сестрой.

Саша, не сводя с Ники глаз, подошел к ней и, ни слова не говоря, осторожно, явно боясь помять красивый наряд, обнял невесту, а после поцеловал в щеку – губы ее были накрашены умелыми Дашиными руками.

– Ты очень красивая, – негромко, чуть хрипловато сказал он Нике и погладил по щеке, а после коснулся волос, на которых сиял купленный им венец.

– Спасибо, – по привычке улыбнулась ему Ника.

А он все же поцеловал ее в губы.

Дашке эти двое очень нравились, и она заулыбалась, но не увидела, как подруга слишком уж быстро отстранилась от молодого человека. И Марта этого не увидела – скрипачка смущенно отвернулась, а после вообще вышла из комнаты – пошла искать лекарства для бабушки на кухню. Никто не заметил, как Марта закусил губу. Она и не позволила бы никому увидеть свои мучения, в которых, как сама считала, виновата только она одна, когда посмела влюбиться в чужого жениха.

– Вы такие классные, – сказала радостно будущим молодоженам Даша. – Здорово смотрите. В загсе будете самой красивой парой. Ты еще такие классные украшения купил Нике – и колье, и диадему... Наверное, и кольца обалденные!

– Какое колье? – удивился Александр, отстраняясь от невесты, которая непонятно почему вздрогнула. – Ника, что за колье?

Ника, которая успела спрятать украшение от греха подальше, волком посмотрела на подружку. Ну что ей не молчится-то, а? Почему Дашка все время свою челюсть разговорами разрабатывает?

– Оно невероятное! Очень подходящее к диадеме, – тараторила брюнетка. – У тебя отличный вкус, Саш. Ника, ты куда уже колье спрятала? Оно ведь бриллиантовое, да?

– Дорогая, – ласково, но как-то настороженно обратился к молчащей Нике парень, – что за колье, ты можешь ответить?

– А разве ты ей ничего не дарил? – удивилась словоохот-

ливая Даша.

Карлова мысленно обругала ее последними словами и, понимая, что уже не отвертится, улыбнулась – вполне искренне – и произнесла:

– Я убрала его обратно в столик. Сейчас покажу. Это мое наследство от бабушки. Очень красивая вещь.

И невеста, облаченная в белоснежное платье, неспешно подошла к столику и вытащила украшение – так же неспешно, чтобы не вызвать подозрений.

– Вот оно, – опять улыбнулась она, демонстрируя украшение из белого золота, роскошное, но не вычурное, а изящное и гармоничное. Камни искрились изнутри, завораживая взгляды.

– Бриллианты, если не ошибаюсь, хотя я и не ювелир. – Саша взял украшение из рук невесты и стал рассматривать его.

– Бриллианты, – отозвалась Ника, – ты прав.

– Под стать тебе, – сказал задумчиво Саша.

Он встал за спиной у Ники и приложил колье к ее шее. Вдвоем они стояли напротив зеркала, и жених смотрел не на Нику, а на ее отражение. Колье действительно очень подходило под платье, подчеркивая изящество невесты, и отлично гармонировало с купленной им диадемой.

– Твоя бабушка не промах, – произнес Александр. – Качественная вещичка.

– Это точно, – поддакнула Дашка, тоже любуясь подругой.

Подумать только, с утра Ника была лохматой и помятой, а сейчас почти красotka! Тени под глазами – не в счет.

– Надень на свадьбу, девочка моя. – Саша провел ладонью по шее невесты. – Хорошо?

Ника опешила:

– Чего? – спросила она с недоумением.

– Надень на свадьбу. Обязательно. Обещаешь?

– Но... – растерялась Ника.

Она некстати вспомнила о том, что по легенде бог Дионис заставил Ариадну надеть на свадьбу Северную Корону, подаренную ей Тесеем. А история-то повторяется!

– Что – но?

– Я даже не знаю. Зачем это надевать на свадьбу?

– Шикарно смотрится, – серьезно сказал Саша. – Тем более если это наследство.

В комнате появилась Марта – она нашла лекарство и теперь мечтала уйти прочь из этой квартиры. Скрипачка снова увидела кольцо и улыбнулась:

– О, то украшение из Stella-Lin. Смотрится так шикарно, будто это настоящие бриллианты.

Саша усмехнулся, а Даша тут же поправила длинноволосую девушку:

– Это и так брюлики.

– Да? – неподдельно удивилась скрипачка. Она прекрасно помнила, что в тот раз, на дне рождения дяди, кузина сказала, что это всего-навсего серебро и простые камешки-бле-

стяжки. – А Ника ска... – Тут Марта замолчала, увидев краем глаза, что старшая сестра, пока Дионов и Даша не видели, что-то беззвучно шепчет ей и скрещивает указательные пальцы перед губами, будто прося Марту замолчать.

– Что там Ника ска? – переспросил ее ехидно Саша.

Все-таки подтрунивать над сестренкой ему нравилось. Всю дорогу в машине он подкалывал ее с тем типом из аэропорта. Это было странно, но Саше очень хотелось узнать, в каких они отношениях. Смог ли он затащить сестренку в постель или нет?

– Ничего, – отозвалась Марта, – просто... я перепутала это кольцо с другим. С простой бижутерией.

Ника облегченно вздохнула. Молодец, сестричка, поняла, не сдала.

– Как можно настоящие камни перепутать со стеклом? – хмыкнула Даша.

Она слышала от подруги, что Марта – душа творческая, музыкальная, погруженная в свой собственный мир, а значит, к вещам бытовым невнимательная. Перепутать прозрачные кристаллы из пластика с королями драгоценностей – бриллиантами – это надо постараться.

– Сестренка, – вновь не удержался Александр, – ну ты даешь. Думаешь, моя будущая жена будет щеголять на свадьбе дешевыми безделушками?

Ника тут же сердито одернула парня, а Марта потупилась. Ей стало невыносимо тяжело. Почему, почему она влюби-

лась в него, в этого настойчивого, уверенного в себе типа с наглыми глазами?

Однако скрипачка, собравшись с силами, ответила:

– Если бы я сыграла вам *all-o di molto* и *all-o moderato*, вы бы тоже не нашли отличий. А мне нет дела до ваших камней.

– Вот именно, – зло прошипела Ника, обнимая кузину – в отличие от Саши она не боялась помять платье. – У меня сестра – профи-музыкант, победитель конкурсов, а не ювелир какой-то. Так что держите ваши мнения при себе, господа умники.

– Да ладно тебе, – рассмеялся Саша. – Я же любя. Эй, малышка, не обижайся.

– Я не обижаюсь, – буркнула Марта.

Даша опять заметила, что Марта не смотрит на Сашу, и удивилась: будущие родственники, может, слегка друг друга недолюбливают?

– Чтобы ты не обижалась, куплю тебе торт, – сказал Александр Марте. – Окей? Не дуйся, тебе не идет. Скажи лучше, твоя сестра ведь красотка?

– Красотка, – искренне согласилась Марта. – Только туфель не хватает для полного комплекта.

– Они вон в той коробке, – равнодушно, на автомате ответила Ника, кивая в сторону.

Александр сам себе улыбнулся уголками губ и решительно направился к коробке. Открыл ее и встал перед озадаченной невестой на одно колено, намереваясь одеть на ее

ножки обуви – белоснежные, в тон платью, туфли на высоком тоненьком каблуке. Ника не стала сопротивляться. Дашка опять восхитилась женихом, а у Марты комок к горлу подкатил, и руки безвольно опустились. Ну как, как смотреть, когда твой любимый человек – и неизвестно почему любимый! – словно Золушке, одевает свадебные туфли своей невесте и твоей сестре заодно?!

– Нравятся? – встал с колена Александр, довольный работой. Ника стала выше сантиметров на десять. – Тебе вообще в них удобно? Или, может, другие купить, пока не поздно?

– Мы уже купили еще одни туфли – для ресторана, – напомнила ему Ника.

Как же она устала от всего этого. И от туфель, и от платья, и от Саши, который еще не успел стать ее законным супругом.

– Ника, – обратилась к ней смущенная Марта, внутри которой все пылало и переворачивалось. – Я бабушке повезла лекарства, так что пока. Она меня ждет.

– Пока, сестренка. Встретимся на девичнике! – напомнила ей Ника, опять обняла – якобы на прощание – и шепнула:

– Спасибо. Я все потом объясню.

Сестра ничего не ответила, но незаметно кивнула и сжала ладонь Ники, как будто говоря: «Понимаю».

Марта ушла, Дашка тоже поспешила уйти, обещав заехать за Никой вечером, а Саша вновь обнял невесту – захотел побыть рядом с будущей женой и, честно говоря, простые объ-

ятия и поцелуи его не прельщали. Однако ничего большего позволить он себе не мог – сначала из-за присутствия в доме Никиной подружки и ее сестренки, а теперь – из-за странного поведения невесты. Она мягко намекнула ему, что сейчас – не лучшее время. Последние несколько месяцев она часто отталкивала его, мол, ей нездоровится. Саша бесился, но молчал.

– Обязательно надень это кольцо на свадьбу, – напомнил он Нике.

Она безумно хотела стащить с себя свадебное платье.

Впрочем, Дионов этого тоже хотел.

«Нет, он издевается! Это не бабушкино наследство! Это привет из прошлого!» – с тоской подумала Ника и поняла, что ей неприятно, когда Александр ее целует или просто касается. Она тут же с ужасом осознала – и осознала невероятно ясно: с ним ей придется прожить всю жизнь! С человеком, которого она может считать своим другом и даже братом, но никак не любимым мужчиной. Ведь, по сути, Саша был своеобразным заместителем Никиты. Но правда в том, что Саша так и остался в прошлом, которое больше ничего для нее уже не значило, она лишь безуспешно его реанимировала.

На душе Ники стало погано. Колье невыносимо жгло кожу на шее, и Карлова быстрыми, нервными движениями бросилась расстегивать его, но ничего не получалось, и освободиться от него ей помог Саша:

– Осторожнее, это же не игрушка.

Он опять попытался поцеловать невесту, но та вывернулась из его объятий и, не заботясь о платье, выбежала в зал, а после – на балкон.

– Ты куда? – недоуменно пошел за ней Дионов.

– Мне надо подышать свежим воздухом, – крикнула ему Ника. – Меня немного тошнит!

Саша пожал плечами, но невесту отпустил.

Тот, кто сейчас находился на улице и смотрел вверх, мог наблюдать интересную картину – на балконе длинного блочного многоэтажного дома появилась девушка в свадебном платье.

– Ух ты, смотри-ка, невеста, – беззастенчиво ткнула на нее пальцем молодая мамочка, гуляя во дворе со своим чадом.

– Точно, – изумилась ее приятельница. – Но сегодня же день не свадебный.

– Кто ее знает, – пожала плечами молодая мамочка. – Может, померить решила, а может, выпила лишнего?

«Если она опять выпила, боюсь, ее можно будет признать начинающей алкоголичкой», – мысленно ответил ей с соседней скамейки светловолосый молодой человек, который глядел на солнечный июньский мир сквозь линзы солнцезащитных очков. Он уставился на невесту, чуть склонив голову набок. Лицо его оставалось спокойным, даже безмятежным, а вот в душе бушевало море эмоций. И пусть многим это море казалось Саргассовым – таким же неподвижным и спо-

койным – самым спокойным в мире, находящимся в объятиях вечного штиля, а также прячущим в своих водах тайну Бермудского треугольника, однако это была лишь искусная иллюзия. Настоящее море этого человека по полному праву можно было назвать Беринговым с его зимними штормами на беспокойном юге, поднимающими десятиметровые волны во время алеутской депрессии.

Никита все-таки был ревнивым типом и собственником. Вот только девочка с малиновыми губами и пакостным характером ему не принадлежала – ни тогда, ни сейчас, а он все равно злился.

Кларский не отрывал жадного взгляда от Ники. Зачем он вновь решил вернуться сюда, к дому стервочки с малиновыми губами, он и сам не знал. Наверное, пришел проститься с ней, увидеть издалека еще раз. Он никогда и не думал, что увидит эту девчонку в белом красивом платье – символ того, что вскоре та официально станет женщиной другого человека.

И он, как и она, тоже частично в белом – на нем белая рубашка, чистая, идеально выглаженная, модная и дорогая. Только вот джинсы черные. Его тело будто поделено пополам: до пояса он в белом, а ниже – в черном. На ярком солнце черные джинсы нагрелись, и молодой человек чувствовал себя несколько некомфортно.

«Ну и почему ты не дождалась?» – с ненавистью непонятно к чему или к кому подумал вдруг Никита и даже позави-

довал старшему брату – его рыжая Настя, мама Полины, кажется, до сих пор ему верна.

Сегодня утром он так же издали наблюдал за ней и Полиной. Даже стал свидетелем забавной сценки. Во дворе дети, с которыми играла его племянница – черт, он никогда и не думал, что увидит своими глазами племянницу! – подобрала где-то крохотную писклявую собачонку, с которой носились до тех пор, пока ее не заметила Настя. Видимо, пожалев щенка, она взяла его на руки, к восторгу дочери, и отнесла домой. Никита тогда подумал, что незачем таскать бездомных собак домой, где живут маленькие дети. Однако вслух предъявить претензии бестолковой матери Полины он не мог. Все, что он мог сделать для них, – это перевести на недавно открытый счет приличную сумму денег. По почте Настя вскоре получит номер этого счета, карту и необходимые пароли – все оформлено на подставные имена, поэтому никто не отследит получение денег. Да и сам Никита при этом не засветится – в этом ему поможет проверенный человек из города, где он жил в последнее время. Тот уже получил сегодня ранним утром все необходимые указания.

И Ника тоже получит свой – тут Кларский стиснул кулак – свадебный подарок. Свой самый шикарный подарок в жизни. Нет, себе он деньги тоже оставит. У него их – стараниями Марта, да и его стараниями тоже – много, очень много. Но, вполне возможно, ему, Никите, бабло больше и не понадобится.

В душе этого парня со всеми удобствами расположилась месть, которая бокал за бокалом пила выдержанное вино из погреба его жизненных сил, и Никита знал, что мертвым деньги ни к чему – только если сделать саван из купюр и обить ими гроб, хотя Никита не хотел, чтобы его похоронили в гробу. Парень считал, что лучше будет, если его сожгут, а прах – о да, как патетично – развеют где-нибудь над спокойной гладью воды. Если будет кому это делать.

Ника все не уходила, а смотрела на небо, туда, где плясало летнее солнце, которое Кларский не очень-то и жаловал всю свою жизнь. А сам Никита смотрел на нее, не в силах отвести взгляд.

Ему казалось, что солнце очень походит на Нику. Или Ника на солнце.

И солнце, и Ника умеют мешать с одинаковой силой, но как же они все-таки нужны.

Часть вторая

Risoluta un poco stretto ⁵

Глава 1

В далеком подростковом возрасте, когда Никита сидел после драки с одноклассниками на крыше ярко-красного, как пятно свежей крови, гаража, солнце впервые ему показалось мерзким.

Может, потому что именно тогда он начал осознавать,

⁵ Решительно, чуть-чуть ускоряя.

что его семья... несколько отличается от других, обычных и счастливых. Ребенка из обычной семьи не тыкают носом в то, что матери у него нет, отец и брат – преступники, а старенькие, порядком измученные бабушка с дедушкой не смогли воспитать из него человека. По крайней мере, так говорили Никите учителя после очередных драк с одноклассниками-уродами. Почему-то виноватым всегда был именно он. Все ведь логично: его отец – бандит, который мотает срок, брат тоже сидит, значит, и он такой же, как они.

Воспитание идет из семьи – это непреложная истина. Учителя верили непреложным истинам. А Никите не верил никто.

В тот день, когда после очередной драки, которая закончилась его безоговорочной победой – нокаутом одного соперника и разбитым носом второго, – Ник в полной мере осознал свою непохожесть на нормальных детей.

Мать пострадавшего парнишки, решившего нарваться на Кларского, женщина довольно обеспеченная и работающая в городском управлении образования, долго квохтала над сыночком, а после, уже в кабинете директора, разразилась громовыми воплями по поводу того, что обидчика и драчуна нужно наказать. Она ведь не знала, что зачинщиком был ее сын, мальчик не только избалованный, но и сильный и жесткий. Парнишка занимался в секции бокса, а одноклассник Никита Кларский, у которого и так была плохая репутация, нехило его раздражал.

Мама третьего участника драки, которого Никита после ловкого удара под дых отправил корчиться на пол, тоже этого не знала, правда, и не кричала, а тихонько выговаривала сыну за то, что тот встрял в драку.

– И что вы теперь будете делать? Да в вашей школе произвол! Настоящий про-из-вол! – кричала первая женщина.

Завуч и классный руководитель стояли рядышком, пытаюсь сгладить ситуацию. Инспектор по делам несовершеннолетних сидела и стучала пальцами по столу. Немногословный мальчишка Кларский, если честно, ее уже порядком достал. Он уже находился на учете в детской комнате милиции – драк с его участием хватало.

– Детей избивают посредине дня, а вы и в ус не дуετε! Моего ребенка избили! Второму мальчику тоже досталось. – Женщина кивнула на мать второго пострадавшего.

Сам Кларский, в отличие от одноклассников, один из которых поехал в травмпункт, а второй ушел обратно в класс, стоял в кабинете, за спинами завуча и классной, в тени, и хмуро пялился в окно. За ним светило майское солнышко и кричало о том, что всего через недельку начнутся долгожданные летние каникулы. Никите в драке тоже досталось, но никто, кажется, этого не замечал.

– Куда вы смотрите, когда у вас такое происходит?! Я спрашиваю куда? – рывкнула женщина в лицо директору. – Я этого просто так не оставлю! Вы знаете, где я работаю!

– Давайте успокоимся и все обсудим, – торопливо загово-

рил тот. – Вы ведь понимаете – это мальчишки, в таком возрасте драки – дело обычное...

– Ах, обычное? – взбеленилась женщина. – Мой сын в травмпункте... это, по-вашему, дело обычное?! Куда учителя смотрели, пока моего сына избивал этот мерзавец? – И она ткнула пальцем с длинным красным ногтем в сторону Никиты.

Тот поднял на нее глаза, не по-детски серьезные, но ничего не сказал.

– Что, молчишь, стыдно стало? Или просто боишься? – спросила его женщина, уперев руки в бока. – Других бить не боишься, кто слабее, а как ответ держать, то и сказать нечего?

Кларский продолжал молчать.

– Трус ты, – вынесла ему вердикт мать одноклассника.

Никита одарил ее мрачным взглядом.

– Вы посмотрите, как он на меня смотрит! Звереныш! Трусливый звереныш!

– Не надо так говорить, – остановила ее классная руководительница – молодая учительница, недавно закончившая педагогический институт.

Мама второго паренька, женщина, видимо, неконфликтная и добродушная, тоже поддержала ее, но ее никто не услышал.

– А я с ним сюсюкаться не собираюсь. С трусом.

– Я не трус, – сами собой открылись губы Никиты и вы-

дали эту фразу. Выдали довольно-таки дерзким тоном уличного хулигана. Он даже не ожидал.

Женщину это невероятно разозлило.

– Кларский! – нахмурилась завуч. – Рот на замке поддержи.

– Так, все, сейчас мы на него заявление напишем. Мой сын сейчас как раз в травмпункте со старшим братом, там все побои засвидетельствуют!

Ник закатил глаза к потолку, вдруг представив, как он с Андреем тащится в травмпункт, и ему стало смешно. Это разозлило маму его одноклассника еще пуще. Классная вновь попыталась уговорить мать своего пострадавшего ученика. Она-то подозревала, что Кларского, мальчика неразговорчивого и, в общем-то, спокойного, явно спровоцировали – такое уже не раз бывало. Однако у классной руководительницы ничего не вышло, как и у директора с завучем и инспектором, которым все-таки хотелось решить дело полюбовно, без заявления в милицию.

– Как вы детей воспитываете? Почему такие выродки вырастают?

– Мы – учим, воспитывать в семье должны, – напомнил директор.

– Ах, в семье?! Все правильно, нынче школы не способны воспитывать! Да и учат из рук вон плохо! Ну, и где тогда его мать? – рявкнула женщина. – Хочу в глаза посмотреть! Вырастила такого сыночка!

У Никиты от злости сузились глаза.

– У Кларского нет матери, – встряла инспектор по делам несовершеннолетних.

Женщина капельку растерялась. Мама второго мальчика жалостливо глянула на Никиту.

– Отец тогда где?

– Сидит, – негромко проинформировал ее директор.

– Кларский – подросток из неблагополучной семьи, – добавила со вздохом инспектор. – Отец сидит, старший брат тоже сидит. Его дедушка с бабушкой воспитывают.

– Они уже совсем старенькие, – ловко вклинилась в разговор классная руководительница, желая хоть как-то защитить ученика. – Больные, их тревожить не надо. Давайте уж так с Никитой разберемся. И без заявления.

Пыл воинственно настроенный матери подостыл. Мать второго участника драки еще жалостливее посмотрела на Никиту и даже руки к груди прижала. Жалостью было пропитано ее румяное круглое добродушное лицо, как ромовая баба – ромом.

– Им живется не слишком хорошо, – продолжала классная. – Давайте войдем в положение мальчика. Конечно, его поступок – отвратителен, но все же примем во внимание тот факт, из какой он семьи.

Никита словно окаменел. Тогда, наверное, и произошло полное его осознание себя и своей семьи как неблагополучной. Он возненавидел это слово. Так же сильно, как и жалость. Кларский с ненавистью смотрел на тех, кто посмел его

жалеть, а в его юной душе клокотала злоба. Жалеют ущербных. А он – нормальный! Такой же, как все!

Они все стояли на солнце, а он – в тени.

Они все были белыми, а он – черным.

– Да, давайте, – одобрила вторая родительница. – Мальчику и так тяжело, давайте без заявления. К тому же все трое виноваты, раз кулаками махать стали. Я своего Ваньку знаю – он у меня в драки не прочь влезть.

Дело кончилось тем, что в душном, опаленном солнцем кабинете директора Никиту сначала долго по очереди ругали, а после так же долго и нудно наставляли на путь истинный. Потом уставший от всего этого балагана директор пригрозил Кларскому вылетом из школы и отпустил восвояси.

Тем майским солнечным днем Никита понял, что он далеко не такой, как все. Он долго сидел на крыше ярко-красного гаража, изредка прикрывая глаза от лучей ладонями с разбитыми после драки костяшками, и сам себе твердил, что слезятся глаза именно из-за солнца.

Он всем сердцем не желал быть неблагополучным.

Никита сделал все что мог, чтобы не казаться таким в университете. И да, пусть это была ложь – в первую очередь самому себе, – но он был счастлив. Только по-прежнему недолюбливал солнце. Возможно, оно ассоциировалось у него с жалостью?

Никита смотрел на Нику и вспомнил, как давным-давно

целовал ее, и у него в груди что-то болезненно сжалось.

«Прощай, глупая. А знаешь, ты мне нравилась», – мысленно сказал он, бросив последний взгляд на невесту – не его, а какого-то гипотетического недоумка. Поднялся с лавочки под заинтересованными взглядами молодых мамочек и неспешным прогулочным шагом пошел прочь со двора, повернувшись к окнам Ники Карловой спиной. В лицо ему дул ругающийся ветер.

А Ника, притворяясь, что усиленно дышит воздухом, просто смотрела в небо, и ее взор опустился на грешную землю только тогда, когда Никита покидал двор. Ника лениво скользнула по нему взглядом и наконец решила вернуться в зал, где Саша с кем-то отрывисто говорил по мобильнику.

«Может, это Никита?» – робко предположил внутренний голос Карловой. Но она себя обругала. Нет, естественно, это не он. Ее расшалившаяся фантазия делает подставу за подставой. То ей чудится, что Никита приходит к ней ночью, то мерещится, будто он стоит в ее дворе. Пустые иллюзии!

Ника хотела пойти в свою комнату, чтобы переодеться, однако, вопреки здравому смыслу, вдруг развернулась и вновь оказалась на балконе, где принялась отчаянно искать глазами светловолосого парня в белой рубашке и в темных джинсах. А, вот он! Стоит под деревом!

Ника перегнулась через перила, стремясь получше разглядеть молодого человека. словно почувствовав взгляд невесты, тот, кто подпирал плечами толстый ствол тополя,

отлип от него, шагнул по направлению к центру двора и поднял голову. Карлова вздохнула. Нет, это был не Ник, совсем не Ник. Какой же это Ник? И как она только приняла этого незнакомца с печальным худым скуластым лицом, черты которого словно были вырезаны из светлого камня, за господина Укропа?! Совсем ведь не похожи! Идиотское воображение!

«Хватит цепляться за прошлое, дура», – сама себе сказала обессиленная Ника и вернулась в зал.

Ника не поняла, что просто-напросто перепутала Никиту с другим парнем в белой рубашке. Этот человек усмехнулся, когда на балконе во второй раз появилась будущая жена того, кого он ненавидел. Его светлые глаза с сумасшедшей злой поволокой, которую так легко было спутать с артистичностью оригинального человека, на мгновение закрылись, и человек представил вкус блюда под названием «Месть за содеянное». Такое же, как бифштекс с кровью. А кровь на белом платье будет выглядеть весьма и весьма своеобразно. Красное и белое смотрятся красиво и по отдельности, а уж когда они вместе...

В его кармане запиликал мобильник, оповещая о том, что пришло текстовое сообщение, и обладатель этих злых мыслей медленно достал из кармана телефон.

«Зайка, ты не обидишься, что у нас сегодня не получится встретиться?» – спрашивала та, которая считала его своим парнем.

Милая девочка, глупая и такая влюбленная.

– Не обижусь, – тихо произнес молодой мужчина.

Он и правда не обидится.

Ему все равно.

А Никита уже ехал на неприметном арендованном «Форде» по своим делам. Блюдо «Месть за содеянное» ждало и его, хотя, наверное, было не таким острым, как у того, кто прятался под старым тополем.

Благодаря странным стечениям обстоятельств, во дворе дома, где жила Ника Карлова, пересеклись две параллельные прямые – два человека, одержимые желанием отомстить.

Глава 2

До того момента, как Ник обязался передать архив с компроматом, оставалось еще порядка восьми часов. С сотрудником органов правопорядка, с которым его свел Виталий Сергеевич, Кларский должен был встретиться на очередной законспирированной квартире и передать ему ключ от банковской ячейки, а также сообщить нужный пароль.

Фамилия, имя и отчество Ника, а также прочая информация о нем не зря пропали из списка потенциальных преступников. В обмен на архив через посредничество все того же Виталия оперативники согласились «убрать» Ника из уголовного розыска. Для них это было малой ценой. По сравнению с теми, на кого имелись компроматы, младший брат покойного Андрея Марта был мелкой сошкой.

После передачи компромата Никита планировал в скоростном режиме покинуть город и уже издалека наблюдать за тем, как Даниила Юрьевича Смерчинского и Макса настигнет заслуженная кара в лице правоохранительных органов. После этого путь в родной город ему будет заказан, потому как оба врага поймут, откуда у ментов появился тот самый легендарный архив. Это же поймут и остальные, кто попадет под гребенку арестов и задержаний – компромата у Андрея было собрано достаточно и на энное количество людей, занимающих нехилые должности в государственном аппарате или являющихся шишками в преступном мире. Они, скорее всего, очень захотят встретиться с тем, кто им так знатно подгадил.

Короче говоря, Кларского захотят убрать уже не только Смерчинский и Макс, а множество других влиятельных людей. Конечно, лучше бы отдать оперативникам ту часть архива, где содержалась информация о Смерчинском и бывшей левой руке Марта, но это было невозможно технически. Например, на видео и фото, где Макс участвовал в сделке с наркоторговцами, был запечатлен не только он, но и те, с кем сделка, собственно, и заключалась.

После того как Кларский вновь побывал во дворе Ники и беззвучно с ней попрощался, он направился в свою квартиру, чтобы переждать медленно тянущееся до встречи с оперативником время, однако на полпути передумал. Ник вдруг захотел поездить по городу и посетить знакомые места. На-

пример, проехать мимо университета, где он когда-то учился.

Это было иррациональное желание, но подделать с собой Кларский ничего не мог – «Форд» направился к месту получения его высшего образования.

Главный корпус оставался прежним, словно и не прошло трех лет. И все те же студенты сидели на лавочках перед зданием, читали учебники, курили украдкой, смеялись.

Одна из девушек, светловолосая и шумная, отчего-то напомнила ему ту смешную, порой раздражавшую его девчонку по имени Маша, подружку клоуна Смерчинского, которую он должен был забрать для Марта.

К девушке, которая что-то радостно кричала друзьям, подошел темноволосый смазливый тип и обнял за плечи.

Ника посетило легкое дежавю. История повторяется?

Наверняка. Очередная девочка найдет своего идеального мальчика. Очередной мальчик полюбит свою неповторимую девочку.

Такие дети.

И он поехал дальше.

Никита не испытывал ностальгии или острой тоски по прошлому, он просто с интересом рассматривал знакомые места, подмечая все изменения, словно и не отсутствовал в родном городе целых три года. Единственное, что заставило его проявить эмоции – усмехнуться, – так это тотальное отсутствие пробок в городе, которое давало ему перемещаться

очень быстро, испытывая от вождения удовольствие.

Ник будто катался по своему прошлому, почти забыв о настоящем и точно не думая о будущем. Он просто ездил, ездил, ездил.

А где-то часа через два Кларский не без изумления обнаружил, что находится неподалеку от дома Насти и Полины, хотя совершенно не планировал подъезжать к нему вновь. Более того, он увидел свою несостоявшуюся невестку. С полным пакетом в руках она шла из местного супермаркета в сторону подъезда – крайнего в огромном десятиэтажном доме, расположенном буквой «Г».

Никита медленно проехал и остановился поблизости от подъезда, задумчиво глядя на Настю. Наверняка сейчас, придя домой, она приготовит вкусный обед себе и дочери, обязательно испечет что-нибудь сладкое – такое, что мягкий аромат ее десерта будет витать по всей квартире. А после Настя устроится около окна, занавешенного легкими занавесками, в удобном кресле, с Полиной на коленях, откроет большую яркую книгу и начнет читать ей детскую сказку. А мелкий щенок, которого Настя подобрала на улице, уже совершенно чистый и сытый, уляжется у нее в ногах и будет мирно сопеть, слушая тихий голос своей хозяйки и изредка подергивая ушами во сне.

Нику показалось, что семья, состоящая из матери, дочери и их пса – хороший вариант, почти счастливый. С Мартом они бы не были так счастливы. И с ним, Ником, – тоже.

Настя, чьи огненно-рыжие волосы развевались на ветру, как кровавый флаг, не замечала Ника и шагала вперед, цокая тоненькими каблучками кремовых босоножек. Она не замечала и другой машины, припаркованной напротив ее подъезда, в которой находились двое мрачных молодых людей весьма крепкого телосложения. Те не спускали с нее внимательных, цепких, как у гончих псов, глаз. Они походили друг на друга, как братья – одинаковые, близко посаженные карие глаза, тяжелые челюсти и волевые подбородки, носы с горбинками, какие бывают у борцов или боксеров, коротко стриженные темные волосы. Впрочем, они и были братьями – братьями Баталовыми. Среди криминального мира города их знали как приближенных Макса. Когда-то, когда у руля был Март, они тоже состояли в банде «пристанских», потом попали в места не столь отдаленные, а год назад вышли, чтобы вернуться под крыло Максима.

– Она? – сверился с фотографией один из братьев.

– Она, – отозвался уверенно второй. – Зайдет в подъезд, и мы с ней. Макс сказал доставить ее тихо, без шума.

– Лады, – коротко кивнул первый. – А если этот мудака. – Он имел в виду Никиту. – У нее на хате тусуется?

– Зайдем с ней в хату, проверим.

Второй Баталов коснулся наплечной кобуры, спрятанной под пиджаком. Его брат согласно кивнул.

Буквально полчаса назад эти двое получили важное задание от Макса: найти по указанному адресу изображенную на

фото девушку и срочно доставить ее к боссу. Слишком сильно тот хотел с ней потолковать.

Результаты акции «Поймай Никки – получи приз» были хорошими. Макс, которого очень нервировало присутствие Ника в городе, стал обладателем важной информации. Кто-то из его людей вспомнил, что на выезде с кладбища вроде как была дорожная камера. Макс самолично просматривал запись. Кларского, естественно, он не увидел, зато заинтересовался выезжающими из кладбища машинами. Особенно его заинтересовала ярко-красная типичная женская тачка, которая едва не столкнулась с тачкой его ребят. Пассажиры, к сожалению, не увидели, но вот номер разглядели. После того как номер машинки пробили, Макс даже выругался: она принадлежала хорошо знакомой ему девушке – бывшей подруге Марта.

Появление этой рыжей девки показалось Максу крайне подозрительным, а потому он отправил своих людей к ней. Возможно, она знает, где находится Никки – не зря же засветилась ее тачка на камере.

Кольцо вокруг Кларского сужалось.

Одновременно с этой информацией Макс узнал еще кое-что важное. Один из барыг, занимавшийся оружием, донес, что его посетил тип, похожий на того, кого ищут «пристанские», и купил ствол. По фото он признал Никиту и добавил, кто именно направил к нему этого мальчика. Таким образом, Макс через пару часов вышел и на Виталия Сергеевича – он

лично поехал к нему пообщаться. Ему не к спеху было портировать с ним отношения, но собственная безопасность стояла у Макса на первом, приоритетном, месте.

Настя подошла к подъезду и стала искать в сумочке ключи – из-за увесистого пакета поиски затянулись. В это время братья Баталовы покинули свою машину и встали у нее за спиной – со стороны они походили на желающих попасть в подъезд, а не на тех, кто замыслил похищение человека. Один из мужчин даже помог ничего не подозревающей рыжеволосой девушке подержать пакет, а после пропустил поблагодарившую его Настю вперед, вежливо придерживав дверь и благосклонно кивнув на ее слова.

Никита, наблюдая за девушкой брата, слишком поздно вспомнил этих двоих мужчин – он выскочил из машины тогда, когда подъездная дверь захлопнулась.

Кларский не ожидал, что люди Макса выйдут на Настю, которую он так неудачно встретил на кладбище. Если они нашли ее – дела плохи. Этих парней Макс не послал бы на самое простое задание – для этого были «шестерки». Баталовы занимались обычно серьезными, вернее, грязными делами. Например, избавлялись от ненужных людей. Под личиной легального бизнесмена жил все тот же моральный урод, который не остановится ни перед чем на пути к власти и деньгам.

А сейчас они шли за Настей.

И это не было случайностью.

На Никиту волнами накатывали холодный гнев и неосознанный страх за Настю и ее ребенка. Он знал, что сейчас только от него зависит их судьба. Иначе они отправятся к Марту – если не сейчас, то пару дней спустя – точно.

Эта мысль ледяной стрелой пронзила его затылок.

Конечно, правильнее было бы смыться, спасая свою шкуру, но Никита отчетливо понимал: он этого не сделает. Не сможет. И холодный трезвый ум, отдающий приказ отступить, оказался слабее голоса сердца.

Кларский методично принялся звонить в квартиры по домофону, представляясь участковым. Дверь ему в результате открыли, но он потерял две минуты драгоценного времени.

Никита зашел в подъезд, аккуратно прикрыв дверь.

Где-то наверху, через несколько лестничных пролетов, он слышал неясные мужские голоса. На ходу достав пистолет, с которым не расставался, он побежал вверх по лестничным пролетам, игнорируя лифт. Настя жила на третьем этаже, и до него оставалось совсем немного.

Настя ничего не заподозрила, когда следом за ней в подъезд вошли двое крепких молодых людей в темных костюмах. Четыре пролета они молча следовали за Настей, и лишь когда оказались на площадке между вторым и третьим этажами, вдруг резко затормозили ее. Один из парней встал впереди рыжеволосой, второй – позади, перекрывая все пути к бегству.

– Вы чего? – удивленно спросила Настя, крепче вцепляясь

в пакет, и повернулась лицом к тому, кто стоял сзади.

– Поедешь с нами, – ответил один из мужчин.

– В смысле? – не поняла она. – Что вы хотите?

– Пойдем с нами, – повторили ей.

– Кто... кто вы такие? – сглотнула рыжая.

Она мгновенно поняла, что эти люди связаны с Андреем и миром, в котором он жил. Где-то в глубине души она знала, что однажды за ней придут. Только верить в это не хотела.

– Спускайся вниз, – велели ей.

Сильные руки толкнули Настю в спину, и от неожиданности она выронила пакет с продуктами. Тот порвался. Детские печенья в форме грибочков, которые так любила Полинка, упали к мусоропроводу. Туда же покатались и зеленые большие яблоки.

– Давай-давай, шевели ножками, девочка.

– Что вы хотите? – испуганно спросила Настя. – Кто вы такие?

– Заткнись, – поморщился один из них. – Делай что говорят.

– Помогите! – закричала было Настя, но ей грубо закрыли рот ладонью, больно сдавив губы.

– Тварь, не ори, – равнодушно сказали ей на ухо, и шепот огнем обжег бледную кожу.

К боку испуганной Насти приставили самый что ни на есть настоящий пистолет.

– Или застрелю, – спокойно продолжал мужчина. – Ствол

с глушителем. Никто не услышит.

От ужаса Настя едва не упала на холодный пол вслед за пакетом. Дыхание ее моментально сбилось, руки задрожали, ноги подкосились.

– Не шуми и делай что говорят, – прошипели ей на ухо вновь.

Настя покорно кивнула. Лучше просто уйти, увести их от квартиры с Полиной и старшей сестрой.

– Брат, квартиру-то проверим?

– Проверим, – согласился мужчина, убирая ладонь со рта рыжеволосой девушки. – Эй, стерва, он там?

– Кто? – с трудом выдавила Настя.

Она подумала почему-то об Андрее. От пульсирующего в висках страха кровь в ее жилах сворачивалась. Настя даже представить не могла, что те ищут Никиту.

– Сама знаешь кто, – нехорошо улыбнулся ей один из Баталовых. – Дурочку включила? Еще раз: он там? Этот сосунок в твоей хате?

– Т-там н-нет ник-кого... – запинаясь, прошептала Настя и получила по лицу.

На белоснежной коже, еще не тронутой загаром, остался красный отпечаток от широкой мужской ладони.

– Сама знаешь. Дуру из себя не строй.

– Я правда... правда н-не знаю...

Она получила еще один удар.

– Заткнись, – велели ей. – Идем проверим. А ты, стерва,

откроешь нам хату. Сделаешь это тихо. Иначе пристрелю.

Тот, кто держал пистолет, посильнее вдавил его в бок Насте, второй рукой опять закрыл ей рот и потащил наверх, к ее квартире, где находились дочь и старшая сестра. Те знать не знали, что сейчас к ним в квартиру ворвутся эти ужасные люди. Настя еще больше похолодела от этой мысли.

Ее фактически тащили к квартире. В этот момент Настя поняла, что пойдет на все, лишь бы эти ужасные люди не вошли в ее дом. Кто знает, что они могут сделать с ее дочерью? Полина – это все, что у нее есть. И она будет защищать ее до последней капли крови.

Она решилась. Да и времени долго думать у нее не было. До площадки третьего этажа оставалась половина лестничного пролета. Настя, сжимая ключи, приказала себе собраться, напрягла ватные мышцы и замахнулась, поцарапав ключами щеку того, кто держал пистолет. От неожиданности бандит, выругавшись, с силой ударил по лицу рыжеволосую девушку, и та, не удержавшись на ногах, покатилась по ступеням вниз, разбив голову в кровь о батарею.

Почти сразу она потеряла сознание.

– *Запрещено цензурой*! – прохрипел мужчина. – Тварь! Настя уже не слышала его слов.

Оба брата моментально очутились около неподвижной Насти. Вокруг ее головы расплывалась кровавая лужица. В ней тут же заиграли солнечные блики, попадавшие на лестничную клетку из небольшого прямоугольного окна под са-

мым потолком. На лице девушки тоже была кровь – резкий удар рассек ей губу. Ее глаза были закрыты, а правая рука изогнулась под пугающим неестественным углом. Впрочем, братья Баталовы не обратили на это никакого внимания. Их заботило другое.

Второй молодой мужчина тоже произнес крепкое бранное слово, глядя на глупую девицу. Макс велел привести ее живой.

– Дышит, – склонился он над Настей.

Его брат утер с щеки кровь. Он не ожидал, что девчонка чиркнет его ключами по лицу. Если придет в себя – пожалует, что сделала это.

– Че, потащим ее с собой или на хату заглянем? – мрачно спросил он, растирая свою кровь между пальцами.

Ответить Баталов не успел. Он поднял указательный палец свободной руки, словно прося тишины, и кивнул вниз. Мужчина не слышал шагов – интуиция заставила его оглянуться.

В это время снизу появился Никита с пистолетом в руке. Он, можно сказать, произвел фурор, как звезда Голливуда, появившись в заштатном маленьком фан-клубе имени себя. На самом деле Ник хотел неслышно подойти сзади, но, к сожалению, братья Баталовы бывалые ребята – сделать этого не получилось. Наверное, если бы не экстренная ситуация, он придумал бы что-нибудь куда более действенное, но в эти минуты это было лучшее, что пришло Кларскому в голову.

– Опа, ты ли это, малыш? – радостно поприветствовал парня первый Баталов, аккуратно, почти с любовью беря Ника на прицел.

Второй бандит, мигом сориентировавшись, направил огнестрельное оружие на Настю. Кровь вокруг ее головы красиво оттеняла рыжие спутавшиеся волосы.

– Сам нас нашел. Ай да молодца, ай да сукин ты сын, – оскалился второй Баталов.

Братья глядели на Ника восторженно, словно на Санту, который притащил им подарки. На их широких лицах расплылись одинаковые улыбки жестоких детей. Лицо же Кларского нельзя было назвать добродушным, оно исказилось от ярости, когда Ник увидел лежащую на боку в луже крови Настю со следами ударов на лице и сломанной рукой. Кларский стиснул челюсти. На скулах заходили желваки. Мышцы во всем теле напряглись так, будто Кларский находился в тренажерном зале.

Он никогда не бил женщин.

Ник крепче сжал свой «Макар». Из его горла словно рывком выдрали ледяную стрелу. Он не мог оторвать глаз от обездвиженной Насти.

– Жива еще, – проследил за его взглядом Баталов, направив оружие на Настю, и радостно ухмыльнулся: – Никки, братан, а мы тебя все ищем.

– Ты стал большим мальчиком, – усмехнулся тот, кто держал Кларского на мушке. Против Никки он ничего не имел.

Но приказ есть приказ.

– Похож на Марта, да?

– Заткнитесь, – велел им Никита, напряженно глядя теперь то на одного, то на другого.

Эмоции давно так не захлестывали его. Этих двух уро-
дов, сделавших с беззащитной девушкой такое, ему хотелось
убить. Прямо сейчас и прямо здесь. В нем просыпалось что-
то звериное, злое, необузданное и совершенно дикое. Дово-
ды разума тихо отползали назад, зная, что будут погребены
под снежной лавиной эмоций Ника.

– А вежливый – прямо как Март, – хохотнул тот.

Ему и его родственнику было весело. Оба чувствовали,
что преимущество на их стороне. К тому же им сильно под-
фартило: шли за девкой – нашли Никки. Макс будет дово-
лен. Довольный Макс – щедрый Макс.

– Скоро будет такой же мертвый, – прищурился второй. –
Если не положит пушку на пол.

Никита не двигался, продолжая сжимать пистолет, на-
правленный на того, кто держал его на мушке. На лбу Клар-
ского пульсировала вена. Ник понимал, что сглупил, бро-
сившись вот так на помощь Насте, но по-другому поступить
просто не мог. Теперь либо они его, либо он их. А на ко-
ну стоит не только месть за Марта и его, Ника, судьбу, но и
жизнь Насти и маленькой Полины.

– Давай бросай пушку. Иначе застрелю девку, – предупре-
дил Кларского тот, кого поцарапала Настя ключами.

Кларский знал, что тот не шутит.

– Тронешь ее – сдохнет один из вас, – приглушенно сказал Никита, и никто не сомневался, что он так и сделает. – Одного успею убить.

– Разумно, – согласился Баталов, держа на прицеле Ника. – Но сам подумай. Киска скоро сама от потери крови загнется, если скорую не вызывать. Ох, жалко девку. Красивая. Я бы с ней развлекся. Она ведь была мартовская? А он умел подобрать себе хороших девочек. Ну, Никки, убери ствол, и если она выживет, мы, может, забудем про нее. – Баталов не спускал глаз с пистолета Никиты, лицо которого вновь стало спокойным, только остекленевшие от гнева глаза метали молнии.

– Выбирайте, кто сегодня подохнет, – в развязной, истинно мартовской манере ответил Никита, широко улыбнувшись. – Или проваливайте оба.

В ответ он услышал смешки, впрочем, нервные.

– Если мы уйдем, а девка останется в живых, в борделе ей найдется хорошее местечко, – продолжил подручный Макса глумливо, не убирая оружия. – Мы позаботимся, Никки. Мы найдем ее снова.

– Бросай оружие. Будешь стрелять, сам знаешь, я девку кончу, – добавил его брат. – А если не сдохнет, сгниет в борделе. Я устрою ей это.

Ярость, которая мягкой паутиной опутывала напряженные кисти рук Ника, возросла в разы, хотя, казалось бы, куда

больше.

– У нас два ствола и твоя девка. Убирай пушку и поехали с нами. Ты просто поговоришь с Максом, и все. Он тебя отпустит.

Никита коротко рассмеялся, услышав такую откровенную ложь.

– А красавице-то все-таки скорая нужна, – глянул на Настю тот, кто толкнул ее. – Загнется прямо тут. Лады. Поедешь с нами, о ней забудем. Я и об этом забуду, – коснулся он окровавленной щеки.

В серых глазах Кларского вспыхнул синим огнем лед. Паутина на руках Ника стала железной и больно впилась в кожу.

– Вызывай ей скорую. И я уеду с вами, – решился Никита, вспомнив маленькую Полину.

Без матери ей будет тяжело. А Настя и правда может умереть. Кровотечение – опасная штука.

– Сначала брось своего дружка, – указал подбородком на пистолет один из братьев, доставая мобильник. – Тогда вызову. Поехали – и девка больше не пострадает.

Кларский, про себя прокляв и этих отморозков, и Макса, как подаяние нищему, бросил огнестрельное оружие к ногам Баталовых, понимая, что иначе жизнь Насте он не спасет. Пистолет тут же оказался в руках одного из них.

– К стене, – велели ему злым голосом, из которого пропала всяческая глумливость.

Никита покорно подошел к стене. Ему заломили руки, угостили парой хороших ударов по ребрам, а после спешно обыскали и вытащили нож, наличку, ключи от машины и, что самое страшное, банковский ключ от ячейки с архивом. Кларский сжал зубы, когда понял, чего лишился. Никогда еще ненависть так не зашкаливала в его жилах.

Он все завалил, идиот.

– Что это у нас тут такое? – повертел в руках ключ Баталов. – Что ты хранишь в банке, а, Никки?

– Яйцо с иглой внутри. На которой чья-то смерть, – дерзко сказал Кларский и получил ощутимый удар по почкам.

Никита отстраненно подумал, почему никто из жильцов этого гребаного дома так и не появился в подъезде.

– Пасть захлопни, весельчак. Иначе тебя этот банковский ключ сожрать заставят, – велели ему.

Один из братьев Баталовых вспомнил, как однажды очень похоже «пошутил» Март. Он тоже упомянул яйцо с иглой внутри, на конце которой находилась Кощеева смерть. Шутка показалась Марту забавной и символично-метафоричной – он как раз держал шприц с опасно поблескивающей иглой и собирался вколоть сильнейший наркотик одному связанному человеку, который не желал делиться важной информацией.

Хотя Андрей и был мертв, он до сих пор внушал своему бывшему окружению толику ужаса. Даже таким, как братья Баталовы.

В это время Настя слабо застонала – пришла в себя. Чуть приоткрыв глаза, Настя окинула троих мужчин мутным взглядом. Она узнала Никиту и неотрывно смотрела на него несколько секунд, силясь что-то сказать – кажется, даже позвала его по имени слабым дрожащим голосом и вновь потеряла сознание.

– Вызывайте скорую, – проговорил Кларский, стараясь скрыть нервозность.

Один из ножей – небольшой керамбит, спрятанный в широком браслете на руке, – Баталовы при спешном обыске не нашли. Можно воспользоваться им в машине, когда его повезут к Максиму. Для Ника это был последний шанс вырваться на свободу.

– Ага, сейчас, – весело откликнулся тот, кто пообещал ее вызвать, и приставил пистолет к виску парня. – Давай, малыш, поворачивайся и спускайся вниз. Макс тебя очень ждет.

– Скорую, – прорычал Кларский, глядя на Настю.

Необузданное животное, что в нем просыпалось, рвалось наружу.

– Кто-нибудь твою девку найдет и вызовет. Может, к тому времени она и не загнется, – отмахнулся бандит. – Шевели копытами, Никки. Тебя очень ждут. Иди, или я отправлю тебя к братику прямо сейчас. Давай-давай, поторапливайся, гаденыш, пока не появились свидетели.

Из горла Никиты вырвался лишь рык. Он был на пределе.

До этого он не хотел убивать – не хотел переступить последнюю черту, а теперь с садистским удовольствием прикончил бы обоих Баталовых и Макса, и еще целую кучу народа.

Тут открылась дверь квартиры на третьем этаже, и на встречу бандитам и Нику спустился высокий жилистый пожилой мужчина в тельняшке и с дробовиком в руках.

– Ну-ка, бросаем стволы, ребята, – дружелюбно велел он, направив заряженное оружие на того из братьев, кто держал пистолет у виска Кларского.

– Дед, ты чего? – изумились они, не ожидая такой подставы.

– Бросайте, говорю, – насупился пожилой мужчина. – А полицию я уже вызвал. И скорую, – добавил он, глядя на Никиту.

Этого человека, когда-то служившего в органах правопорядка и жившего с Настей по соседству, привлек неясный шум в подъезде. Глянув в глазок, бывший сотрудник комитета госбезопасности увидел творящееся на лестнице безобразие, скоренько вызвал полицию и бесстрашно вышел на площадку с дробовиком в руках. Вообще-то, выходить он не планировал, но когда понял, что парня собираются увести, все же решился.

– Дед, давай проваливай к себе в фатеру, – рассердился один из братьев Баталовых. – И сиди тихо. Или пожалеешь.

– Ты сам пожалеешь, – ничуть не смутился тот, не убирая оружия. – Отпустите парня и проваливайте, крысы.

– Да я тебе щас...

В этот момент все на лестничной площадке услышали вой приближающихся сирен. Братья переглянулись, словно говоря что-то друг другу на понятном только им языке, и помчались вниз, оставив и Ника, и Настю. Они прекрасно понимали, что если нагрянут менты, им просто так не уйти. А Макс приказал работать тихо и особо не светиться.

Напоследок один из них бросил:

– Мы вернемся, Никки. И за тобой, и за девкой.

Кларский обжег их широкие спины взглядом, наполненным первосортной ненавистью, зная, что те не шутят. А после бросился к рыжеволосой, опустившись рядом с ней на колено. Следом за ним к девушке подбежал и ее бесстрашный сосед.

– Вот сволочи, – покачал он головой, приложив руку к шее Насти. – Пульс вроде есть. Жива еще. Парень, а ты-то в порядке?

Никита только кивнул. Пока что он, охваченный сильнейшими эмоциями, не мог рассуждать логически, чтобы понять, каким образом Макс пронюхал о том, что они с Настей встречались.

Через пару минут на площадке появились санитары и врач из скорой помощи – бандиты услышали сирену их машины и приняли ее за полицейскую, а потому поспешно скрылись.

Рыжеволосую осторожно погрузили на носилки. Напуганные соседи один за другим выглядывали из квартир, заслу-

шав шум и громкие голоса, и сестра Насти – Света – не стала исключением. Она, ожидая родственницу дома и смотря вместе с племянницей диснеевский мультит «Король лев», тоже высунула голову из-за двери.

– О господи, – ахнула она, поняв, что на носилках видит сестру.

Рыжие волосы, испачканные в крови, зловещим болезненным ореолом разметались вокруг ее головы. Света как была, босиком кинулась вниз, к сестре. Она заметила лужу темной крови на бетоне, и это шокировало ее еще больше.

– Что с ней?! – закричала Света вне себя от ужаса и бросилась к Насте, но сосед в тельняшке, уже спрятавший дробовик дома, и врач остановили ее. Она рыбкой забилась у них в объятиях. – Пустите! Я ее сестра! – завизжала Настина родственница сквозь слезы. – Скажите, что с ней!

– Все в порядке, с ней все в порядке! – торопливо бросил врач, глядя, как носилки с раненой девушкой медленно несут по ступеням вниз санитар и вызвавшийся помочь сосед.

Если честно, в порядке Настя не была, но что он мог еще сказать ее сестре?

– Давайте я поставлю вам укольчик, и вы успокоитесь?

– Я не хочу укольчик! Что с моей сестрой?!

Никита отстраненно смотрел, как плачущей сестре Насти делают укол с успокаивающим раствором. Он все еще плохо осознавал действительность, словно находился не в своем

теле, а бесплотным духом висел под потолком, и полностью пришел в себя тогда, когда кто-то подергал его за рубашку. Кларский опустил взгляд и увидел зареванную Полину, прижимающую к себе плюшевого, песочного цвета медведя. Девочка плакала беззвучно, взирая на него огромными покрасневшими глазами, из которых слезы прозрачным ручейком бежали по щекам и капали на шею и небесно-голубую кофточку.

Полина, похоже, видела и кровь, и лежащую без сознания мать, но, в отличие от тети, не кричала, хотя сильно испугалась. Никита молча взял ее за руку, и мокрые от слез пальцы вцепились в его ладонь.

Они ничего друг другу не говорили, но – удивительное дело – Ник почувствовал себя спокойнее, увереннее и хладнокровнее, а Полина перестала плакать, доверчиво прижимаясь к дяде. Кларский даже несмело погладил ее по волосам, заплетенным в косички, и сухо сказал вышедшей на лестницу ахающей над происходящим бабушке:

– Отведите ребенка в квартиру.

– Конечно-конечно, – тут же засуетилась она, поняв, что родная тетка пока не в состоянии сделать этого. – Нечего ей тут делать! Страсти какие, страсти-то! Полиночка, деточка, пошли к нам в гости?

Дочка Насти вцепилась в большую твердую ладонь Никиты и упрямо помотала головой, но он коротко сказал ей: «Иди, все будет хорошо», и Полина послушалась дядю. Она

все время оглядывалась на оставшегося на лестничном проеме Ника. Глаза у нее при этом были такими же огромными, как у олененка Бемби, и Ник помимо затаившейся в сердце ярости ощутил еще и глухую тоску. Где-то в глубине квартиры Насти заскулил тихонько, но жалобно и тревожно найденный щенок. Этот звук добавил новый штрих-зигзаг ко взрывной картине эмоций Ника.

Когда девочка вместе со старенькой соседкой скрылась за дверями квартиры, а санитары и врач спустились, Никита поймал за руку более-менее успокоившуюся Свету – та хотела поехать в карете скорой помощи вместе с пострадавшей сестрой, но врач категорически не хотел брать ее – и сказал тоном, не терпящим возражений:

– Слушай меня внимательно. Увези девочку отсюда как можно дальше. Спрячь ее на время, поняла меня?

– Почему? – спросила Света с глупым испугом, похожим на любопытство.

Лекарство блокировало ее эмоции.

– Потому. Ты помнишь, кто отец Полины?

Девушка медленно кивнула. Она помнила. Вся семья Насти была, мягко говоря, в прострации, узнав, от кого та собралась рожать ребенка. К тому времени Андрей Март уже был мертв, а слава «пристанской» ОПГ еще пару лет гремела в городе.

– Тогда не задавай глупых вопросов. Просто делай так, как я говорю. Спрячь девочку. Это ненадолго, – не своим

голосом проговорил Никита.

Сейчас он чувствовал себя почти спокойным – задвинул эмоции подальше и вновь мог анализировать случившееся.

– Ты кто такой? – боязливо вглядывалась в его лицо Света.

– Неважно. Если ты не спрячешь Полину, пожалеешь.

– В смысле? – Она жалобно посмотрела в серые глаза Никиты.

– В прямом. Они могут вернуться.

Дав Свете кое-какие указания и взяв у нее номер телефона, чтобы узнать состояние Насти, Никита бегом бросился вниз, к своему «Форду». Запасной комплект ключей лежал в бардачке, и Кларскому пришлось выбить окно, прежде чем он завел автомобиль и рванул вперед, нарушая правила вождения. Подручных Макса уже и след простыл, но Ник долго петлял по улицам города, проверяя, нет ли за ним слежки, а после, поразмыслив, что братья Баталовы могли понять, на какой машине он ездит, оставил ее в переулке на окраине города, неподалеку от остановки, после чего сразу запрыгнул в длинный полупустой бело-зеленый автобус и умчался в другой район. Все это он делал на автомате.

Никита сидел на самом последнем, приподнятом ряду кресел ровно посредине, широко расставив ноги, откинувшись на спинку сиденья и скрестив руки на груди, и бессмысленным взглядом смотрел в окно, за которым размытым пятном проплывали небо, дома и фигуры людей.

Эмоции вновь вырывались из-под контроля: холодная

ненависть, нестерпимое желание наказать тех, кто посмел обидеть Настю, дикая злость на себя и на свою беспомощность. Одновременно привыкший к логике мозг Кларского пытался анализировать ситуацию, в которую попал его хозяин.

Насте и ребенку грозит опасность. Теперь ее не оставят в покое. Доступа к архиву с компроматом больше нет – Баталовы забрали банковский ключ. Месть, как следствие, отменяется. А Макс продолжит искать его.

Лучшее, что сейчас Ник может сделать, – просто уехать из города, пока это еще возможно. Пока не перекрыты все пути. Нужно убраться, переждать и напасть заново, в самый неожиданный момент.

Однако это был не вариант – из-за рыжеволосой Насти и ее ребенка. Люди Макса могут вернуться за ними, как обещали. Нет, они не могут, они – вернутся.

В голове Кларского засела мысль о том, что он должен защитить их – просто обязан, любой ценой. Эта мысль была путеводной звездой в его сознании, похожем на ледяную ветреную пустыню. То бесконечно злое и страшное, что проснулось в нем после того, как Ник увидел окровавленную Настю и испуганную Полину, требовало настоящего возмездия. «Око за око, зуб за зуб!» – вот что кричало оно яростно внутри Кларского, овладев его сердцем. А ум меланхолично подтверждал, что, скорее всего, принцип талиона будет самым верным в этом случае. Остановить Макса будет крайне

нелегко, а самый простой способ сделать это – убрать его.

– Никита, дурак, хва-а-атит, – услышал вдруг Кларский игривый возглас и машинально повернул голову.

На последний ряд уселась парочка: спортивного телосложения парень с симпатичной блондинкой, чья короткая стрижка напомнила Кларскому стрижку Ники три года назад. Молодой человек пытался обнять и поцеловать свою подругу, а та отбивалась, шутливо шлепая его по рукам, и говорила, что они в автобусе, и вести себя так в нем не должны. Однако невооруженным взглядом было видно, что все поползновения друга ей приятны.

Никита смерил парочку вроде бы равнодушным взглядом, но парень сразу напрягся и закрыл собой свою симпатичную спутницу – что-то во взоре Никиты ему не понравилось.

Кларский вновь вспомнил Нику и ее смех и незаметно улыбнулся.

Внезапно он понял, как ему поступить, чтобы и отомстить за брата, и защитить Настю с ребенком. План в его голове, охваченной ледяным пожаром ненависти, придумался на удивление быстро.

Ника, облаченная в свадебное платье, с трудом покинула сознание Никиты, грустно отправившись куда-то на его периферию, а основные его мысли заняло предстоящее мероприятие, если так можно было его назвать. Мероприятие «Большая торжественная месть». Март был бы доволен, прочти он мысли своего младшего брата, которого ласково на-

зывал оленем.

Когда Никита наконец вышел из автобуса, он уже точно знал, что будет делать – ведь ничего другого больше ему не остается.

Он убьет Макса.

Переступит через себя, свои долбанные принципы, и убьет. Зверь внутри него был очень доволен.

Никита сидел на покосившейся серо-синей лавочке в пустом полузаброшенном дворике, который зарос дикой травой, а на клумбах вместо цветов виднелись горки мусора. Кларский набрал номер Виталия Сергеевича.

Свой номер Ник ему не оставлял – по нему можно было легко вычислить местонахождение обладателя мобилы, да и вообще по этой же причине мнительный Кларский всегда держал мобильник выключенным, без сим-карты. Ее вставлял только по мере необходимости, после чего сразу же вытаскивал. А когда звонил сам, предварительно включал антиопределитель – если кому понадобится, все равно через станцию номер пробьет, но это займет дополнительное время.

Трубку взяли сразу.

– Здравствуйте, – тихо произнес в трубку Никита, глядя на сломанные качели, которые из-за усилившегося ветра чуть слышно поскрипывали.

– Никки, ты? А я ждал твоего звонка, ждал, – взволнованно сообщил ему грубоватый голос Виталия.

– Мне нужно достать взрывчатку, – сказал ему Никита. Прозвучало это совершенно обыденно.

– Что-что? – удивился Виталий Сергеевич.

– Срочно.

– Зачем же? – любопытствовал собеседник Ника.

– Нужно, – было ему крайне лаконичным ответом. – Где и у кого я могу ее взять?

– Никита, что за вопросы? Что слу...

– Где? – В голосе Никиты проскользнуло что-то чрезвычайно злое.

Виталий Сергеевич уловил это.

– Вижу, ты не намерен ничего говорить. Хорошо. Твое право. Помнишь того человека, у которого ты покупал ствол? Обратись к нему и скажи, что от меня. У него есть все, что тебе нужно.

– Хорошо.

– погоди, Никита, ты что задумал?

Это был чисто риторический вопрос. Виталий Сергеевич и не надеялся услышать правдивого ответа.

– Я вам перезвоню через пару часов. За это время вы должны узнать расписание Макса и Смерчинского на ближайшие пару дней, – почти приказал ему Кларский. – Также мне нужна информация об их охране. Все что есть.

– Положим, это я сделать смогу, – медленно ответил Виталий. – Но все же, для чего тебе это?

– До свидания.

– Никки! Постой!

Но Кларский уже сбросил вызов и вытащил сим-карту из телефона.

Горящий от невероятного по своему накалу желания мстить и защитит, Никита вновь поехал к тому барыге, продававшему из-под полы оружие. Вскоре он стал счастливым обладателем взрывного устройства небольшого размера, которое вполне помещалось в литровый пакет из-под сока. После Никита перезвонил Виталию вновь.

– Никита, – спешно заговорил тот, едва заслышав его голос. – Ты вовремя. У меня для тебя новости. Тебе будто судьба благоволит. – Тут он, не сдержавшись, позволил себе смешок.

– Что случилось? – мигом насторожился Кларский.

Ему понравилось упоминание о судьбе.

– Удача на твоей стороне, – торжественно сообщил Виталий Сергеевич. – Мои люди принесли хорошую весть. Завтра, в пять вечера, в ресторане «Милсдарь» Смерчинский встретится с Максом. Никита, – зашептал он, – это твой шанс. Они будут вместе ужинать в отдельном кабинете. Редкий шанс убить двух зайцев. Понимаешь, о чем я? Ты ведь не зря купил взрывчатку, верно?

Никита понимал. Он также прекрасно понимал и выгоду Виталия, которая приплывет к нему в руки в случае расправы Ника над этими людьми.

– У меня нет времени, – торопливо продолжил Виталий. –

То, что знал, я тебе сказал. Долг перед Мартом выполнил. Теперь ты действуй по своему разумению.

– Хорошо, понял, – глухо ответил Никита.

Значит, планы меняются. Ник встретится с этими людьми не поодиночке, как предполагал вначале, а когда они будут вместе. Ведь это действительно очень удобно – двух зайцев убить одним ударом.

Виталий Сергеевич сообщил Нику, сколько охраны будет у каждого из его врагов, в каком VIP-кабинете они встретятся, на каких машинках прикатят к ресторану и многое-многое другое, вплоть до информации о том, что Макс самолично проводит Смерчинского после его визита. Выйдет вместе с ним на крыльцо – так у них было заведено по традиции. Этакая дань уважения, маскирующая вынужденное подчинение одного другому.

– На Макса недавно уже совершали покушение. Тоже около «Милсдаря» – это его ресторан и, – хохотнул он, – штаб-квартира. Стреляли из тачки. Говорят, так Радик привет передал. Ты можешь повторить покушение и...

– Понял, – повторил Кларский равнодушно, и они торопливо распрощались.

Намек был слишком очевидным.

Никита выключил мобильник и вытащил сим-карту, спрятав все это в карман, после чего быстрым шагом направился прочь, решив переждать на своей квартире.

Два коронованных зайца – Даниил Юрьевич Смерчин-

ский, подставивший его брата, и Макс, отрекшийся от него и занявший его место, – встречались в ресторане «Милсдарь», и он, Ник-охотник, убьет их одним выстрелом. Ну, положим, не одним, а как минимум двумя, да и вообще не выстрелом, но это уже технические мелочи.

Никита считал, что Виталий Сергеевич сообщил ему верную информацию. Естественно, он проверил ее, потому как бизнесмен был не единственным информатором Кларского. Еще один из старых людей Марта, оставшийся на свободе и очень не жаловавший Максима, подтвердил, что новый лидер «пристанских» и Смерчинский встретятся завтра в пять вечера по какому-то довольно важному поводу.

После телефонных разговоров Никита долго, очень долго думал, сидя на полу своей очередной временной безликой квартиры. В деталях прокручивал в голове исполнение задуманного.

Взрывное устройство с дистанционным управлением – отличная вещь.

Беспроигрышный план.

Конечно, можно использовать огнестрельное оружие, например, ту же винтовку, но для снайпера у Никиты не хватало нужных навыков, хотя за последние годы в оружии он стал разбираться куда лучше, чем раньше.

Пистолет отметался сразу. Охрана в ресторане – а Макс и Смерчинский встретятся лишь там – продырявит его прежде, чем он успеет убить обоих врагов. На крыльце, когда

эти двое будут прощаться, шансов больше, но охраны много и она постоянно начеку. Макса уже однажды чуть не расстреляли из машины, и его псы сейчас явно наготове. Тем более что и второй информатор Ника говорил о том, что бойцы главы «пристанских» сейчас чуть ли не землю рылами роют, кого-то разыскивая. Ник не знал, что разыскивают его, полагая, будто они ищут того, кто покушался на Макса. Знал бы – давно сделал ноги и вновь затаился, как волк, готовый ждать сколько угодно, дабы осуществить свои намерения.

Еще можно достать автомат и попытаться расстрелять противников из машины, но скорее всего, в последний момент чуткая охрана закроет собой босса, а после настигнет киллера. К тому же нужен был напарник – за руль. Надежного напарника было найти куда труднее, чем надежное оружие.

У Ника был вариант явиться с автоматом в сам ресторан, но Кларский отлично понимал, что пройти мимо их секьюрити ему не удастся ни силой, ни хитростью.

Такие штуки, как гранатомет и пулемет, даже ручные, Ник не рассматривал – как говорил Март, это было «конкретное палево».

Кларский предпочитал не рисковать. Лучше выбрать более надежный способ, рассчитать все детали, положившись на свой мозг и свои руки, нежели на гипотетическую удачу.

А холодное оружие или всякую экзотику типа ядов Ник во внимание не брал вообще – все это казалось ему полнейшей

чушью.

Некоторое время Никита размышлял над установкой взрывного устройства до прихода Смерчинского и Макса. Дабы нажатием кнопки на мобильнике или специальном пульте, передающем сигналы, активировать бомбу. Однако и этот вариант не годился – опытная охрана может заранее проверить помещение на наличие жучков или взрывных устройств. Да и в кабинет заранее проникнуть будет крайне трудно.

Единственным местом, где можно было, по расчетам Ника, устроить взрыв, являлось крыльцо ресторана «Милсдарь». Активировать бомбу в тот момент, когда оба его врага окажутся на ступенях, прощаясь друг с другом. Сначала Кларский думал подогнать машину, начиненную взрывчаткой, к самому крыльцу. От парковочного кармана оно отделялось лишь тонкой линией чистого тротуара, вдоль которого гордо росли редкие черные и алые тюльпаны, словно подчеркивая роскошь и элегантность заведения. Однако Никита отмел этот план, ибо нельзя было точно предугадать, удастся ему поставить свою тачку в нужное место и нужное время перед крыльцом или нет.

Поэтому, поразмыслив еще немного и осмотрев место будущей казни врагов, Никита решил поступить иначе – имеющееся у него взрывное устройство в бумажном пакете из-под сока он подкинет в одну из двух урн-пепельниц у крыльца. А после, наблюдая за происходящим из укромного местечка,

нажмет на кнопку пульта.

Бабах – и его миссия выполнена.

Март будет отомщен, и никто не тронет Настю и Полину.

Можно, конечно, нанять киллера, находясь за тысячи километров от города, но для Никиты это было делом чести. Глупой, никому не нужной чести. А может, и смыслом жизни, который твердил: «Не сдавайся, парень, не падай духом, борись, у тебя еще впереди есть важное дело».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.